

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СТРЕЛКА ШАРПА

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ТРАФАЛЬГАР СТРЕЛКА ШАРПА

ДОБЫЧА СТРЕЛКА ШАРПА

The Big Book. Исторический роман

Бернард Корнуэлл

**Трафальгар стрелка Шарпа.
Добыча стрелка Шарпа**

«Азбука-Аттикус»

2000, 2001

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Корнуэлл Б.

Трафальгар стрелка Шарпа. Добыча стрелка Шарпа /
Б. Корнуэлл — «Азбука-Аттикус», 2000, 2001 — (The Big Book.
Исторический роман)

ISBN 978-5-389-19700-8

В начале девятнадцатого столетия Британская империя простиралась от пролива Ла-Манш до просторов Индийского океана. Одним из строителей этой империи, участником всех войн, которые вела в ту пору Англия, был стрелок Шарп. В романе «Трафальгар стрелка Шарпа» герой после кровопролитных битв в Индии возвращается на родину. Но французский линкор берет на абордаж корабль, на котором плывет Шарп. И это лишь начало приключений героя. Ему еще предстоит освобождение из плена, поединок с французским шпионом, настоящая любовь и участие в одном из самых жестоких морских сражений в европейской истории. В романе «Добыча стрелка Шарпа» герой по заданию Министерства иностранных дел отправляется с секретной миссией в Копенгаген. Наполеон планирует вторжение в нейтральную Данию. Он хочет захватить ее мощный флот. Императору жизненно необходимо компенсировать собственные потери в битве при Трафальгаре. Задача Шарпа – сорвать планы французов.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19700-8

© Корнуэлл Б., 2000, 2001
© Азбука-Аттикус, 2000, 2001

Содержание

Трафальгар стрелка Шарпа	7
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Бернард Корнуэлл

Трафальгар стрелка Шарпа.

Добыча стрелка Шарпа

Bernard Cornwell

SHARPE'S TRAFALGAR

Copyright © 2000 by Bernard Cornwell

SHARPE'S PREY

Copyright © 2001 by Bernard Cornwell

All rights reserved

© М. В. Клеветенко, перевод, 2007

© С. Н. Самуйлов, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Карты выполнены Юлией Каташинской

Возможно, это самый великий из современных писателей в историко-приключенческом жанре.

The Washington Post

В книгах Корнуэлла лучшие описания битв, какие мне когда-либо доводилось читать.

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Корнуэлл пишет истории, порой трудные для понимания, сложные с точки зрения общепринятой морали, но именно поэтому они покоряют не только читателей, но и коллег по перу.

New York Times Book Review

Корнуэлл выводит на историческую сцену вымышленных персонажей и действует при этом тонко, как настоящий эксперт.

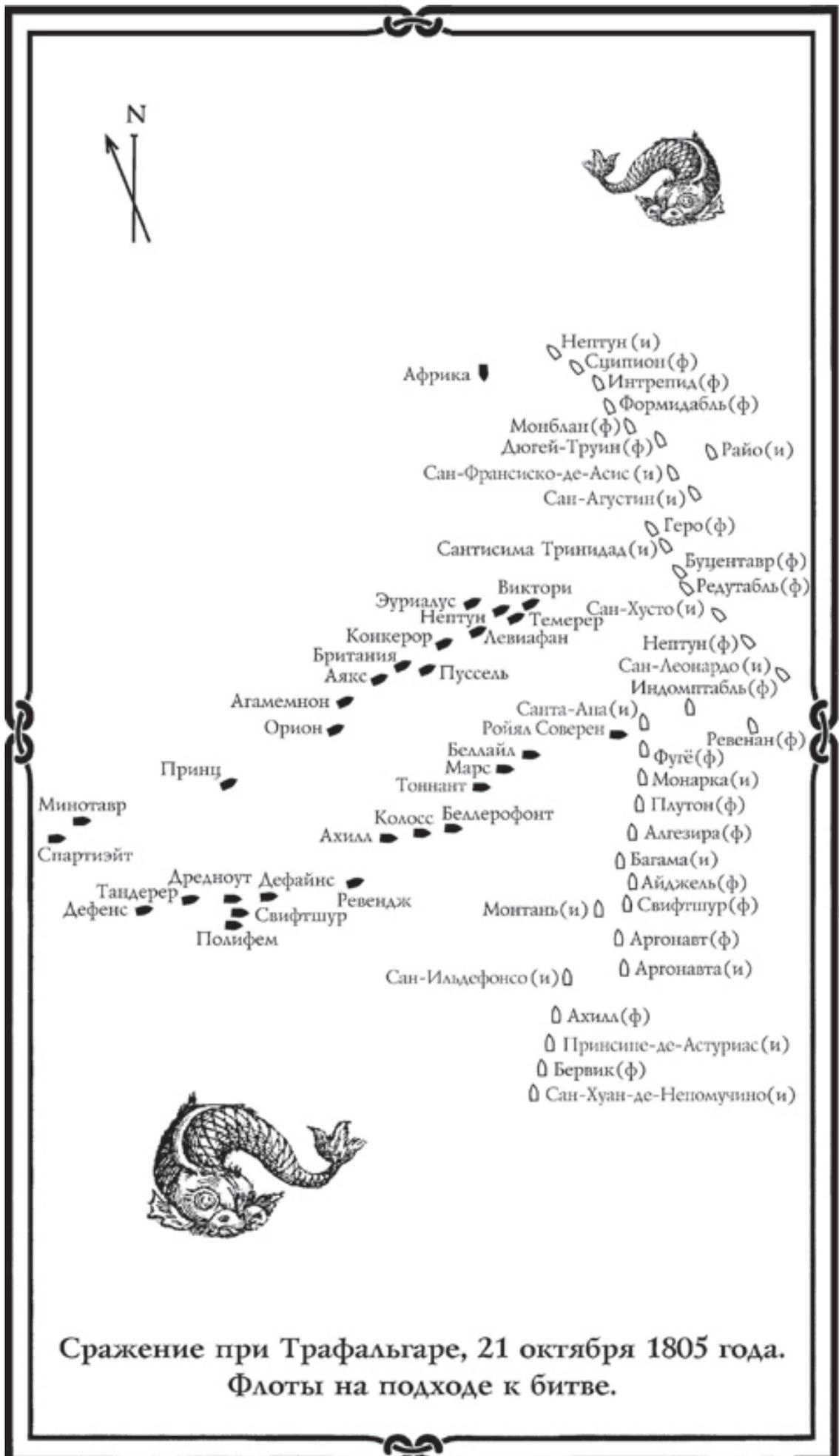
BookPage

Мастерски сделанный коктейль из вымысла и исторических деталей.

Newsday

Если вы любите историческую драму, лучше, чем эта, вам уже не найти.

Boston Globe

Глава первая

– Сто пятнадцать рупий. – Прапорщик Ричард Шарп пересчитал деньги на столе.

Нана Рао недовольно присвистнул, с треском сдвинул бусины на счетах и покачал головой:

– Сто тридцать восемь, сагиб.

– Сто пятнадцать чертовых рупий, – настаивал Шарп. – Или четырнадцать фунтов семь шиллингов и три с половиной пенса.

Нана Рао всмотрелся в покупателя, прикидывая, стоит ли спорить. Перед ним стоял молодой офицеришка самого низкого чина, но этот английский простолюдин отличался на редкость непреклонным выражением лица, которое усиливал шрам на правой щеке, к тому же он явно не боялся двух громил, которые охраняли Нана Рао и его склад.

– Сто пятнадцать, так и быть, – решил торговец, собирая деньги. Затем виновато пожал плечами. – Старею, сагиб, совсем считать разучился.

– Как бы не так, – усмехнулся Шарп, – просто ты решил, что считать разучился я.

– Удачные покупки, сагиб, – похвалил свой товар Нана Рао, ибо Шарп только что стал счастливым обладателем переносной кровати, двух одеял, сундука тикового дерева, фонаря, коробки свечей, бочки рисовой водки – арака, деревянного ведра, ящика мыла, еще одного с табаком, а также хитроумного устройства из меди и дерева, которое превращало тухлую воду из корабельного трюма в сладчайшую жидкость.

Нана Рао продемонстрировал покупателю работу сложного механизма. Он уверял, что фильтрующая машина прибыла из самого Лондона в багаже директора Ост-Индской компании, который не стал бы пользоваться некачественным товаром.

– Воду заливаете сюда, мистер Шарп. – Торговец влил pintу мутной воды в верхнюю камеру из меди. – Даете отстояться, и через пять минут она становится чистой, как хрусталь. Видите? – Нана Рао поднял нижнюю емкость – вода сочилась сквозь фильтр из нескольких слоев муслиновой ткани. – Я сам чистил фильтр, мистер Шарп, поэтому, уверяю вас, работает он отменно. Советую раскошелиться – не хотите же вы сгинуть в пути оттого, что грязь застрянет в кишках!

Пришлось Шарпу купить чудо-устройство. Однако от кресла, книжного шкафа, дивана и умывальника он отказался. Все эти вещи некогда принадлежали пассажирам, путешествующим из Лондона в Бомбей. Прочий скарб, в том числе фильтрующую машину, Шарп приобрел, чтобы добраться до Англии в относительном комфорте. Пассажиры больших торговых судов Ост-Индской компании должны были сами заботиться о своих удобствах.

– Вам ведь не понравится спать прямо на палубе, сагиб? Очень жестко! – Нана Рао рассмеялся. Пухлый и добродушный на вид торговец с большими черными усами продавал вещи прибывающих путешественников тем, кто отплывал обратно в Англию. – Можете все оставить здесь, – предложил он, – а в день отплытия мой брат доставит вещи на корабль. На каком судне вы плывете?

– На «Каллиопа», – ответил Шарп.

– А, «Каллиопа»! Капитан Кромвель. Увы, «Каллиопа» стоит на рейде, поэтому вещи придется переправлять лодкой. Мой брат берет недорого, а когда окажетесь в Лондоне, сможете перепродать их с большой выгодой!

Впрочем, справедливость этого утверждения Шарпу проверить так и не довелось, ибо той же ночью склад Нана Рао сторел дотла вместе с владельцем и товаром. Пламя поглотило все: кровати, книжные полки, фонари, фильтрующие аппараты, одеяла, сундуки, столы, стулья, арак, мыло, табак, бренди и вино. К утру на месте склада остались лишь дым, пепел да стайка

скорбящих родственников добряка Нана Рао. К счастью, другой склад, что находился не далее чем в трехстах ярдах от сгоревшего, ломился от товаров. Пришлось раздраженным пассажирам заплатить его владельцу втрое против прежнего.

Всем, но не Ричарду Шарпу. Недаром Шарп провел в Бомбее целых пять месяцев. Большую часть этого времени, обливаясь потом и стуча зубами, прапорщик провалился в лазарете. Когда лихорадка отпустила, Шарп в ожидании ежегодного британского конвоя исследовал город – от усадеб богачей на Малабарских холмах до зловонных припортовых аллей. Там он и свел знакомство с нужными людьми, которые в обмен на золотую гинею сообщили информацию, вполне стоившую затраченных денег. На кону стояли сто пятнадцать рупий, поэтому, когда стемнело, Шарп, нацепив поверх мундира плащ, щедро заляпанный грязью, оказался в восточном пригороде Бомбея. Шарп хромал, шаркал и протягивал руку за милостыней. Время от времени он что-то бормотал себе под нос, подергивался, а иногда даже огрызался на ни в чем не повинных прохожих.

Шарп отыскал нужный дом и присел на корточках у стены. Нищие, некоторые со следами страшных увечий, вместе с сотней просителей дожидались владельца дома – богатого торговца. Хозяин появился после полуночи в зашторенном паланкине, который несли восемь слуг. Еще дюжина расчищала паланкину путь, отгоняя нищих длинными палками. Ворота во двор закрыли не сразу, дав возможность просителям и нищим просочиться внутрь. Нищие, в числе которых оказался и Шарп, сгрудились в углу двора, а просители расположились у основания широкой лестницы, что вела к дверям дома. С кокосовых пальм свисали фонари, желтый свет лился сквозь резные ставни на окнах. Шарп подобрался как можно ближе к дому и спрятался за стволом пальмы. Под засаленным плащом он прятал кавалерийскую саблю и заряженный пистолет, хотя от души надеялся, что не придется воспользоваться ни тем ни другим.

Торговца звали Панжитом, и он заставил просителей и нищих дожидаться окончания своего ужина. Затем двери широко распахнулись, и Панжит, в расшитом шелковом одеянии желтого цвета, вышел во двор. Просители заголосили, а нищие рванулись к ступеням, где их остановили палки слуг. Торговец улыбнулся и, желая привлечь внимание ярко разрисованного божества в нише стены, побренчал мелочью в кошеле. Панжит поклонился божеству, и тут в ответ на молитвы Шарпа из-за его спины появился еще один индеец в красном шелковом халате.

Нана Рао широко улыбался и явно ничуть не пострадал при пожаре. С помощью золотой гинеи Шарпу удалось выяснить, что Нана Рао приходился Панжиту двоюродным братом. Панжит владел тем самым складом, который находился в трехстах ярдах от сгоревшего имущества Нана Рао, и именно ему удалось нажиться на отплывающих пассажирах, продавая им товары втридорога. Благодаря ловкому мошенничеству братья сорвали куш и как раз сегодня вечером решали, кому поручить прибыльное дело – перевозку вещей к кораблям, что стояли на рейде, за что братьям также полагались комиссионные. Прибыль сама шла в руки мошенников, вот они и решили умиловить богов, пожертвовав попрошайкам несколько жалких монет. Шарп рассудил, что легче всего проникнуть в дом Панжита в личине нищего. В нужный момент он намеревался сбросить плащ и пристыдить бесчестного торговца. Однако опытные телохранители, стоявшие у нижней ступеньки лестницы, сильно осложняли задачу. Оставалось надеяться, что Нана Рао не захочет разоблачения и отдаст деньги добром.

Шарп заметил, что слуги унесли пустой паланкин по узкой и темной дорожке, которая вела вокруг дома, и решил воспользоваться этим путем, чтобы проникнуть внутрь с тыла. Однако телохранители не подпускали нищих близко, а вот просителям милостиво разрешили подняться по ступенькам.

Ночь обещала быть долгой. Шарп опустил капюшон на лицо и привалился к стене, не спуская глаз с дорожки. Неожиданно на ступенях появился слуга, который охранял ворота снаружи. Он что-то прошептал хозяину на ухо. Казалось, новости встревожили торговца. Во дворе

стало тихо. Панжит что-то сказал Нана Рао, тот пожал плечами. Панжит хлопнул в ладоши и крикнул телохранителям, которые начали сталкивать просителей со ступеней. Опасаясь непрощенных гостей, Нана Рао счел за благо укрыться в сумраке веранды.

Наконец Шарпу представилась возможность незамеченным проскользнуть на задний двор, но любопытство удержало его на месте. С улицы раздались шум и свист, похожий на тот, которым толпа встречает констеблей, если им случается забрести на лондонские окраины, затем ворота распахнулись, и Шарп замер в изумлении.

В воротах стояли английские матросы. Вел их морской капитан в треуголке, синем сюртуке, шелковых бриджах, чулках и туфлях с серебряными пряжками, с тонкой шпагой на боку. Свет фонарей отражался от золотой тесьмы узких эполет. Капитан снял шляпу, обнажив копну светлых волос, улыбнулся и поклонился:

– Я имею честь посетить дом Панжита Лахти?

Торговец осторожно кивнул.

– Так и есть, – отвечал он по-английски.

Морской капитан снова нахлобучил треуголку.

– Я пришел за Нана Рао, – добродушно заявил он с заметным девонширским акцентом.

– Его здесь нет, – отвечал Панжит.

Капитан бросил взгляд в сторону веранды:

– Значит, передо мной его призрак.

– Повторяю, – разозлился Панжит, – его здесь нет. Он умер!

Капитан улыбнулся.

– Меня зовут Чейз, – промолвил он учтиво. – Капитан военно-морских сил его величества Джоэль Чейз, и я буду премного вам обязан, если Нана Рао выйдет ко мне.

– Его тело сгорело, – яростно заявил торговец, – а пепел покоится в реке. Почему вы ищите его здесь?

– Он не мертвее нас с вами, – возразил Чейз и сделал знак матросам выступить вперед.

Их была дюжина – все в белых парусиновых штанах, красно-белых полосатых рубашках и просмоленных соломенных шляпах с такими же красно-белыми лентами. Волосы матросы завязывали в длинные хвосты. В руках они держали массивные палки, в которых Шарп опознал прутья кабестана. Вел матросов громадный детина, голые предплечья которого покрывали татуировки; за ним следовал чернокожий гигант, словно ветку орешника, сжимая в руке толстую палку.

– Нана Рао, – продолжил капитан, отказываясь признавать торговца мертвым, – вы должны мне, и я пришел забрать долг.

– По какому праву вы врываетесь в мой дом? – воскликнул Панжит.

Толпа, почти не понимавшая по-английски, взирала на матросов с беспокойством, а телохранители Панжита, численно превосходящие матросов и вооруженные не хуже их, рвались в бой.

– Мое право, – заявил Чейз гордо, – мой пустой кошелек. – Он улыбнулся. – Вы же не хотите, чтобы я применил силу?

– Как угодно, капитан Чейз, – отвечал Панжит надменно, – но к рассвету вы окажетесь за решеткой.

– Скорее в суде, а рядом со мной будет стоять Нана Рао.

Панжит махнул рукой:

– Уходите, капитан. Сейчас же!

– Как бы не так!

– Уходите, или я обращусь к властям!

Чейз обернулся к громадному детине и произнес:

– Боцман, Нана Рао – тот усатый прохвост в красном шелковом халате. Хватайте его!

Явно обрадовавшись возможности подраться, британские матросы рванулись вперед, но у телохранителей Панжита кулаки чесались не меньше. Соперники сошлись посредине двора, раздался треск палок, черепов и звуки кулачных ударов. Матросы дрались с такой яростью, что поначалу отгеснили телохранителей к ступеням, но последних было куда больше, да и с дубинками они обращались гораздо искуснее. Сначала телохранители орудовали кулаками, затем использовали дубинки как копья. Они били матросов по ногам, и те валились на ступеньки. Последними упали боцман и чернокожий гигант. Они до последнего прикрывали своего капитана, который ловко орудовал кулаками. Как бы то ни было, британцы недооценили соперника и оказались повержены.

Сквозь толпу нищих Шарп протиснулся к ступеням. Толпа улюлюкала, Панжит и Нана Рао смеялись, а просители, ободренные успехом телохранителей, пинали поверженных врагов. Один из победителей нахлобучил на голову матросскую соломенную шляпу, другой – треуголку Чейза. Двое молодчиков Панжита заломили капитану руки за спину.

Один из телохранителей рядом с Панжитом заметил маневр Шарпа. Он кинулся вниз по ступенькам, крича, чтобы бродяга убирался вон. Когда нищий в плаще не подчинился, телохранитель решил пнуть его ногой. Шарп схватил смельчака за лодыжку и крутанул в воздухе. Телохранитель спиной грохнулся на лестницу, с треском стукнувшись затылком о верхнюю ступеньку. В суматохе происшествия никто не заметил.

Панжит поднял руку, призывая толпу к молчанию. Плечи Нана Рао сотрясались от хохота. Шарп притаился в кустах сбоку от ступенек.

Телохранители пинками отогнали просителей от окровавленных и покрытых синяками матросов, которые молча наблюдали, как их командира сталкивают вниз со ступеней. Панжит насмешливо покачал головой:

– Что же мне с вами делать, капитан?

Капитан стряхнул молодчиков Панжита. Волосы Чейза потемнели от крови, которая струйкой стекала по щеке, но капитан был непреклонен:

– Вы отдаете мне Нана Рао и молитесь всем богам, которых знаете, чтобы я не потащил вас в суд.

Панжит насупился:

– Это вас следует судить. Виданное ли дело – капитан королевских военно-морских сил врывается в частный дом и затевает драку, словно буйный пропойца! Придется вам стать сговорчивее, капитан. – Панжит ждал, но Чейз молчал, не желая признать поражение. Панжит нахмурился и велел телохранителю вернуть капитану треуголку, затем торговец позволил себе улыбнуться. – Скандал нужен мне не больше, чем вам, капитан, но на сей раз я в лучшем положении, поэтому мне и диктовать условия.

Панжита перебил резкий звук – сначала металлический скрежет, затем щелчок, с которым пулю вгоняют в ствол. Британский офицер в красном мундире, черноволосый, со шрамом на щеке, стоял позади Нана Рао и прижимал пистолет к его виску.

Телохранители увидели, что хозяин растерялся, и самые отчаянные подхватили дубинки и двинулись к ступеням. Лево́й рукой Шарп дернул Нана Рао за волосы и пнул ногой под коленку. Торговец с жалобным стоном рухнул на землю. Жестокость Шарпа и очевидная готовность спустить курок отрезвили нападающих.

– Ошибаетесь, условия диктовать буду я, – обратился Шарп к Панжиту. – Ваш покойник задолжал мне четырнадцать фунтов семь шиллингов и три с половиной пенса.

– Опустите пистолет. – Панжит махнул рукой телохранителям – те отступили. Торговец растерялся: иметь дело с джентльменом, каковым, без сомнения, был капитан, это одно, совсем другое – общаться с головорезом в красном мундире, который так вдавил курок пистолета в висок Нана Рао, что тот поскуливал от боли. – Опустите пистолет, – повторил Панжит примирительно.

– Думаете, я глухой? – усмехнулся Шарп. – Власти даже не станут преследовать меня за убийство. Вы только что заявили, что ваш брат мертв, а его пепел покоится в реке. – Он дернул Нана Рао за волосы, заставив торговца вскрикнуть. – Четырнадцать фунтов, – повторил Шарп, – семь шиллингов и три с половиной пенса.

– Я заплачу! – воскликнул Панжит.

– И не только мне, но и капитану Чейзу.

– Двести шестнадцать гиней, – охотно подтвердил Чейз, отряхивая треуголку, – хотя, сдастся мне, чудо воскрешения из мертвых Нана Рао стоит дороже!

Панжит был далеко не глуп. Он видел, что матросы подобрали свои палки и приготовились драться.

– Значит, обойдемся без судей? – спросил он Шарпа.

– Ненавижу судей, – заявил Шарп.

На лице Панжита проступила слабая улыбочка.

– Если вы отпустите моего брата, думаю, мы договоримся.

Шарп оттолкнул Нана Рао, опустил пистолет и отступил назад, но тут же встал по стойке смирно.

– Прапорщик Шарп, сэр, – представился он Чейзу.

– Вы не прапорщик, Шарп, а посланец небес! – Капитан взбежал по ступенькам. Лицо Чейза заливала кровь, но весь его облик излучал искренность и дружелюбие. – Вы – бог из машины, Шарп, столь же желанный, как шлюха на нижней палубе или бриз в мертвый штить! – пошутил капитан, но, похоже, слова его шли от сердца. Он не просто пожал Шарпу руку, а горячо обнял прапорщика. – Спасибо! – шепнул Чейз на ухо своему спасителю и отступил назад. – Хоппер! – крикнул капитан.

– Я, сэр! – Громадный боцман, крушивший врагов направо и налево, пока его не повалили на ступеньки, выступил вперед.

– Очисти палубу, Хоппер! Враги хотят обсудить условия капитуляции.

– Есть, сэр!

– Это прапорщик Шарп, Хоппер, и с ним надлежит обходиться как с самым дорогим гостем.

– Есть, сэр! – Хоппер ослабился.

– Хоппер командует моим баркасом, – объяснил Чейз Шарпу, – а эти помятые джентльмены – его гребцы. Сегодня мы были не на высоте, господа, – обратился капитан к окровавленным матросам, – но победа все равно осталась за нами, поэтому я благодарю вас.

Двор очистили, из дома вынесли кресла, и переговоры начались.

Похоже, гиней-то была потрачена не зря, подумал Шарп.

– Я даже успел уважать их, – заметил Чейз.

– Панжита и Нана Рао? Отъявленные мерзавцы, – отвечал Шарп. – Впрочем, я и сам почти полюбил их!

– Держали удар, как джентльмены!

– Они еще легко отделались, – заметил Шарп. – Наверняка заработали на пожаре целое состояние.

– Фокус стар как мир, – сказал Чейз. – Я знавал одного малого на Собачьем острове за Тауэром, который вечно клялся, что его лавку обворовывают в ночь, когда иностранные корабли покидают порт. Доверчивые покупатели всегда попадались на эту удочку. – Чейз усмехнулся, и Шарп решил, что нужно держать язык за зубами. Он не только знал того малого, о котором рассказывал Чейз, но однажды сам помог ему обчистить лавку. – Главное, что мы выбрались оттуда целыми и невредимыми, если не считать синяков и царапин, – продолжил Чейз.

– Верно, сэр, – согласился Шарп.

В сопровождении команды матросов они возвращались зловонными улочками Бомбея, каждый при своих деньгах.

Когда-то Чейз заплатил Нана Рао за ром, бренди, вино и табак двести шестнадцать гиней, а теперь торговец вернул ему три сотни. Шарп получил двести рупий. Кроме того, Панжит обещал бесплатно отдать Шарпу кровать, одеяла, ведро, фонарь, сундук, арак, табак, мыло и чудомашину и даже доставить все это к «Каллиопе». Удачный выдался вечерок, рассуждал Шарп. Индийцы, увидев, что англичане не собираются выдавать их обманутым покупателям, накормили непрошенных гостей, снабдили их араком, вернули деньги, заверили в вечной дружбе и выпроводили вон.

– Господи, как смердит! – воскликнул Чейз.

– Недавно в Индии? – спросил Шарп.

– Пять месяцев, – ответил Чейз, – просто раньше никогда не ходил на берег. На суше я уже целую неделю, и как же тут воняет! Господи, как воняет!

– В Лондоне воняет ничуть не меньше, – заметил Шарп. Впрочем, здесь запах был иным. Лондон пах угольным дымом, Бомбей – навозом, специями и нечистотами. Эта сладковатая вонь уже не казалась Шарпу отвратительной, как когда-то, теперь она манила и притягивала, успев стать привычной и почти домашней. – Мне будет не хватать этого запаха, – заметил Шарп. – Иногда совсем не хочется возвращаться в Англию.

– На каком судне вы отбываете?

– На «Каллиопе».

Ответ Шарпа неожиданно показался капитану забавным.

– И чем вы ублажили Пекьюлиа?

– Кого?

– Пекьюлиа Кромвеля, капитана. Неужели вы с ним незнакомы?

– Никогда о таком не слышал, сэр.

– Но ведь конвой прибыл два месяца назад!

– Так и есть, сэр.

– Вам следовало непременно с ним увидеться! Пекьюлиа Кромвель! Что за имечко!

Когда-то служил во флоте, на судах Ост-Индской компании, затем подал в отставку. Все надеялся быстро разбогатеть или, на худой конец, дослужиться до адмирала! Тянуть ляжку – не для него. Станный тип, но корабль у него превосходный, к тому же быстрый. Не могу поверить, что вы не озаботились свести с ним знакомство!

– Зачем мне это? – удивился Шарп.

– Чтобы заручиться его расположением, разумеется! Ведь вы собираетесь путешествовать на нижней палубе?

– Я путешествую по дешевке, если вы об этом, – отвечал Шарп с горечью.

Хоть Шарп и заплатил самую низкую цену, путешествие обошлось ему в сто семь фунтов пятнадцать шиллингов. Шарп надеялся, что за него расплатится армия, но ему было отказано. Раз Шарп поступил на службу в 95-й стрелковый полк, пускай они о нем и заботятся. А если стрелки платить не собираются, то пусть убираются к дьяволу вместе со своими жуткими красными мундирами и со своим Шарпом!

Поэтому Шарп был вынужден выпороть из шва мундира бесценный алмаз. У него оставались еще драгоценные камни, которые он снял с тела султана Типу в темном туннеле в Серингапатаме, но Шарп отказывался платить Ост-Индской компании своими трофеями. Британия послала его в Индию. Британия должна позаботиться о том, чтобы вернуть его на родину.

– Пока Кромвель живет на берегу, вам следовало ему представиться и преподнести этому алчному ублюдку подарок. Если, конечно, не хотите путешествовать на нижней палубе вместе

с крысами! Верхняя палуба куда комфортнее и обойдется вам ни на пенни дороже, а внизу одна вонь, блевотина и мрак! – объяснил капитан.

Они миновали узкие переулки и выбрались на широкую улицу со сточными канавами по обеим сторонам. В этом районе жили лудильщики. Кузнечные горны уже пылали, а звук молотов раздавался в ночной тиши. Белая корова молча смотрела, как матросы проходят мимо, собаки, обнаружив бездомного бродягу, заливались лаем.

– Жаль, что вы путешествуете вместе с конвоем, – заметил Чейз.

– Почему, сэр?

– Конвой вынужден подлаживаться под скорость самого тихоходного из судов, – объяснил Чейз. – «Каллиопа» вполне способна достичь берегов Англии за три месяца, но в конвое ей придется плестись вместе со всеми. Жаль, что вы не можете отплыть вместе со мной. В благодарность за вашу помощь я с радостью предложил бы вам место на своем корабле, но я охочусь за привидением.

– За привидением, сэр?

– Вы слышали о «Ревенане»?

– Нет, сэр.

– Сухопутное невежество, – фыркнул Чейз. – «Ревенан», дорогой мой Шарп, французский семидесятичетырехпушечный корабль, гроза Индийского океана! Скрывается у берегов Маврикия, накидывается на жертву и тут же дает деру! Пока нам не удалось схватить его. Я здесь именно для того, чтобы померить пыл этого французишки. Однако, прежде чем пуститься в погоню, я должен очистить днище своего корабля. Мы были в плавании восемь месяцев и теперь отскребаем дно от водорослей и ракушек, чтобы увеличить скорость.

– Желаю удачи, сэр, – сказал Шарп и нахмурился. – А что там за привидение?

Шарп не любил обнаруживать свое невежество. Простому солдату, ему было привычнее маршировать рядом с товарищами в красных мундирах, чем общаться с образованными офицерами. Шарп уже смирился с тем, что понимает в умных разговорах далеко не все слова, но Чейз был так добродушен, что прапорщик решился задать вопрос.

– «Revenant» – словечко, которое лягушатники придумали для призраков, – пояснил Чейз. – Существительное мужского рода. Когда-то у меня был учитель, который накрепко вдобил в меня все эти вещи, – ничем теперь не вышибешь! – В соседнем дворе заголосил петух. Чейз посмотрел на небо. – Светает. Могу я угостить вас завтраком? Затем мои ребята доставят вас на «Каллиопу». И домой, в Англию!

Дом. Шарп не знал иного дома, кроме армии, а в Англии не был уже шесть лет. Целых шесть. Возвращаться туда ему совершенно не хотелось. Англия не была для него домом, впрочем он никогда не задумывался о том, где же его настоящий дом. И все-таки, где бы ни находилось это место, Шарп направлялся именно туда.

Корабль очищали от водорослей, поэтому Чейз жил на берегу.

– Сейчас отлив, поэтому мы перевернули корабль и полируем его медный зад, а затем снова спустим на воду, – объяснял капитан, пока слуги накрывали на стол. На завтрак подали кофе, вареные яйца, хлеб, ветчину, холодную курицу и корзину с манго. – Чертова работенка! Выгрузить все орудия да еще и выволочь наружу содержимое половины трюмов! Зато потом корабль заскользит по волнам как по маслу. Берите еще яйца, Шарп! Я же вижу, вы проголодались. Я и сам голоден как волк. Как вам дом? Он принадлежит кузену жены, который занимается торговлей и сейчас в горах по каким-то своим делам, – уж я не знаю, чем там занимаются торговцы, чтобы набить свои карманы. Это его управляющий рассказал мне о проделках Нана Рао. Сидите-сидите, Шарп. Угощайтесь.

Они завтракали в тени широкой веранды, которая выходила на маленький садик, дорогу и гавань. Чейз был любезен, щедр и, кажется, даже не вспоминал о зияющей пропасти, которая

разделяла простого прапорщика – носителя первого офицерского звания – и капитана многопушечного судна, чей морской ранг приравнялся к армейскому полковнику, не говоря уже о том, что на собственном судне капитан был и вовсе подобен Всевышнему. Поначалу Шарп держался настороже, но вскоре потеплел, увидев, что приветливость и доброжелательность Чейза исходят от чистого сердца.

– Вы хоть понимаете, что Панжит на самом деле мог потащить меня в суд? – восклицал Чейз. – Боже всемогущий, Шарп, в какую переделку я чуть не вляпался! Нана Рао снова исчез бы, и никто бы мне не поверил, что он воскрес из мертвых! Еще ветчины, не стесняйтесь! Против меня началось бы расследование, и я наверняка угодил бы под трибунал. Нам чертовски повезло! Но кто мог знать, что у него целая армия?

– Да уж, мы легко отделались, сэр.

– Только благодаря вам, Шарп. – Чейз вздрогнул. – Отец уверял меня, что я не доживу до тридцати, однако мне уже исполнилось тридцать пять. Впрочем, если рядом не окажется такого вот прапорщика Шарпа, когда-нибудь я непременно сгину в какой-нибудь переделке! – Чейз похлопал по кожаной суме с деньгами, которая лежала на столе. – Между нами, Шарп, денежки свалились словно с небес. Как думаете, смогу я вырастить манго в Англии?

– Не знаю, сэр.

– Надо будет попробовать. Посажу парочку на припеке в саду, чем черт не шутит. – Чейз отхлебнул кофе и вытянул длинные ноги. Его удивляло, почему Шарп в свои тридцать, или около того, носит столь низкое звание. Капитан принялся с присущим ему тактом расспрашивать гостя и, узнав, что Шарпа произвели в офицерский чин из солдат, искренне восхитился. – Я знавал одного капитана, который поднялся из самых низов, и он был чертовски хорош в своем деле! Всегда знал, что творится там, куда иные капитаны и носа не сунут. Армии повезло с вами, Шарп!

– Вряд ли мои командиры согласятся с этим, сэр.

– Я замолвлю за вас словечко, Шарп. Впрочем, если мне не удастся догнать этого призрака, вряд ли к моим словам прислушаются.

– Удастся, сэр, не сомневайтесь.

– Хотелось бы верить, хотя этот корабль – чертовски шустрая бестия! Как все французские корабли. Видит бог, эти ублюдки не умеют с ними управляться, но уж строить их научились на славу! Французские корабли словно француженки. Прекрасные, быстрые, но безнадежно ветреные. Еще горчицы? – Чейз передал кувшинчик через стол, затем бросил взгляд на гавань и потрепал по загривку тощего черного котенка. – Превосходный кофе, – заметил капитан, затем рукой показал в сторону моря. – А вон и ваша «Каллиопа».

Шарп взгляделся в даль, но никакой «Каллиопы» не увидел – на рейде стояло множество кораблей, а вблизи гавань кишела лодками, баркасами и рыболовными суденышками.

– Сушит свои марсели, – пояснил капитан, и Шарп заметил, что один из дальних кораблей развернул верхние паруса.

Впрочем, на таком расстоянии судно ничем не отличалось от дюжины кораблей Ост-Индской компании, которые предпочитали сбиваться в целые флотилии, чтобы обезопасить себя от нападения каперов, рыскавших по просторам Индийского океана. С берега суда можно было принять за военные корабли – на их массивных корпусах чередовались полосы черной и белой краски, словно за бортами скрывались пушки, но эта уловка не обманула бы и капитана самого распоследнего капера. Эти корабли, чьи трюмы ломились от богатств Индии, были самыми лакомыми кусочками для корсаров и французов. Их захват мог обеспечить смельчакам безбедную жизнь до гробовой доски.

– А где ваш корабль, сэр? – спросил Шарп.

– Отсюда не видно, – отвечал Чейз. – Он перевернут на отмели у дальней оконечности Слоновьяго острова.

– Перевернут?

– Лежит на боку, чтобы мы могли почистить ему брюхо.

– А как его имя?

Казалось, капитан сконфузился:

– «Пуссель».

– Похоже на французский.

– Это и есть по-французски, Шарп. Означает девственницу. – В ответ на ухмылку Шарпа Чейз сделал вид, что оскорбился. – Неужели вы не слышали об Орлеанской девственнице? – спросил он.

– Нет, сэр.

– Была такая дева Жанна д'Арк из Орлеана, Шарп. Корабль назван в ее честь. Надеюсь, судьба Жанны минует его и корабль не зажарят живьем.

– А зачем вы назвали корабль именем француженки? – спросил Шарп.

– Лягушатники назвали. До того как Нельсон захватил его на Ниле, это был французский корабль. Обычно имя захваченному кораблю не меняют, если только оно не звучит совсем уж отвратительно. На Ниле Нельсон захватил еще «Франклин» – восьмидесятипушечный парусник дивной красоты, но флот не мог позволить, чтобы корабль носил имя презренного предателя-янки, вот судно и обозвали «Канопусом». А моей шустрой красотке оставили старое имечко. О нет, господа, только не это! – Капитан привстал и всмотрелся в дорогу. – Вот черт!

Напротив ворот остановилась открытая коляска. Доселе такой приветливый, Чейз помрачнел.

В открытой коляске с кучером-индусом в желто-черной ливрее сидели господин и дама. Два индуса-лакея открыли дверцу и опустили ступеньки. Джентльмен средних лет, в светлом парусиновом сюртуке, вышел из коляски. Нищий, опираясь на короткий костыль и грубую культю, тут же устремился за милостыней, но лакей остановил его резким пинком, а кучер хлестнул кнутом. Джентльмен напомнил Шарпу сэра Артура Уэсли. Возможно, виной тому были крупный нос и высокомерное выражение лица или исходящая от незнакомца аура власти и привилегированности.

– Лорд Уильям Хейл. – Чейз с неприязнью выговаривал каждый слог.

– Никогда не слышал о таком.

– Он из Контрольного совета, – объяснил Чейз и, когда Шарп удивленно поднял бровь, продолжил: – Шестеро, которым правительство поручило следить, чтобы никто не вздумал надуть Ост-Индскую компанию. Или, если таковое случится, чтобы вину не возложили на правительство. – Капитан с кислой миной смотрел, как джентльмен разговаривает с дамой, сидящей в коляске. – А это его жена. Они плыли со мной из Калькутты, а значит, будут возвращаться с тем же конвоем, что и вы. Молитесь, чтобы они не оказались вместе с вами на «Каллиопе».

Седины лорда Уильяма заставили Шарпа предположить, что жена его тоже немолода. Однако, когда дама опустила солнечный зонтик, у Шарпа перехватило дыхание. Бледное и тонкое юное лицо поражало красотой и печалью. Шарп зачарованно уставился на красавицу.

Чейз улыбнулся:

– Урожденная Грейс де Лавер Гуд, третья дочь графа Селби. Лет на двадцать моложе мужа, но так же холодна и неприветлива.

Шарп не мог оторвать от женщины глаз, ибо она была удивительно хороша! Лицо цвета слоновой кости с резкими чертами, обрамленное черными локонами. Наверняка служанка ее светлости битый час укладывала волосы госпожи, чтобы создать это впечатление простоты и безыскусности. Дама не улыбалась, а молча и равнодушно внимала словам мужа.

– Она кажется скорее печальной, чем холодной, – возразил Шарп.

Чейза позабавило замечание Шарпа.

– О чем ей печалиться? Ее светлости повезло родиться красавицей, муж богат, умен и честолюбив. Быть ей женой премьер-министра, если лорд Уильям не оступится на пути к славе, а поступь у него легка и осторожна, как у kota.

Тем временем лорд Уильям завершил разговор с женой и махнул лакею, чтобы тот отворил ворота.

– Вам следовало бы построить въезд для карет, – резко заметил его светлость, направляясь к капитану. – Эти нищие совсем распоясались.

– Увы, милорд, мы, моряки, неуверенно чувствуем себя на суше. Удастся ли мне соблазнить вашу жену чашечкой кофе?

– Леди Грейс нездоровится. – Лорд Уильям поднялся по ступеням веранды, бросил на Шарпа беглый взгляд и протянул Чейзу руку. Его светлость наверняка заметил следы крови на щеке капитана, однако предпочел промолчать. – Ну, Чейз, что скажете?

Чейз неохотно достал большую кожаную суму, в которой лежали деньги Нана Рао, и отсчитал часть лорду Уильяму. Вероятно, от мысли, что ему придется коснуться грязных монет, его светлость поморщился, но деньги взял и тут же засунул в карман.

– Ваша расписка. – Он протянул Чейзу клочок бумаги. – Полагаю, вы не получали новых приказов?

– Увы, милорд. Мне по-прежнему велено отыскать «Ревенан».

– Уж лучше бы вы возвращались домой. Мне срочно нужно в Лондон. – Его светлость вздохнул и, не произнеся ни слова больше, отвернулся.

– Вы лишаете меня возможности представить вам моего близкого друга, мистера Шарпа, – произнес Чейз.

Лорд Уильям одарил Шарпа еще одним беглым взглядом. Не найдя ничего, что заставило бы его переменить первоначальное мнение об этом субъекте, лорд Уильям снова отвел глаза. Он успел прочесть во взгляде Шарпа силу, уверенность и гордость, но его светлость не собиравшись тратить время на тех, кто явно не обладал властью и деньгами.

– Мистер Шарп служил под началом сэра Артура Уэлсли, – сказал Чейз.

– Как и тысячи других, – небрежно заметил сэр Уильям и нахмурился. – Вы должны помочь мне, Чейз.

– Весь к услугам вашей светлости, – вежливо ответил капитан.

– У вас ведь есть баркас и гребцы?

– Как у любого капитана.

– Вы доставите нас на борт «Каллиопы»?

– Увы, милорд. Я уже пообещал баркас мистеру Шарпу, но не сомневаюсь, он не откажется разделить его с вами. Он тоже плывет на «Каллиопе».

– Буду рад помочь, – сказал Шарп.

Однако по выражению лица лорда Уильяма прапорщик заключил, что будет последним человеком на свете, к которому его светлость решит обратиться за помощью.

– Что ж, нет так нет, – промолвил сэр Уильям и величавой поступью удалился к коляске. Чейз тихо рассмеялся:

– Разделить баркас с вами, Шарп? Да скорее он расправит крылья и полетит!

– Я бы не отказался разделить баркас с ней, – промолвил Шарп, не сводя глаз с леди Грейс.

Ее светлость пристально разглядывала толпу нищих, которые толпились поодаль, опасаясь жалящего хлыста кучера.

– Дорогой мой Шарп, – Чейз посмотрел вслед коляске, – вам придется разделять общество этой дамы по меньшей мере четыре месяца пути, но вряд ли вам удастся увидеть ее еще раз. Лорд Уильям уверяет, что у жены слабые нервы и она не расположена к обществу. За месяц, пока она плыла на моем корабле, я видел ее от силы два раза. Ее светлость и носа не

показывала из каюты или прогуливалась по корме ночью, когда никто не мог ее потревожить. Ставлю свое годовое жалование против вашего месячного, что вы доплывете до Лондона, а она так и не узнает вашего имени.

Шарп улыбнулся:

– Я не держу пари.

– Счастливчик, – вздохнул Чейз. – А вот я в прошлом месяце, как последний болван, проиграл кучу денег в вист! Чем нарушил обещание, которое дал жене, и Господь еще покарает меня за это. Бог мой, каким идиотом я был! Я играл почти все ночи, пока мы плыли из Калькутты, и в результате задолжал этому богатенькому ублюдку сто семьдесят гиней! Сам виноват, – признал капитан уныло, – но, клянусь, больше я не поддамся искушению! – Чейз коснулся деревянной поверхности стола, словно не слишком доверял собственным словам. – Увы, деньги у меня надолго не задерживаются. Впрочем, если я захвачу «Ревенан», наверняка получу хорошие призовые!

– Непременно захватите, – ободряюще сказал Шарп.

Чейз улыбнулся:

– Ваши слова да Богу в уши, Шарп! Только вот, на мою беду, в кои-то веки у чертовых лягушатников объявился настоящий моряк. Капитан Луи Монморан чертовски хорош, его люди чертовски хороши, не говоря уже о его корабле!

– Но ведь вы – британец, – произнес Шарп, – поэтому должны быть лучшим.

– Аминь, – согласился Чейз.

Капитан написал на клочке бумаги свой адрес в Англии и настоял на том, чтобы проводить гостя до форта, где Шарп забрал свой ранец. Затем мимо тлеющих руин склада Нана Рао друзья отправились на причал, где ждал баркас. На прощание капитан пожал Шарпу руку:

– Помните, я ваш должник.

– Вы уже выплатили большую часть долга.

Чейз покачал головой:

– Прошлой ночью я сглупил, и, не будь вас, кто знает, чем обернулась бы к утру моя глупость. Можете полностью располагать мною, Шарп, не забывайте об этом. Вот увидите, мы еще встретимся.

– Надеюсь, сэр.

И Шарп спустился со скользких ступеней. Его ждала дорога домой.

Потрепанные и окровавленные после ночной потасовки матросы пребывали в превосходном расположении духа. Хоппер – боцман, который так доблестно сражался с телохранителями Панжита, – помог Шарпу взобраться на баркас. Лодку украшали яркие красные полосы вокруг планширов. Красной краской были обведены даже белые ручки весел.

– Позавтракали, сэр? – спросил Хоппер.

– Ваш капитан не дал мне пропасть.

– Второго такого нет. – Голос Хоппера потеплел.

– Вы давно знаете Чейза? – справился Шарп.

– Он был тогда не старше мистера Коллиа. – Боцман мотнул головой в сторону мальчишки лет двенадцати, который сидел рядом с ним на корме. После того как баркас благополучно доставит Шарпа на «Каллиопу», юному мичману было поручено пополнить запасы выпивки из личного погреба капитана Чейза. – Мистер Коллиа, – продолжил боцман, – на этом баркасе за главного, верно я говорю?

– Так точно, сэр, – отвечал мальчишка звонким голосом, затем протянул руку Шарпу. – Гарри Коллиа, сэр.

Юному мичману не было нужды добавлять это «сэр», ибо его ранг был равен сухопутному званию Шарпа, но Шарп был старше и к тому же являлся другом капитана.

– Мистер Коллиа тут за главного, – повторил Хоппер, – поэтому, сэр, если он командует на абордаж, придется нам идти на абордаж. Мы должны беспрекословно ему подчиняться, верно, мистер Коллиа?

– Как скажете, мистер Хоппер.

Команда скалила зубы.

– Чтоб я больше не видел этих ухмылок на ваших рожах! – рывкнул боцман и смачно сплюнул за борт коричневую от табака слюну. Отсутствие двух передних зубов позволяло ему с блеском проделывать этот трюк. – Так вот, сэр, – боцман посмотрел на Шарпа, – я служу капитану Чейзу с тех пор, как он сам был мальчиком на побегушках. Вместе мы захватили «Бувин».

– «Бувин»?

– Лягушачий фрегат, сэр, тридцать две пушки. Мы были на двадцативосьмипушечном «Спрайтли», и через двадцать две минуты фрегат был наш от первой до последней пушки, а кровь стекала в шпигаты! Придет день, мистер Коллиа, – боцман сурово посмотрел на мальчишку, лицо которого почти терялось под треуголкой, слишком большой для его головы, – и вы станете за главного на корабле его величества, и тогда вашим долгом будет колошматить лягушатников со всей мочи.

– Надеюсь, мистер Хоппер.

Баркас медленно скользил мимо пальмовых листьев и раздутых трупов крыс, собак и кошек. Рядом плыли другие лодки, нагруженные багажом. Некоторым пассажирам повезло – их корабли стояли в доках Ост-Индской компании, но доки не могли вместить все торговые суда, отправлявшиеся в Англию, поэтому большинству пассажиров приходилось самим добираться до якорных стоянок.

– Я видел, как ваш багаж грузили на местную лодку, сэр, – обратился боцман к Шарпу, – и сказал ублюдкам, что отыщу их в аду, если задумают какую пакость. Они тут совсем страх потеряли, сэр. – Хоппер мотнул головой вперед и рассмеялся. – Смотрите, что вытворяет этот негодяй!

– Вытворяет? – переспросил Шарп.

Он видел только две лодчонки, которые замерли на месте. Одна была нагружена багажом, в другой находились трое пассажиров.

– Ублюдки просят за перевоз рупию, – объяснил Хоппер, – но на полпути удваивают, а то и утраивают цену или грозятся плыть обратно к причалу. Наши ребята проделывают этот трюк, когда берут пассажиров от Дила до Дауна.

Боцман дернул за рулевой трос, чтобы обогнуть лодки.

Шарп заметил в первой лодке сэра Уильяма Хейла, его жену и незнакомого молодого человека. Двое слуг и багаж занимали вторую. Лорд Уильям что-то рассерженно выговаривал ухмыляющемуся индусу, которого гнев его светлости нисколько не трогал.

– Придется его чертовой светлости заплатить, – ядовито заметил Хоппер, – или вернуться в порт.

– Подойдем ближе, – попросил Шарп.

Хоппер удивленно посмотрел на него и пожал плечами, словно говоря, что, если Шарп намерен выставить себя дураком, ему, боцману, нет до этого никакого дела.

– Суши весла! – прокричал он. Команда вытащила весла из воды, и баркас медленно подплыл к неподвижным лодкам. – Весла на воду! – снова гаркнул Хоппер, и весла вновь опустились в воду, останавливая баркас.

Шарп поднялся:

– Нужна помощь, милорд?

Лорд Уильям нахмурился, но ничего не ответил. Его жена делала вид, будто посреди воних бухты ее изящных ноздрей коснулся особенно отвратительный запах. Женщина смотрела на

корму, словно происходящее ее не касалось. На помощь пришел третий пассажир – молодой человек в скромном, как у священника, платье, который встал и попытался объяснить, что происходит.

– Они не хотят плыть дальше, – пожаловался юноша.

– Успокойтесь, Брейсуэйт, и сядьте на место, – резко оборвал его лорд Уильям.

Шарп вовсе не собирался помогать лорду Уильяму, другое дело – его красавице-жене.

Шарп вытащил пистолет и взвел курок.

– А ну, гребни! – приказал он индусу, который в ответ презрительно сплюнул за борт.

– Ради бога, что вы собираетесь делать? – Наконец-то лорд Уильям соизволил заметить Шарпа. – Здесь моя жена! Поосторожнее с оружием, болван! Кто вы такой?

– Нас представили друг другу не больше часа назад, милорд, – отвечал Шарп. – Меня зовут Ричард Шарп.

Он выстрелил – пуля пробила дерево чуть выше уровня воды, как раз между непокорным индусом и его пассажирами. Леди Грейс в страхе прижала руку ко рту, но пуля, никого не задев, всего лишь проделала дыру в борту лодки, и индусу пришлось наклониться, чтобы зажать большим пальцем пробоину. Шарп начал перезаряжать пистолет.

– Гребни, негодяй! – крикнул он.

Индус оглянулся, оценивая расстояние до берега, но Хоппер приказал гребцам подплыть сзади и встать между двумя лодками, отрезав пути к отступлению. Казалось, лорд Уильям от такой наглости утратил дар речи. Его светлость с негодованием наблюдал, как Шарп вгоняет в короткий ствол вторую пулю.

Индус явно не хотел, чтобы вторая пуля угодила в борт его лодки, и ему ничего не оставалось, как крикнуть гребцам, чтобы те налегли на весла. Хоппер одобрительно кивнул:

– Между ветром и водой, сэр. Капитан Чейз гордился бы вами!

– Между ветром и водой? – переспросил Шарп.

– Вы проделали дыру прямо по ватерлинии, сэр. Лодка потонет, если ублюдок не позаботится законопатить дыру.

Шарп смотрел на ее светлость, которая наконец-то перевела взгляд на своего спасителя. Наверное, именно из-за больших прекрасных глаз лицо казалось таким печальным. Шарп не удержался и подмигнул ей. Женщина тут же отвела взгляд.

– Теперь она наверняка запомнит мое имя, – сказал Шарп.

– Так вы старались ради нее? – спросил Хоппер и рассмеялся, когда Шарп не ответил.

Лодка лорда Уильяма достигла борта «Каллиопы» первой. Слугам предлагалось взбираться на борт, как им заблагорассудится, а багаж матросы подняли на борт сетями. Его светлость с женой сошли с лодки на плавучую платформу, а оттуда по сходням поднялись на шкафут. В ожидании своей очереди Шарп вдыхал запах трюмной воды, соли и дегтя. Грязная струя вырвалась из дыры высоко в корпусе.

– Откачивают воду, сэр, – пояснил Хоппер.

– Вы хотите сказать, он дырявый?

– Все корабли дырявые, сэр. Такова их сущность.

У борта пришвартовалась еще одна лодка, и матросы «Каллиопы» начали поднимать наверх сети с брыкающимися козами и ящики с квохчущими курами.

– Молоко и яйца, – одобрительно заметил боцман и велел гребцам пришвартовать лодку у борта. – Попутного вам ветра, сэр, – пожелал боцман. – Обратю в старушку Англию?

– Обратю в Англию, – ответил Шарп.

Гребцы подняли весла, и баркас плавно пристал к плавучей платформе. Шарп дал боцману монету, коснулся шляпы, приветствуя мистера Коллиа, поблагодарил команду и ступил на платформу. Оттуда он вскарабкался на верхнюю палубу рядом с орудийным портом, из которого торчало блестящее дуло.

На палубе его ждал офицер.

– Ваше имя? – спросил он тоном, не допускающим возражений.

– Ричард Шарп.

Офицер уставился в список:

– Ваш багаж уже на борту, мистер Шарп, а это вам. – Он протянул Шарпу сложенный лист бумаги. – Правила поведения на корабле. Прочтите, запомните и строго соблюдайте. Ваш боевой пост – орудие номер пять.

– Мой что? – удивился Шарп.

– Каждый мужчина на борту должен в случае опасности защищать корабль, мистер Шарп. Орудие номер пять. – Офицер махнул рукой вдоль заваленной багажом палубы. – Мистер Бинн!

Юный офицер появился из-за груды скарба:

– Сэр?

– Проведите мистера Шарпа на нижнюю палубу. Семь на шесть. И не забудьте молоток и гвозди! Живо!

– Сюда, сэр, – юный Бинн устремился на корму, – а молоток и гвозди всегда при мне.

– Зачем? – не понял Шарп.

– Деревянный молоток и гвозди, сэр. Вам придется прибить мебель к палубе. Если мы попадем в шторм, все тут встанет вверх тормашками, а пока мы не достигнем Мадагаскарского пролива, море будет беспокойным, да, сэр, очень беспокойным. – Бинн юркнул вниз, словно кролик в нору.

Шарп последовал было за ним на лестницу, что соединяла палубы, но его остановил окрик. Из-за ящиков выступил лорд Уильям, за ним тащился юноша в погребальном наряде.

– Ваше имя? – бросил Хейл.

Шарп вскинулся. Он понимал, что нарываться не стоит, что Хейл – большая лондонская шишка, но неприязнь к его светлости победила осторожность.

– За последние десять минут оно не изменилось, – резко ответил Шарп.

Лорд Уильям вглядывался в непреклонное загорелое лицо, изуродованное глубоким шрамом.

– Вы наглец, – заявил наконец лорд Уильям, – а я не выношу наглецов. – Его светлость перевел взгляд на грязный белый кант прапорщического мундира. – Семьдесят четвертый полк? Я знаком с полковником Уоллесом и непременно отпишу ему, что его подчиненный понятия не имеет о субординации! – Лорд Уильям возвысил голос. – Вы же могли убить меня!

– Убить? – переспросил Шарп. – Вряд ли. Я в вас не целился.

– Напишите полковнику, Брейсуэйт, и сделайте так, чтобы письмо доставили на берег до нашего отплытия!

– Разумеется, милорд. Тотчас же, милорд, – пробормотал Брейсуэйт.

Очевидно, юноша служил секретарем лорда Уильяма. Он смотрел на Шарпа с жалостливой снисходительностью, недоумевая, чего ради простой прапорщик решил затеять ссору с тем, кто явно сильнее и могущественнее его.

Лорд Уильям отвернулся, позволяя Шарпу последовать за юным Бинном, который наблюдал за стычкой со ступенек лестницы.

Угрозы его светлости Шарпа не проняли. Лорд Уильям мог сколько угодно писать полковнику Уоллесу – Шарп больше не служил в 74-м полку. У него просто не было другого мундира. Вернувшись в Англию, Шарп намеревался присоединиться к 95-му полку и нацепить дурацкую зеленую форму. Хотя Шарпу вовсе не улыбалось ходить в зеленом. Сколько себя помнил, он всегда был красномундирником.

Бинн ждал на нижней ступеньке лестницы.

– Нижняя палуба, сэр. – Юнец откинул занавеску в смрадную и влажную тьму. – Когда-то, до изобретения штурвалов, судном управляли отсюда – целая команда тянула тросы. Адское, наверное, было местечко, доложу я вам! – Помещение и впрямь напоминало ад. Фонари с трудом пробивали мрак. Матросы приколачивали к полу полотняные перегородки, разбивая зловонное пространство на закутки. – Семь на шесть! – прокричал Бинн, и матрос показал на правый борт, где перегородки уже стояли. – Выбирайте, сэр, – сказал Бинн, – раз уж вам повезло взойти на борт среди первых, но советую двигать ближе к корме и подальше от пушек. – Бинн показал на восемнадцатифунтовую пушку, занимавшую ровно половину закутка. Оружие было принайтовлено к палубе и стволом упиралось в закрытый порт. Бинн ввел Шарпа в следующее квадратное помещение и бросил на пол парусиновый мешок. – Вот молоток и гвозди, сэр. Принесут ваши вещи, устройтесь как надо! – Бинн откинул материю, чтобы в закуток проник слабый свет фонаря, затем постучал ногой о палубу. – Все денежки тут, – радостно сообщил он.

– Какие денежки? – удивился Шарп.

– Груз: индиго, селитра, серебряные бруски и шелк. Эх, мне бы сотую долю того богатства!

Юнец ухмыльнулся и умчался, оставив Шарпа обживать крошечное пространство размером семь на шесть футов, которому предстояло стать его домом на ближайшие четыре месяца.

Задней стеной закутка служил закругленный борт корабля. Низкий потолок пересекали тяжелые темные балки, из которых торчали непонятные крючья. Полом служила палуба, вся в дырках от гвоздей, которыми предыдущие пассажиры прибывали сундуки. Остальные три стены представляли собой грязные куски материи. Однако по сравнению с условиями, в которых рядовому Шарпу пришлось спать, плывя из Англии в Индию, это был истинный рай. В том путешествии ему приходилось довольствоваться гамаком шириной в четырнадцать дюймов.

Шарп уселся на корточках и, подставив бумагу к свету, принялся читать свод корабельных правил. Некоторые пункты кто-то приписал чернилами от руки. Пассажиру запрещалось разгуливать по шканцам без разрешения капитана или вахтенного офицера; и, даже если такое разрешение было получено, Шарп не имел права стоять между капитаном и перилами открытой палубы, и не важно, что Шарп понятия не имел, где они находятся. Выйдя на палубу, пассажир должен был приложить руку к шляпе, приветствуя капитана на шканцах, даже если его там не было. Азартные игры запрещались. Если позволяла погода, судовой экономом каждое воскресенье отправлял службу. Пассажиры обязаны были присутствовать, за исключением тех, кто находился на попечении корабельного врача. Завтрак подавался в восемь утра, обед – в полдень, чай – в четыре пополудни, а ужин – в восемь вечера. Все пассажиры-мужчины в случае нападения на корабль должны были занять свой пост в соответствии с боевым расписанием. На палубах нельзя было жечь огни, а фонари надлежало тушить после девяти вечера. Курение было запрещено во избежание пожара, а тем, кто жует табак, предписывалось пользоваться плевательницами. Жесткий запрет касался плевков на палубу. Пассажирам не разрешалось взбираться по снастям. Пассажирам, которые путешествовали на нижней палубе, запрещалось без приглашения входить в капитанскую каюту и кормовую рубку. И наконец, на борту строго запрещалось сквернословить.

– Разрази меня гром, чертова бочка, чтоб тебя! – проворчал матрос, волоча неподъемную бочку с араком, принадлежавшую Шарпу.

Двое других внесли кровать, еще двое – сундук.

– Есть веревка, сэр? – спросил один из матросов.

– Нет.

Матрос отмотал кусок пеньковой веревки и показал Шарпу, как укрепить деревянный сундук и тяжелую бочку, которые сразу же заняли половину закутка. Шарп дал матросу рупию, затем начал прибывать к палубе углы сундука, а бочку приладил на крюк в задней стене. Дер-

вянную койку размером с гроб он тоже подвесил на крюк, торчавший из потолочной балки. Оставалось пристроить ведро.

– Мочиться можно сквозь оружейный порт, конечно, если он не под водой, – посоветовал матрос, – а ведро приберегите для чего другого, если понимаете, о чем я, сэр. Или ступайте на палубу в отхожее место, только если нет шторма, иначе сверзитесь за борт и никто вам не поможет. Особенно ночью, сэр. Сколько славных ребят отправились на тот свет, когда в бурную ночь собрались в гальюн по нужде.

Где-то в дальнем углу палубы женщина громко жаловалась на неудобства, а муж робко пытался убедить ее, что они не могут позволить себе других условий. Орала во всю глотку двое потных и разгоряченных младенцев. Лаяла собака, пока кто-то не пнул ее ногой. Когда верхние пассажиры принялись орудовать молотками, с потолочных балок посыпалась пыль. Блеяли козы. Лязгали помпы, засасывая и выплевывая в море грязную воду.

Шарп уселся на сундук. В неверном свете фонаря он пытался разобрать рекомендательное письмо, которое дал ему капитан Чейз на прощание. Письмо адресовалось жене капитана, которая жила неподалеку от Топшема, что в Девоншире.

– Бог знает когда я снова увижу Флоренс и детей, – сказал Чейз, – но если окажетесь в западных графствах, Шарп, не робейте. Дом у меня небольшой. Дюжина акров земли, ветхая конюшня да пара амбаров, но Флоренс всегда с радостью примет вас.

А больше-то и некому, подумал Шарп. В Англии его не ждали ни горящий очаг, ни любящее семейство, но другого дома он не знал. И нравилось ему это или нет, Шарп возвращался в Англию.

Глава вторая

В тот же вечер, когда последняя лодка доставила пассажиров и багаж на суда, которым предстояло плыть в конвое, боцман «Каллиопы» погнал матросов на реи. На нижней палубе три десятка их товарищей с трудом вращали кабестан, и громадная якорная цепь медленно, по дюйму, ползла в щель клюза напрямик в корабельное брюхо. Цепь тянула за собой грязь, которую матросы пытались смывать водой из ведер за борт, но разбавленная грязь все равно заливала кормовые отсеки нижней палубы. Сначала команда убрала марсели и подняла передние паруса, а когда подняли якорь и нос корабля стал поворачивать в сторону от суши, подняла грот-паруса. Пока матросы возились с парусами, пассажирам нижних палуб выходить не позволялось, поэтому Шарп сидел на сундуке, слушая топот ног над головой, шелест тросов и скрип корабельной древесины. После подъема якоря прошло около получаса, и наконец юный Бинн прокричал, что пассажиры могут подняться на палубу. Парусник уже покинул гавань. Громдное алое светило в окружении черных облаков зависло над крышами и пальмами Бомбея. В ноздри били пряные запахи. Шарп облокотился на планшир и смотрел на индийский берег. Он сомневался, что когда-нибудь попадет сюда вновь, и ощущал печаль. Скрипели снасти, за бортом бурлила вода. На шканцах, где прогуливались богатые пассажиры, какая-то женщина махала рукой удаляющемуся берегу. Сильный порыв ветра качнул корпус парусника, и пушка неподалеку от Шарпа со скрипом отъехала назад, натянув веревку.

Фарватер подходил близко к берегу, поэтому корабль плыл почти рядом с храмом. Расписной шпиль украшали изображения обезьян, богов и слонов. Ткань большого триселя на бизань-мачте трепетала и билась, но вот парус поймал ветер, увлекая «Каллиопу» вперед. Позади «Каллиопы» с якоря снимались остальные корабли конвоя. Форштевни вспенивали воду, мачты одевались кремово-желтыми парусами. Фрегат Ост-Индской компании, который должен был сопровождать конвой до мыса Доброй Надежды, плыл прямо перед «Каллиопой». Яркий флаг компании – тринадцать красно-белых полос – вместе с флагом Соединенного Королевства трепетал в алых солнечных лучах. Шарп попытался глазами отыскать корабль

капитана Джоэля Чейза, но из военных судов заметил только небольшую четырехпушечную шхуну.

Матросы «Каллиопы» приводили палубу в порядок: складывали ненужные паруса в деревянные лари, проверяли, хорошо ли привязаны шлюпки. Их крепили к рангоутным деревьям, которые, словно массивные стропила, укладывали между шканцами и баком. Смуглый индеец в рыбацкой лодке отчаянно греб подальше от судна, и все-таки его накрыла пенная волна. Храм пропал в солнечном сиянии, но Шарп не сводил глаз с темного силуэта. Ему нравилась Индия – земля, так привлекавшая воинов, мошенников и искателей приключений. Здесь он обрел богатство и был произведен в офицерский чин, на этих холмах и зубчатых стенах доблестно сражался. В Индии Шарп оставлял друзей и врагов. Мертвых врагов. Чего ради? Ради Англии, где никто его не ждал? Чем он займется дома, где искатели приключений не рыщут среди холмов, а могучие правители не скрываются за красными зубцами древних стен?

По крутым ступеням шканцев под руку с дамой спускался богатый господин. Как и большинство пассажиров «Каллиопы», он был в штатском. Джентльмен носил весьма элегантный темно-зеленый сюртук, светлые панталоны и старомодную треуголку. Белокурая толстушка в прозрачном светлом шелку заливалась смехом. Они говорили на языке, которого Шарп не понимал. Немецкий? Голландский? Шведский? Парочка радостно обсуждала все, что видела на палубе, – от привязанных орудий до клеток с несущками. Мужчина объяснял даме устройство корабля.

– Бум! – воскликнул он, показывая на пушку.

Женщина рассмеялась и пошатнулась, когда сильный порыв ветра заставил палубу накреститься. В притворном страхе она вскрикнула и схватилась за руку кавалера.

– Знаете, кто это? – Брейсуэйт, секретарь лорда Уильяма Хейла, незаметно подкрался сзади.

– Нет, – резко ответил Шарп, не желая любезничать с человеком, который служил его светлости.

– Барон фон Дорнберг.

Брейсуэйт явно надеялся потрясти собеседника. Тем временем барон помог своей даме подняться на бак, где новый порыв ветра чуть не сорвал ее широкополую шляпу.

– Никогда не слышал о таком, – неприветливо заметил Шарп.

– Набоб, – восхищенно промолвил секретарь.

Так называли тех, кому посчастливилось сказочно нажиться в Индии. Выигрышем в этой азартной игре становилось богатство, а проигравшему доставалась смерть. Большинство проигрывало.

– Товары везете? – поинтересовался Брейсуэйт.

– Какие еще товары? – Назойливость секретаря раздражала Шарпа.

– Товары для продажи, – нетерпеливо объяснил Брейсуэйт, вероятно не меньше удивляясь бестолковости собеседника. – Я везу павлиньи перья, – продолжил он, – целых пять ящиков! В Лондоне модистки все за них отдадут! Кстати, мое имя Брейсуэйт. – Секретарь протянул Шарпу руку. – Малахия Брейсуэйт, личный секретарь лорда Уильяма.

Шарп неохотно пожал протянутую руку.

– Я не собираюсь отсылать то письмо, – значительно улыбаясь, продолжил Брейсуэйт, – но лорду Уильяму об этом знать незачем. – Брейсуэйт склонился ближе. Он был на несколько дюймов выше Шарпа, зато гораздо тщедушнее. Напряженное выражение на лице, бегающие глазки, – казалось, секретарь в любую секунду ожидал нападения. – Надеюсь, его светлость решит, что письмо затерялось в дороге.

– А почему бы вам не отослать его? – спросил Шарп.

Казалось, резкий тон Шарпа обидел Брейсуэйта.

– Нам с вами плыть в одной лодке, – откровенно объяснил он, – и кто знает, как долго продлится плавание? Три, четыре месяца? В отличие от его светлости, который живет на корме, я, как и вы, обитаю на нижней палубе. – Секретарь не скрывал, что унижен. Он был одет как джентльмен, хотя ткань черного сюртука залоснилась, манжеты обтерлись, а воротник рубашки был аккуратно заштопан. Однако модный галстук Брейсуэйт выбирал и завязывал с большим тщанием. – Зачем мне враги, мистер Шарп? Если я прикрою вашу спину сейчас, возможно, когда-нибудь вы оплатите мне той же монетой.

– Что вы имеете в виду?

Брейсуэйт легкомысленно пожал плечами.

– Кто знает, что принесет завтрашний день? – Затем он снова посмотрел на барона, который спускался с бака. – Говорят, он заработал состояние на бриллиантах, – прошептал секретарь Шарпу. – Даже его слуга плывет в отдельной каюте. – Брейсуэйт расплылся в улыбке и направился к барону. – Малахия Брейсуэйт, личный секретарь лорда Уильяма Хейла, – произнес он и приподнял шляпу, – весьма польщен знакомством, ваша светлость.

– Взаимно, – отвечал на превосходном английском барон фон Дорнберг и, сняв треуголку, отвесил низкий поклон.

Выпрямившись, он поймал взгляд Шарпа, который удивленно рассматривал знакомое лицо, правда без привычных пышных усов. Мгновение оба молчали. Барон первым пришел в себя и подмигнул Шарпу.

Шарп боялся открыть рот, чтобы не расхохотаться, посему лишь холодно кивнул.

Однако барон не собирался ограничиваться столь формальным приветствием. Он раскрыл объятия и вцепился в Шарпа медвежьей хваткой.

– Перед вами один из самых храбрых солдат британской армии! – воскликнул барон, обращаясь к своей спутнице, а Шарпу шепнул на ухо: – Ни слова, умоляю, ни мышинного писка! – Затем барон отступил назад. – Могу я представить вам баронессу фон Дорнберг? Матильда, это мистер Ричард Шарп, мой заклятый друг и враг с давних времен. Неужели вы путешествуете на нижней палубе, мистер Шарп?

– Да, милорд.

– Возмутительно! Британия забывает о своих героях! Британия, но не я! Приглашаю вас отужинать со мной в обеденной зале, мистер Шарп. Я настаиваю! – Барон ухмыльнулся Шарпу, предложил Матильде руку, кивнул Брейсуэйту и удалился.

– Кажется, вы уверяли, что никогда о нем не слышали! – заметил секретарь обиженно.

– Просто не признал его в этой шляпе, – буркнул Шарп и отвернулся, чтобы скрыть усмешку.

Его позабавило, что новоявленный набоб, якобы разбогатевший на торговле алмазами, на деле оказался обычным жуликом. Звали давнего знакомого Энтони Полман. Когда-то сержант-ганноверец перешел на службу к индийскому правителю и даже некоторое время возглавлял армию маратхов, наводившую ужас на центральные области Индии. Однажды его войска повстречались с гораздо меньшей по численности британской армией в местечке Ассайе, и к вечеру того же изнуряюще жаркого дня армия Энтони Полмана после кровопролитного сражения была разгромлена сипаями и шотландцами. Полман затерялся на просторах Индии и вот теперь снова объявился среди уважаемых пассажиров «Каллиопы».

– Как вы с ним познакомились? – потребовал ответа Брейсуэйт.

– Уже и не припомню, давно это было, – отвечал Шарп расплывчато, затем отвернулся и принялся рассматривать побережье.

На фоне грязно-серого неба земля казалась черной, только кое-где вспыхивали искры костров. Шарпу снова захотелось вернуться на берег, но тут он услышал, как германец представляет свою жену леди Грейс.

Шарп поднял глаза. Леди Грейс стояла на шканцах прямо над ним, и ей не было никакого дела до простолюдинов, что толпились внизу. Ее светлость протянула Полману руку, кивнула белокурой толстухе и, не промолвив ни слова, с царственным видом удалилась.

– Леди Грейс, – услышал Шарп восхищенный вздох секретаря.

– Это правда, что она больна? – спросил Шарп.

– Просто слишком взвинчена, – бросился секретарь на защиту своей госпожи. – Такие впечатлительные женщины склонны к нервным расстройствам, а ее светлость очень, очень впечатлительна, – внезапно потеплевшим голосом промолвил Брейсуэйт, не в силах отвести глаз от леди Грейс, которая смотрела на удаляющийся берег.

Часом позже Индия исчезла с горизонта, и корабль плыл по бескрайнему морю под высокими звездами.

– Война проиграна, – резким и безапелляционным тоном заявил капитан Кромвель и нахмурился.

Шел третий день плавания. Корабль скользил по волнам, подгоняемый легким бризом. Как и предупреждал капитан Чейз, «Каллиопа» оказалась судном быстроходным. Фрегат Ост-Индской компании уже велел Кромвелю снизить скорость. Капитан чертыхнулся и приказал убрать почти все паруса, и теперь «Каллиопа» тащилась в хвосте конвоя.

Энтони Полман пригласил Шарпа на ужин, который каждый вечер давал для богатых пассажиров роскошных кормовых кают капитан Кромвель. Обеденная зала занимала полую – самое высокое место на судне, позади кают для самых богатых и знатных пассажиров. В них разместились лорд Уильям Хейл и барон фон Дорнберг. Под ними на верхней палубе были еще четыре каюты. В одной жил набоб с женой – пара возвращалась в Чешир после двадцати лет, проведенных в Индии. Другую занимал адвокат, служивший в Верховном суде Бомбея, третья досталась отставному седовласому майору 96-го полка, а в четвертой обитал слуга Энтони Полмана – единственный из пассажиров верхней палубы, которого на ужин не приглашали.

Заявление капитана не понравилось приземистому шотландскому майору по имени Артур Далтон.

– Мы разбили французов в Индии и поставили на колени их флот.

– Если это так, – прорычал капитан, – почему мы плывем в конвое? – Он воинственно уставился на шотландца, но майор решил не ввязываться в спор, и Кромвель победно оглядел каюту.

Капитан был высок и дороден, длинные черные волосы с проседью неопрятно свисали с плеч. Массивная челюсть, большие желтые зубы и воинственный взгляд. Ладони Кромвеля почернели от просмоленных снастей. Синий мундир толстого сукна украшали медные пуговицы с эмблемой Компании. Эмблема изображала льва, держащего корону, но все называли ее не иначе как «кошкой с сыром». Кромвель тряхнул массивной гривой.

– Война проиграна, – снова провозгласил он. – Скажите, кто ныне управляет Европой?

– Французы, – уныло согласился адвокат. – Однако долго им не продержаться. Пусть французам и не занимать отваги, но внутри у них нет стержня.

– Все европейское побережье, – ядовито продолжил капитан, игнорируя замечание адвоката, – в руках врага. – Внезапно раздался скрежет. Шарп не сразу привык к звукам, которые издавал штуртрос двумя палубами ниже. Кромвель поднял глаза к контрольному компасу на потолке, удостоверился, что курс верен, и вернулся к спору: – Европа – во вражеских руках. Из-за чертовых американцев мы уже не чувствуем себя спокойно в нашем собственном океане! Мы можем плавать здесь только потому, что у нас по-прежнему много кораблей. Однако корабли стоят денег – вот я и спрашиваю, доколе британцы будут платить за них?

– Есть еще австрийцы, – заметил майор Далтон, – да, в конце концов, русские.

– Австрийцы? – с издевкой переспросил Кромвель. – Эти способны только проигрывать. Русские? И вы верите, что русские могут освободить Европу, если у них не получается освободить самих себя? Вы были в России, сэр?

– Нет, – признался майор.

– Страна рабов, – фыркнул капитан.

Лорд Уильям, будучи должностным лицом Ост-Индской компании, наверняка был осведомлен о правительственной точке зрения на этот вопрос, однако его светлость предпочитал не вмешиваться в спор. В ответ на последнее замечание Кромвеля он лишь слегка приподнял бровь.

– У французов, – с жаром продолжил капитан, – хватает врагов на востоке, и ни единого на западе! Они могут беспрепятственно собирать армию, ибо уверены, что со стороны Британии им ничто не угрожает.

– Так уж и не угрожает? – с сарказмом переспросил солидный джентльмен по имени Эбенезер Файрли.

Кромвель перевел тяжелый взгляд на нового оппонента:

– Британцы не заботятся о своей армии. Наша армия крайне малочисленна, и ей никогда не одолеть Наполеона. А значит, война проиграна. Господа, да неужели вы не сознаете, что французы вполне способны вторгнуться в Британию?

– Вот уж нет! – пылко воскликнул майор.

– Их армия может выступить в любую минуту, – продолжал буйствовать капитан, – и все, что им нужно, это овладеть Ла-Маншем!

– Что им вряд ли удастся, – вставил адвокат.

– И даже если в этом году французы не осмелятся ступить на английскую землю, – продолжил Кромвель, словно не слыша адвоката, – то вскоре они соберут флот, который посрамит наш, и вот тогда Британии придется на коленях просить мира. Страна вернется к своему естественному положению маленького и незначительного островка рядом с великим континентом!

Тут в разговор впервые вступила леди Грейс. Шарп обрадовался, увидев ее светлость в обеденной зале. Несмотря на печальный вид, за общим столом леди Грейс держалась уверенно, хотя не часто вступала в разговор.

– Значит, поражение неизбежно, капитан? – спросила леди Грейс.

– Нет, мадам. – Адресуясь к титулованной пассажирке, Кромвель постарался смягчить свой воинственный тон. – Надеюсь, что как только эти выскочки-политики осознают истинное положение дел, неизбежным станет заключение мира.

– И в чем же, по-вашему, состоит истинное положение дел? – спросил Файрли.

– А в том, что французы сильнее нас! – прорычал капитан. – Будь мы благоразумнее и расчетливее, давно бы бросились набивать собственные карманы, ибо деньги еще пригодятся нам в мире, где заправлять будут они. Вот почему для нас так важна Индия! Пока она не досталась французам, англичане должны высосать из нее все до последней капли!

Кромвель прищелкнул пальцами, веля стюарду подавать рагу из солонины. Шарп неуклюже орудовал тонкими серебряными приборами, от души жалея, что не может воспользоваться верным складным ножом.

Матильда, баронесса фон Дорнберг, благодарно улыбнулась капитану, который подлил ей вина. Мнимая баронесса сидела по левую сторону от капитана, напротив леди Грейс Хейл. Ослепительный в своем шелковом с кружевной отделкой сюртуке Полман расположился рядом с ее светлостью, а лорд Уильям занял место рядом с Матильдой. Шарп, самый незначительный из гостей, сидел в дальнем углу стола.

Обеденная зала корабля представляла собой изящное, обшитое деревом помещение, выкрашенное нежно-зеленой и золотой краской. Медный канделябр без свеч свисал с пото-

лочной балки. Если бы корабль время от времени не качало, Шарп решил бы, что находится на берегу.

За весь вечер прапорщик не вымолвил ни слова, предпочитая молча любоваться леди Грейс. Женщина держалась с обычной отчужденностью и, после того как их представили друг другу, ни разу не взглянула на Шарпа. Она вежливо подала ему затянутую в перчатку руку, на мгновение подняла глаза и тут же отвернулась. При виде прапорщика лорд Уильям нахмурился, а затем в подражание жене сделал вид, что знать не знает никакого Шарпа.

Подали десерт из апельсинов и жженого сахара. Полман с жадностью зачерпнул с тарелки сочную мякоть и бросил взгляд на Шарпа:

– А вы что скажете, Шарп? Мы проиграли войну?

– Я, сэр? – потрясенно промолвил Шарп.

– Вы, Шарп, именно вы, – продолжил Полман. – Вы согласны, что война проиграна?

Шарп помедлил, прикидывая, как выпутаться из щекотливой ситуации и избежать участия в общем споре. Однако и его задели пораженческие выпады капитана.

– Уверен, что нет, милорд, – ответил он Полману.

Кромвель принял вызов:

– Что вы имеете в виду, сэр? Объяснитесь.

– Пока бой длится, он не проигран, сэр, – ответил Шарп, – а этому сражению еще далеко до конца.

– Что может знать об этом простой прапорщик? – презрительно процедил лорд Уильям.

– Вы считаете, что крыса может выстоять против терьера? – с неменьшим презрением в голосе поинтересовался Кромвель.

Полман поднял руку, не давая Шарпу возразить.

– Прапорщик Шарп, капитан, кое-что смыслит в военном деле, – заявил германец. – Когда я познакомился с ним, Шарп был простым сержантом, а теперь он офицер. – Полман помолчал, давая присутствующим возможность осознать свои слова. – Какими качествами должен обладать сержант британской армии, чтобы его произвели в офицеры? – спросил он.

– Чертовским везением, – бросил лорд Уильям.

– Или выдающейся храбростью, – спокойно возразил майор. Он поднял бокал. – Знакомство с вами – большая честь для меня, Шарп. Когда нас представляли, я не сразу вспомнил ваше имя.

Полман выпил за Шарпа и снова задал вопрос:

– И за что же вам было пожаловано офицерское звание, мистер Шарп?

Прапорщик покраснел. Впервые за вечер леди Грейс смотрела прямо на него.

– Ну же, Шарп, не скромничайте, – настаивал Кромвель.

Шарп чувствовал, что язык прилип к гортани. Прапорщика выручил майор Далтон.

– Он спас жизнь сэру Артуру Уэлсли, – тихо промолвил шотландец.

– Как? Где это было? – снова встрял Полман.

Шарп поднял глаза на германца:

– В местечке Ассайе, сэр.

– Ассайе? – Полман слегка нахмурился. Именно при Ассайе армия маратхов была разгромлена, а его воинские амбиции посрамлены. – Никогда не слышал о таком, – промолвил германец и откинулся на спинку стула.

– Кроме того, вы были первым у стен Гавилгура, – добавил майор. – Верно, Шарп?

– Мы с капитаном Кемпбеллом первыми штурмовали стену, сэр.

– Именно там вы и заработали свой шрам, Шарп? – спросил майор. Теперь уже все глаза устремились на прапорщика. Он смутился – по опыту Шарп знал, какое впечатление производил его шрам на малознакомых. – Ведь это не пуля? – продолжал допрос майор. – От пули не остается таких отметин.

– Сабля, сэр, – отвечал Шарп. – А нападавшего звали Додд. – Он поймал взгляд Полмана, и тот улыбнулся в ответ.

Некогда Додд служил под командой германца, и Полман не меньше Шарпа ненавидел предателя.

– А этот Додд еще жив? – спросил мнимый барон.

– Нет, сэр, – просто отвечал Шарп.

– Рад слышать. – И Полман снова поднял бокал за Шарпа.

Майор повернулся к Кромвелю:

– Мистер Шарп – превосходный солдат, капитан. Сэр Артур признался мне, что, если когда-нибудь ему случится снова попасть в переделку, рядом с собой он хотел бы видеть именно Шарпа.

Шарп снова покраснел – он и не знал, что генерал Уэлсли так лестно о нем отзывался. Однако Кромвель сдаваться не собирался.

– Значит, вы считаете, – снова начал капитан, – что французов можно победить?

– Мы воюем с ними, сэр, – отвечал Шарп, – а стоит ли затевать бой, если не надеешься на победу?

– Или если не хватает мозгов избежать войны, – холодно вставил лорд Уильям.

– Но если в каждой войне есть победитель, – продолжил капитан, – то непременно должен быть и побежденный. Послушайтесь моего совета, молодой человек, бегите из армии, пока не сгинете в какой-нибудь непродуманной аванюре, которую затеют политики. Впрочем, если французы вторгнутся в Британию, вам вместе с прочими красномундирниками и так придется несладко.

Вскоре дамы покинули мужчин, которые решили выпить по стаканчику портвейна, но атмосфера оставалась натянутой. Полман извинился и направился к выходу, сделав знак Шарпу, чтобы тот следовал за ним. Полман жил в правой кормовой рубке. На шелковом диване раскинулась Матильда, перед ней стоял пожилой мужчина, который весьма оживленно что-то говорил по-немецки. Как только Полман вошел, мужчина замолчал и поклонился. Полман бросил на него удивленный взгляд и жестом указал на дверь.

– Сегодня вечером вы мне не нужны, – сказал он по-английски.

– Хорошо, милорд. – Слуга, мельком взглянув на Шарпа, удалился из каюты. Затем Полман не допускаям возражений тоном предложил Матильде прогуляться по палубе. После ее ухода он налил два полных бокала бренди и подмигнул Шарпу. – Мое сердечко, – Полман драматическим жестом приложил руки к груди, – чуть не выпрыгнуло из груди, когда я вас увидел.

– Зачем вы сменили имя? – спросил Шарп.

Полман ухмыльнулся:

– Думаете, эти люди раскошелятся, имея дело с сержантом Полманом? Другое дело барон фон Дорнберг! Они выстраиваются в очередь, чтобы одолжить его светлости денег! Спотыкаются на жирных ножках, только бы всучить мне свои гинеи!

Шарп осмотрелся. Каюта была меблирована двумя диванами, буфетом, низким столиком, арфой и громадной кроватью из тикового дерева, с инкрустированными слоновой костью спинками.

– Должно быть, в Индии вы неплохо нажились, – сделал вывод Шарп.

– Хотите сказать, для простого сержанта? – Полман рассмеялся. – Не стану отрицать. Однако, дорогой Шарп, мои трофеи не столь велики, как хотелось бы, и несравнимы с тем, что я потерял при Ассайе. Впрочем, мне не на кого жаловаться. Будь я предусмотрительнее, обеспечил бы себя до конца жизни. – Полман взглянул на полу Шарпова сюртука – драгоценные камни выпирали еле заметными бугорками. – Я вижу, и вы покидаете Индию не с пустыми руками?

Шарп понимал, что ветхая ткань его сюртука давно уже перестала быть надежным хранилищем для бриллиантов, изумрудов и рубинов, но не собирался обсуждать этот вопрос с германцем. Поэтому он показал рукой на арфу:

– Вы играете?

– Mein Gott! Разумеется, нет! Играет Матильда. Весьма прескверно, но я уверяю ее, что она божественная арфистка.

– Вы женились?

– Шарп, неужели я похож на олуха? Ха! Матильда была шлюхой раджи, и я подобрал ее, когда женщина ему наскучила. Родом она из Баварии. Хочет ребенка, безмозглая баба. Впрочем, довольно и того, что она согревает мою постель на пути домой, а там будет видно – скорее всего, найду кого-нибудь посвежее. Так, значит, вы убили Додда?

– Не я, один мой приятель.

– Мерзавец заслуживал смерти! – Полмана передернуло. – А вы, вижу, путешествуете в одиночку?

– Да.

– В крысиной норе? – Полман еще раз бросил взгляд на сюртук Шарпа. – Храните свои сокровища до дома, а сами ютитесь на нижней палубе? Впрочем, меня волнует другое. Выдашь ли ты меня, о мой осторожный друг?

– Не собираюсь, – усмехнулся Шарп. Последний раз Шарп видел Полмана в крестьянской хижине под Ассайе. Тогда он мог захватить командующего неприятельской армией и получить за его шкуру награду, но Полман всегда нравился Шарпу, поэтому прапорщик рассудил иначе. – Но вам придется заплатить за мое молчание, – добавил он.

– Хотите, каждую пятницу буду присылать вам Матильду? – Полман вздохнул с облегчением.

– А как насчет ужинов в общей зале?

Скромная просьба Шарпа удивила германца.

– Вам так дорога компания капитана Кромвеля?

– Совсем не дорога.

Полман рассмеялся.

– Ах во-от оно что, леди Грейс, – протянул он. – Вижу-вижу, как вы хвост распушили! Нравятся тощенькие?

– Мне нравится она.

– А вот своему мужу, похоже, нет, – сказал Полман. – Я часто слышу, как они ругаются. – Германец ткнул пальцем в стенку, что разделяла две каюты. Для взыскательных пассажиров, привыкших к роскоши, переборки убрали, делая из двух помещений одно. – Эти двое не ладят, словно... как у вас говорят? Собака с кошкой?

– Кошка с собакой.

– Он лает, а она шипит. Что ж, желаю удачи. Все может стать. Выйдем на палубу к Матильде? – Полман достал из ящика сигары. – Капитан не разрешает курить на борту. Вместо этого пассажирам предлагается жевать табак. Видал я его чертовы запреты!

Полман зажег сигары и протянул одну Шарпу. Они вышли на шканцы и поднялись на корму. Матильда облокотилась на перила, глядя вниз на матросов, которые зажгли огонь на нактоузе – единственном месте на корабле, где было разрешено не гасить фонарь после наступления темноты. Леди Грейс стояла под громадным кормовым фонарем, который, боясь нападения французов, на кораблях конвоя никогда не зажигали.

– Ступайте к ней, – подначил Шарпа Полман, ткнув его локтем в бок.

– Мне нечего ей сказать.

– Посмотрим, такой ли вы храбрец, как говорят, – не успокаивался Полман. – Под Ассайе вы не трусили, а теперь от одного только вида красотки вас бросает в дрожь?

Высокая и тонкая фигура леди Грейс, закутанная в плащ, маячила в темноте. Служанка ее светлости облокотилась о перила с другой стороны палубы. Шарпу хотелось обратиться к леди Грейс, но слова не шли с губ. Поэтому он упрямо стоял рядом с Полманом и глазел на паруса и едва видимые во тьме очертания кораблей конвоя. С бака слышалось пиликанье скрипки – матросы танцевали хорнпайп.

– Вас действительно произвели в офицеры из солдат? – раздался холодный голос, и внезапно Шарп увидел рядом с собой леди Грейс.

Прапорщик неосознанно пригладил волосы. Язык прилип к гортани, и Шарпу удалось выдать только жалкое бормотание:

– Да, мэм... миледи.

Она была примерно одного с ним роста. Огромные глаза сияли во тьме – в обеденной зале он успел разглядеть их цвет. Зеленые.

– Должно быть, вам пришлось нелегко, – снова промолвила женщина сухо, словно затеяла разговор против воли.

– Да, мэм, – снова повторил Шарп, чувствуя себя болваном. Он был так напряжен, что в левой ноге задергалась мышца. Рот пересох, кислота подкатила к горлу, словно перед боем. – До того как это случилось, мэм, – выпалил Шарп, чтобы сказать хоть что-нибудь, – я ничего не желал так сильно, а после... после я обнаружил, что игра не стоила свеч.

На прекрасном лице не отразилось никаких чувств. Не замечая Полмана и Матильду, ее светлость уставилась в палубу, затем снова подняла глаза на Шарпа:

– И с кем было труднее – с бывшими товарищами или с офицерами?

– Одинаково, мэм, – отвечал Шарп. Ему показалось, что дым беспокоит женщину, и он выбросил сигару за борт. – Солдаты не считают тебя настоящим офицером, а прочие офицеры... ну, для них ты – старая дворняга, которую пустили понежиться на коврике у камина. Породистые псы таких не жалуют.

Она еле заметно улыбнулась.

– Вы должны рассказать мне, – уже более приветливо промолвила ее светлость, – о том, как спасли жизнь сэру Артуру. – Леди Грейс замолчала, и Шарп заметил, что ее левый глаз подергивается от нервного тика. – Сэр Артур – мой кузен, – продолжила леди Грейс, – хотя и весьма дальний. В семье никогда не верили, что из него выйдет что-нибудь стоящее.

Шарпу понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что ее светлость говорит о неприветливом и холодном сэре Артуре Уэлсли, который произвел его в офицеры.

– Он лучший генерал из всех, что я видел, мэм.

– Неужели лучший? – недоверчиво переспросила она.

– Да, мэм, – твердо ответил Шарп.

– Тогда расскажите, как вы спасли ему жизнь, – попросила ее светлость.

От аромата ее духов кружилась голова, и Шарп не мог найти нужных слов. Он уже хотел посетовать на слабую память, но неожиданно на шканцах появился лорд Уильям. Леди Грейс, не промолвив более ни слова, направилась к лестнице, что вела на корму. Шарп молча смотрел ей вслед, и сердце колотилось в груди. Эта женщина сводила его с ума.

Полман тихо рассмеялся:

– А вы ей нравитесь, Шарп.

– Ерунда!

– Она явно рисуется перед вами, – продолжил Полман.

– Дорогой Шарп! Друг мой! – На шканцах появился майор Далтон. – Вот вы где! Мне так хотелось поговорить с вами, а вы куда-то пропали! Я ведь тоже был под Ассайе! Мы непременно должны обсудить это. Барон, баронесса, – шотландец приподнял шляпу, – надеюсь, вы простите двух старых солдат, которые хотят предаться воспоминаниям о былых сражениях?

– Разумеется, майор, – отвечал Полман радушно, – я оставляю вас, ибо я совершеннейший профан в военном деле! Боюсь, что просто ничего не пойму из вашего разговора! Идем же, моя Liebchen!

Так и вышло, что остаток вечера Шарпу пришлось беседовать с майором о войне, корабль качался на волнах, а тропические сумерки сгущались.

– Орудие номер четыре! – проорал старший помощник лейтенант Тафнелл. – Огонь!

Восемнадцатифунтовая пушка откатилась назад, натянув веревку. Кромвель велел, чтобы всю корабельную оснастку выкрасили белым, и с каждым выстрелом с туго натянутой пеньки сыпались засохшие белые стружья. Жалея свежеевыкрашенный такелаж и до блеска отполированные стволы орудий, капитан велел стрелять из одной пушки, поэтому каждый орудийный расчет, состоявший наполовину из моряков, наполовину из пассажиров «Каллиопы», вынужден был дожидаться своей очереди. Когда ствол протирали банником, припорошенное порохом дуло шипело. За парусником уже дрейфовало облако едкого дыма.

– Недолет, сэр! – Юный Бинн с кормы разглядывал в подзорную трубу место падения снаряда.

С «Чатемского замка» – еще одного корабля конвоя – периодически выбрасывали пустые бочонки, служившие мишенями для орудий «Каллиопы».

Наконец пришел черед пятого расчета. Старшим в расчете был пожилой морской волк с длинными седыми паглами, закрученными на затылке в узел, из которого торчал шип марлина.

– Вы, – он ткнул пальцем в Брейсуэйта, который нисколько не рвался сменить должность секретаря знатного лорда на место простого канонира, – по моей команде засунете внутрь два черных мешка с порохом. Потом он, – старший показал на матроса-индийца, – забьет их в ствол, потом вставьте ядро, чернявый снова все утрамбует, только не советую всяким сухопутным крысам болтаться у него под ногами. Затем ваш черед, – старый морской волк взглянул на Шарпа, – вы наведете орудие.

– Я считал, это ваша работа, – отозвался Шарп.

– Куда мне, я почти слеп, сэр. – Старый моряк ухмыльнулся беззубым ртом и повернулся к трем оставшимся пассажирам. – Остальные помогают чернявым тянуть орудие вперед при помощи этих линий, затем отскакивают в сторону и зажимают уши. Если дойдет до драки, советую вам валиться на колени и молиться Всевышнему, чтобы вас взяли в плен. Вам приходилось раньше стрелять, сэр? – спросил старик Шарпа. – Значит, вы понимаете, что, если не хотите пойти на корм рыбам, лучше вовремя отскочить в сторону. Вот шнур, сэр, и, если не собираетесь опозориться, цельтесь выше. Вам не нужно куда попадать – все равно никто куда не попадает. Мы просто практикуемся, потому что Компания так велит, и молимся, чтобы дело не дошло до настоящего сражения.

Как обычный мушкет, пушка была снабжена кремневым замком, который воспламенял порох внутри запального отверстия, чтобы пламя передалось заряду. Все, что требовалось от Шарпа, – это навести пушку и дернуть за вытяжной шнур, который приводил в действие механизм замка. Брейсуэйт и матрос-индеец поместили порох и ядро в ствол. Индеец забил снаряд. Через запальное отверстие Шарп просунул внутрь заостренную проволоку, чтобы проткнуть картуз с порохом. Остальные члены расчета стали неуклюже подпихивать орудие вперед, пока дуло не показалось над планширом верхней палубы. Обычно орудие наводили при помощи ганшпугов – массивных деревянных правил, но сейчас ими никто не воспользовался, ибо никто и не надеялся попасть по мишени. Инструкции Компании предписывали периодически проводить подобные пристрелки, поэтому вахтенный журнал должен был засвидетельствовать, что строгий ритуал соблюден.

– Вижу цель! – прокричал Шарпу капитан Кромвель, заметив крошечную бочку, которая покачивалась на волнах.

Шарп не имел понятия о расстоянии до мишени, просто дождался, пока бочка покажется над волнами, помедлил – судно качнулось вверх, – затем резко отступил в сторону и дернул шнур. Сработал механизм кремневого замка, и маленький огненный залп вылетел из дула. Орудие откатилось назад, взметнулось дымное облако. Пеньковая веревка задрожала от напряжения, посыпалась краска, и мистер Бинн восторженно проорал с кормы:

– Попал, сэр, попал! В яблочко! Попал!

– Нет нужды так орать, мистер Бинн, – проворчал Кромвель.

– Но он же попал! – не унимался юный Бинн, думая, что никто ему не верит.

– Живо на мачту! – гаркнул капитан. – Я велел тебе замолчать, мальчишка! Придержи язык, иначе просидишь там, пока не разрешу спуститься вниз! – Кромвель показал на самый верх грот-мачты.

На шканцах Матильда захлопала в ладоши. Леди Грейс стояла рядом с баронессой, и Шарп остро ощущал ее присутствие.

– Видно, с испугу, – заметил старый моряк.

– Чистое везение, – не стал спорить Шарп.

– Ваш выстрел обошелся капитану в десять гиней, сэр, – с довольным видом заметил старый морской волк.

– Вот как!

– Он поспорил с мистером Тафнеллом, что никто не попадет по мишени.

– Я думал, пари на борту запрещены.

– Тут много чего запрещено, но это не означает, что все запреты соблюдаются.

Когда Шарп отошел от орудия, в ушах у него звенело. Первый помощник Тафнелл радостно пожал прапорщику руку и наотрез отказался верить словам Шарпа, уверявшего, что удачный выстрел был чистым везением. Внезапно рядом с Шарпом появился капитан и раздраженно бросил:

– Вам когда-нибудь доводилось стрелять из пушки?

– Нет, сэр.

Кромвель всмотрелся в снасти, затем зыркнул глазами на старшего офицера:

– Мистер Тафнелл!

– Сэр?

– Дохлый перт на марселе!

Шарп проследил за пальцем капитана и увидел, что один из тросов, по которым ползали матросы, когда возились с парусами, свисает вниз.

– Я не собираюсь командовать таким неряшливым судном, мистер Тафнелл! – прорычал Кромвель. – Это вам не сенная баржа на Темзе, а торговое судно Ост-Индской компании!

Первый помощник послал двух матросов устранить беспорядок, а Кромвель задержался у орудий, чтобы проследить, как следующий расчет заряжает пушку. Орудие отскочило, дымное облако взмыло вверх, и снаряд приземлился в добрых ста ярдах от бочки.

– Промах! – прокричал Бинн с верхушки мачты.

– Не выношу беспорядка, – бросил Кромвель, – надеюсь, как и вы, мистер Шарп. Среди сотни солдат на параде вы наверняка заметите неряху с нечищеным мушкетом.

– Надеюсь, что так, сэр.

– Всего лишь оборванный трос, и чья-то мать потеряет сына, а от матроса на палубе останется мокрое место! Вы же не хотите, чтобы сердце вашей матушки разбилось?

Шарп не собирался признаваться капитану, что давно осиротел:

– Нет, сэр.

Кромвель бросил взгляд на верхнюю палубу, где толпились канониры:

– Вы ничего не замечаете, мистер Шарп?

– А что я должен заметить, сэр?

– Они сняли верхнюю одежду, мистер Шарп. Только мы с вами шеголяем в мундирах. Я не снимаю мундир, потому что я – капитан на этом корабле и обязан показывать команде пример. Но вы, мистер Шарп, чего ради вы разгуливаете в шерстяном мундире в такую жару? Или вы думаете, что вы – капитан этой посуды?

– Просто я мерзну, сэр, – солгал Шарп.

– Мерзнете? – фыркнул капитан. Он поставил ногу на щель между деревянными досками палубы, а когда поднял ее, за подошвой потянулась расплавленная смола. – Скорее уж вы обливаетесь потом, мистер Шарп! Ступайте за мной.

Капитан развернулся и повел Шарпа на шканцы. Пассажиры, наблюдавшие за стрельбами, расступались перед ними. Внезапно Шарп ощутил аромат духов леди Грейс, но продолжал идти за Кромвелем. Капитан отпер дверь своей каюты и жестом велел Шарпу заходить.

– Мое жилище, – буркнул Кромвель.

Шарп ожидал, что капитанская каюта окажется не меньше пассажирских апартаментов с их широкими окнами, но, вероятно, расчетливый Кромвель рассудил, что лучшие каюты выгоднее сдавать, а сам предпочел ютиться в небольшом закутке по левому борту. Впрочем, жилище капитана выглядело довольно уютным. Над койкой висели книжные полки, стол был завален скатанными в рулоны картами. Кроме карт, на столе стояли три фонаря и лежала пара длинноствольных пистолетов. Дневной свет лился через иллюминатор, на покрашенном белой краской потолке плясали отблески волн. Кромвель отпер небольшой шкаф и вытащил барометр и неизвестный прибор, напоминавший массивные карманные часы.

– Триста двадцать девять гиней, – похвастался капитан.

– У меня никогда не было часов, – сказал Шарп.

– Это не часы, мистер Шарп, – раздраженно заметил Кромвель, – а хронометр. Чудо науки. Сомневаюсь, что с тех пор, как мы покинули Англию, его погрешность составила более двух секунд. Этот прибор, мистер Шарп, показывает, где мы находимся. – Капитан сдул пылинку с циферблата, постучал по барометру и аккуратно закрыл шкаф. – В отличие от вас я берегу свои сокровища, мистер Шарп.

Шарп не ответил, и капитан жестом велел ему присесть в единственное кресло:

– Садитесь, мистер Шарп. Вас не удивляет мое имя?

Шарп неловко опустился в кресло.

– Имя? – Он пожал плечами. – Довольно необычное, сэр.

– Избранное¹, – промолвил Кромвель и невесело рассмеялся. – Мои родители, мистер Шарп, были ревностными христианами и нашли его в Библии: «Ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле». Второзаконие, глава четырнадцатая, стих второй. Непросто жить с таким именем, мистер Шарп. Из-за имени мне изрядно доставалось! – с негодованием воскликнул капитан.

Шарп, притулившийся на краешке кресла, про себя удивился: кому могло прийти в голову подшучивать над таким громогласным и взрывным человеком, как капитан Пекьюлия Кромвель?

Капитан уселся на койку, положил локти на стол и заглянул Шарпу в глаза.

– Меня посвятили Создателю, мистер Шарп, и тем обрекли на одинокую жизнь. Лишили возможности получить настоящее образование. Сверстники отправлялись в Оксфорд и Кембридж, а меня отослали в море, чтобы избавить от земных искушений. Однако я занялся самообразованием, мистер Шарп. Читая книги, – капитан показал рукой на книжные полки, – я открыл, что на самом деле у меня счастливое имя. Да-да, мистер Шарп, я избранный. Таково мое глубочайшее убеждение. – Капитан печально покачал головой. – Вокруг я вижу людей

¹ От *Peculiar People* – избранный народ.

образованных, разумных, но, главное, не мыслящих себя вне общества. Однако никто из них не способен на великие дела. Одиночество – лишь в нем заключено истинное величие! – Кромвель поморщился, словно на его плечи давило слишком тяжелое бремя. – Думаю, вы тоже человек избранный, – продолжил капитан. – Фортуна высоко вознесла вас, подняв с самых низов. И поэтому, – тут Кромвель подался вперед и наставил палец на Шарпа, – вам тоже суждено жить в одиночестве.

– Я никогда не испытывал недостатка в друзьях. – Шарп ощущал неловкость от этого странного разговора.

– Доверяйте только себе, мистер Шарп, – воскликнул Кромвель, словно не заметив возражения, – ибо больше никому на свете верить нельзя! Избранные – такие, как мы, – обречены издали взирать на обычных, не особенных людей. Однако ныне я прошу вас отбросить недоверчивость, мистер Шарп. Я требую, чтобы вы доверились мне!

– В чем, сэр?

Заслышав скрежет штуртроса, капитан взглянул на компас и продолжил:

– Корабль – это особый мирок, мистер Шарп, и я поставлен управлять им. На этом судне я – сам Господь Бог и волен казнить и миловать. Однако я не стремлюсь к власти, мистер Шарп. Моя цель – порядок. Порядок! – Капитан с силой стукнул рукой по столу. – И на моем корабле я не потерплю воровства!

Шарп возмущенно выпрямился:

– Воровства? Что вы имеете...

– Нет! – перебил Кромвель. – Разумеется, я вас ни в чем не обвиняю. Но кража непременно свершится, если вы и дальше будете выставлять свои сокровища напоказ!

Шарп улыбнулся:

– Я простой прапорщик, сэр. Вы сами сказали, что я поднялся из самых низов. Откуда взяться сокровищам?

– Тогда ответьте, что блестит в швах вашего мундира?

Шарп не ответил. Его трофеи были зашиты в швы камзола и пояса, запрятаны в носках сапог. Однако в последнее время камни действительно стали просвечивать сквозь ветхую красную ткань.

– Да будет вам известно, матросы – зоркие ребята, мистер Шарп! – рявкнул капитан. Раздался орудейный залп, и Кромвель сморщился, словно грохот помешал его раздумьям. – Матросы – зоркие ребята, – повторил он, – а у меня хватает мозгов, чтобы сообразить, где прячут свои трофеи простые солдаты. К тому же вы никогда не снимаете мундира. Однажды ночью, мистер Шарп, когда вы отправитесь в галюн или просто решите подышать воздухом на палубе, какой-нибудь излишне зоркий матрос подкрадется сзади, проломит вам череп и столкнет за борт! – Капитан улыбнулся, обнажив крупные желтые зубы, затем коснулся одного из пистолетов на столе. – А если сейчас я пристрелю вас, оберу и выброшу за борт, кто станет опровергать мою правдивую историю о том, что вы напали первым?

Шарп промолчал.

Рука Кромвеля все еще покоилась поверх пистолета.

– У вас в каюте есть сундук?

– Есть, сэр.

– Однако вы справедливо не доверяете моим матросам. Вы прекрасно понимаете, что им не составит труда взломать замок.

– Верно, – вздохнул Шарп.

– Но они не посмеют взломать мой! – воскликнул Кромвель, показав на обитый железом тиковый сундук. – Я хочу, чтобы вы отдали мне ваши сокровища, мистер Шарп. Я напишу расписку и обязуюсь сохранить их в целостности и сохранности. Когда мы достигнем места назначения, вы получите их обратно. Это самая обычная процедура. – Кромвель убрал руку с писто-

лета и потянулся за шкатулкой с бумагами. – У меня хранятся деньги лорда Уильяма Хейла. – Капитан показал Шарпу расписку на сто семьдесят гиней в местной валюте. Бумага была подписана Пекьюлиа Кромвелем и, по поручению лорда Уильяма, Малахией Брейсуэйтом, магистром гуманитарных наук Оксфордского университета. – Я также храню сбережения майора Далтона, – капитан предъявил Шарпу другую расписку, – и драгоценности барона фон Дорнберга, а также адвоката мистера Фазакерли. Это, – Кромвель пихнул сундук ногой, – самое безопасное место на судне, и если кто-нибудь из моих пассажиров имеет при себе драгоценности, я хочу, чтобы эти драгоценности не смущали ничьи умы. Я выразился достаточно ясно, мистер Шарп?

– Да, сэр.

– Однако вы по-прежнему мне не доверяете?

– Так точно, сэр.

– Да говорю же вам, – пророкотал капитан, – это совершенно обычная процедура! Вы доверяете мне свои драгоценности, а я, капитан на службе Ост-Индской компании, выдаю расписку. Если ваши драгоценности пропадут, Компания возместит убытки. Вы можете потерять ваши сокровища, только если корабль потонет или в случае нападения неприятеля. Тогда вам следует обратиться за страховкой. – Кромвель улыбнулся, отлично понимая, что драгоценности Шарпа не застрахованы.

Шарп по-прежнему хранил молчание.

– Значит так, мистер Шарп, – низким голосом промолвил капитан. – Советую вам уступить, иначе я буду настаивать.

– В этом нет нужды, сэр, – отвечал Шарп.

Кромвель прав, любой остроглазый матрос заметит сокровища, спрятанные так неумело. Каждый день драгоценные камни, вшитые в шов мундира, всей своей тяжестью давили на Шарпа. Он понимал, что успокоится, только когда доберется до Лондона и продаст их. Очень заманчиво переложить эту тяжесть на плечи Компании. Кроме того, Шарпа убедила расписка Полмана. Уж если такой пройдоха, как этот ганноверец, доверил драгоценности Кромвелю, то ему и подавно не след сомневаться.

Капитан дал Шарпу маленькие ножницы, и тот выпорол камни из швов мундира. Шарп не тронул драгоценности, спрятанные в ботинках и поясе, но и без них на столе образовалась внушительная горка рубинов, бриллиантов и изумрудов.

Кромвель разделил камни на три кучки, при помощи крошечных весов взвесил каждую, затем аккуратно записал результат, запер камни в сундук и подал Шарпу расписку.

– Благодарю вас, мистер Шарп, – торжественно промолвил капитан, – вы сняли тяжесть с моих плеч. Эконом найдет кого-нибудь, кто заштопает вам мундир, – добавил капитан, вставая.

Шарп тоже встал и тут же пригнулся под низкой потолочной балкой.

– Благодарю вас, сэр.

– Надеюсь увидеть вас за ужином. Кажется, барон души в вас не чает. Вы давно его знаете?

– Встречался пару раз в Индии, сэр.

– Непростой человек ваш барон. Чтобы аристократ замарал свои руки торговлей? – Кромвель пожал плечами. – Видно, у них в Ганновере все по-другому устроено.

– Вполне возможно, сэр.

– Благодарю вас, мистер Шарп. – Капитан сунул ключ в карман и кивнул Шарпу, давая понять, что аудиенция закончена.

На шканцах Шарпа дожидался майор Далтон.

– Никто так и не смог превзойти вас, Шарп! – воскликнул шотландец. – Я горжусь вами! Вы – честь британской армии!

Леди Грейс бросила на прапорщика один из своих холодных взглядов и равнодушно отвернулась.

– Скажите, сэр, стали бы вы доверять капитану Ост-Индской компании?

– Если такие люди не заслуживают доверия, Шарп, значит мир катится в тартарары! – А ведь нам с вами этого совсем не хочется, верно?

Шарп снова посмотрел на леди Грейс. Она стояла на слегка накренившейся палубе рядом с мужем, опираясь о его руку. Как кошка с собакой, вспомнил Шарп. Кошки скребли у него на душе.

Глава третья

Пассажиры «Каллиопы» изнывали от скуки.

Некоторые читали. Шарп взял у майора Далтона несколько книг, но чтение давалось ему с трудом. Шотландец писал воспоминания о войне с маратхами.

– Вряд ли когда-нибудь их прочтут, Шарп, – добродушно признавал майор, – и все же обидно, если победы нашей армии забудутся. Вы чрезвычайно обяжете меня, если поделитесь особенно памятными эпизодами.

Мужчины убивали время, затевая шуточные дуэли на шпагах и саблях, и до изнеможения гоняли друг друга по верхней палубе. Во вторую неделю плавания среди пассажиров возник необычайный интерес к стрельбе по бутылкам из корабельных мушкетов, но спустя пять дней капитан запретил это невинное развлечение, заявив, что стрельба истощила пороховые запасы «Каллиопы». Один матрос клялся, что на рассвете видел сирену, и целый день пассажиры в тщетной надежде пялились за борт. Лорд Уильям насмешливо отвергал существование этих морских созданий, но майор Далтон уверял, что в детстве ему довелось видеть русалку.

– Ее показывали в Эдинбурге, – рассказывал шотландец Шарпу, – бедняжку выбросило на скалы. Помню темную комнату и какое-то лохматое существо. Очень грязное. От русалки отвратительно пахло, но хвост я видел точно. К тому же она была весьма щедро одарена природой... э... выше пояса. – Майор покраснел. – Бедняжка не выдержала заточения и умерла.

Однажды, вызвав всеобщее возбуждение, на горизонте показался неизвестный парус, но принадлежал он арабскому одномачтовому судну, которое держало курс на Кохин и не могло представлять угрозы для конвоя Ост-Индской компании.

Богатые пассажиры играли в вист. Пассажиры третьего класса тоже не гнушались картами, но Шарп не знал правил, к тому же азарт был чужд ему. На кон ставились приличные суммы, и хотя официально азартные игры на корабле запрещались правилами Компании, капитан Кромвель закрывал глаза на их нарушение.

– Он выигрывает, – жаловался Полман Шарпу, – он вечно выигрывает!

– А вы проигрываете?

– Случается, – равнодушно пожимал плечами Полман.

Полман восседал на стволе пушки. Он часто приходил, чтобы поговорить с Шарпом об Ассайе.

– Ваш Уильям Додд клялся, что сэр Артур – генерал осторожный. Как бы не так! – Ганноверец всегда называл Додда «вашим Уильямом Доддом», подчеркивая, что предатель, как и Шарп, был красномундирником.

– Уэлсли упрям как бык, – одобрительно заметил Шарп, – и никогда не упустит удобного случая.

– Наверняка он уже в Англии?

– Отплыл в прошлом году, – ответил Шарп. В соответствии со своим высоким рангом сэр Артур возвратился в Англию на «Трайденде» – флагмане адмирала Рейнера.

– Там ему придется поскучать.

– Поскучать?

– Наш суровый капитан Кромвель прав. Британия не может противостоять французам в Европе. Возможно, на задворках мира сэру Артуру и нашлась бы работа, но не на континенте. Французская армия, Шарп, – это целая орда, британцам до нее далеко. Их армия не зависит от арестантов, неудачников и пьяниц. Французы набирают рекрутов.

Шарп усмехнулся:

– Этим арестантам, неудачникам и пьяницам удалось поджарить вам перышки.

– Не стану отрицать, – нисколько не обиделся Полман, – но им не устоять перед громадной армией Наполеона. Никому не устоять. А когда французы озаботятся постройкой настоящего флота, друг мой, весь мир запляшет под их дудку.

– А вы? – спросил Шарп. – Где будете плясать вы?

– Возможно, в Ганновере, – пожал плечами Полман. – Куплю большой дом, набью его девками и буду себе посиживать у окошка. Или поселюсь во Франции. Француженки самые аппетитные, Шарп. Главный урок, который я извлек из этой жизни, – все бабы любят деньжата. Как вы думаете, почему леди Грейс вышла замуж за лорда Уильяма? – Германец мотнул головой в сторону шканцев, где ее светлость прогуливалась в сопровождении служанки. – Кстати, как продвигается ваша военная кампания?

– Какая кампания? – буркнул Шарп, не желая понимать намеков.

Полман рассмеялся:

– Тогда, может быть, позвольте пригласить вас на ужин?

Шарп и сам знал, что одержим леди Грейс. С думами о ней он засыпал вечером и просыпался поутру. Она казалась такой неприступной, такой бесстрастной и нелюдимой, и это делало одержимость Шарпа еще сильнее. Ее светлость разговаривала с Шарпом лишь однажды и, когда Шарп пытался спросить ее о чем-нибудь во время ужина, надменно отворачивалась.

Шарп думал о леди Грейс постоянно, все время высматривал ее на палубе, одновременно стараясь не выдать своих чувств. Думы о предмете страсти заполняли пустые часы плавания. Попутный ветер наполнял паруса «Каллиопы», и каждый день лейтенант Тафнелл докладывал о продвижении конвоя вперед: семьдесят две мили, шестьдесят восемь, семьдесят.

Несмотря на сухую и солнечную погоду, корабль, казалось, гнил изнутри. Вода проникала сквозь щели оружейных портов нижней палубы. Палуба, на которой жил Шарп, никогда не бывала сухой, да и вся «Каллиопа», как бы ярко ни палило тропическое солнце, сочилась гнилой вонючей жидкостью, кишела крысами и покрывалась плесенью. Матросы постоянно откачивали воду при помощи четырех корабельных помп, но ее все прибывало. По деревянным желобам вода попадала в трюм, откуда низвергалась за борт, и так без конца.

На четвертую ночь плавания козы заболели и почти все переложились, поэтому обитатели нижней палубы лишились молока. Свежие продукты закончились, и пассажирам приходилось довольствоваться пересоленными, жесткими и прогорклыми. Дурнопахнущая вода годилась только для крепчайшего чая. С помощью фильтра Шарпу удавалось немного отсечь грязь, но вкус от этого нисколько не улучшался. Спустя две недели фильтр окончательно засорился, и Шарпу пришлось выбросить чудо-машину за борт. Он пил арак и кислое пиво, а за ужином в капитанской каюте вино – кислое, словно уксус.

Завтрак подавался в восемь утра. Пассажиры нижней палубы делили на группы по десять человек, которые отправлялись на камбуз к котлу с густой овсянкой. Варено представляло собой смесь толокна и ошметков мяса или жилистой сушеной рыбы, плававших в пригорелой и комковатой массе. По воскресеньям подавали соленую рыбу и галеты – твердые как камни. Перед едой пассажиры долго стучали ими об стол, чтобы выбить долгоносиков. Эти галеты можно было жевать целый день, а иногда на зубах скрипели особенно упрямые насекомые. Чай полагался в четыре пополудни, но только пассажирам, которые путешествовали на

корме. Прочим оставалось ждать ужина, который состоял все из той же сушеной рыбы, галет и жесткого сыра, в котором красные черви проделывали причудливые туннели.

– Человеческие существа не должны так питаться, – вздрагивая, жаловался Малахия Брейсуэйт после одного особенно отвратительного ужина.

Он стоял рядом с Шарпом на верхней палубе, любуясь великолепным закатом.

– Разве вам это впервой? Чем вы питались на пути в Индию?

– Тогда я состоял секретарем при одном лондонском коммерсанте, – величественно отвечал Брейсуэйт, – который кормил меня в своей каюте. Однако лорд Уильям рассуждает иначе, – отвечал секретарь обиженно.

Бедный, но гордый Брейсуэйт был к тому же крайне самолюбив. Дни он проводил в каюте лорда Уильяма, который сочинял отчет для Ост-Индской компании. Отчет содержал предложения по будущему управлению Индией, и Брейсуэйт с удовольствием отдавался работе, однако вечером секретарь вынужден был спускаться вниз. Он стыдился того, что путешествует на убогой нижней палубе, ненавидел вонючий котел на камбузе и пушечные стрельбы. Брейсуэйт считал, что его нельзя ставить на одну доску с камердинером лорда Уильяма и служанкой леди Грейс.

– Я – оксфордский выпускник, – гордо заявил он Шарпу.

– Как вы поступили на службу к лорду Уильяму? – спросил Шарп.

На мгновение Брейсуэйт задумался, словно искал в вопросе подвох, но, не найдя его, отвечал:

– Предыдущий секретарь умер в Калькутте от укуса змеи. Лорд Уильям взял меня на его место.

– Теперь вы жалеете об этом?

– Вовсе нет! – горячо возразил Брейсуэйт. – Его светлость – человек выдающийся. На короткой ноге с самим премьер-министром, – продолжал Брейсуэйт доверительным тоном. – На самом деле отчет, который мы составляем, предназначен не для Компании, а для самого Питта! От предложений лорда Уильяма зависит очень многое. Возможно, вскоре ему предложат министерский портфель, а года через два его светлость вполне может занять пост министра иностранных дел. Как думаете, что ждет тогда его секретаря?

– Лорд Уильям по горло загрузит вас работой, – предположил Шарп.

– А я надеюсь, что стану весьма влиятельным человеком, – признался Брейсуэйт, – наверняка у его светлости будет один из самых блистательных домов в столице, а леди Грейс станет хозяйкой блестящего салона.

– Если станет немного разговорчивее, – заметил Шарп. – Со мной она едва ли обмолвилась парой слов.

– А чего вы хотели? – сердито воскликнул Брейсуэйт. – Леди Грейс привыкла к самым утонченным беседам. – В надежде увидеть ее светлость Брейсуэйт поднял глаза на шканцы. – Ах, она просто ангел, Шарп! – неожиданно выпалил секретарь. – Мне еще не приходилось встречать женщину из высшего света, подобную ей! А как умна! Я закончил Оксфорд, но «Георгики» она цитирует куда свободнее меня.

Знать бы, о чем это он, тоскливо подумал Шарп, но, желая продолжить разговор о леди Грейс, заметил лишь:

– Ее светлость – очень красивая женщина.

– Красивая? – саркастически переспросил секретарь. – Да она просто образец женских добродетелей, ума и красоты!

Шарп рассмеялся:

– Вижу, вы сохнете по ней, Брейсуэйт.

Секретарь бросил на прапорщика испепеляющий взгляд:

– Если бы не ваша репутация грубого вояки, я считал бы последнее замечание весьма оскорбительным.

– Может быть, я и грубый вояка, – поддел собеседника Шарп, – но сегодня вечером не вы, а я обедаю с ее светлостью.

Впрочем, хватать Шарпу было особенно нечем – леди Грейс по-прежнему не заговаривала с ним и едва ли замечала его присутствие за столом, да и кормили знатных пассажиров немногим лучше, чем бедноту. В обеденной зале подавали дохлых тушеных гусей, от которых нестерпимо несло уксусом. Капитан Кромвель особенно налегал на свинину с горошком, хотя горох так высох, что стал похожим на дробь, а пересоленная свинина на вкус напоминала старую дубленую кожу. Был еще пудинг, а иногда портвейн или бренди, а также кофе, сигары и непременный вист. С утра в капитанской каюте подавали яйца и кофе – недоступная роскошь для пассажиров нижних палуб, но на завтраки Шарпа не приглашали.

Иногда после ужина на нижней палубе Шарп наблюдал, как под оркестрик из двух скрипок, флейты и барабана (один из матросов отстукивал ритм по дну бочонка) матросы танцевали хорнпайп. Однажды вечером разразился ливень, и Шарп долго стоял на палубе, раздевшись до пояса, запрокинув голову и жадно глотая чистую воду. После дождя на нижних палубах стало еще сырее – дождевая вода неведомыми путями пробиралась внутрь корабля. Казалось, что все вокруг ржавеет, гниет и покрывается плесенью. По воскресеньям в сопровождении все того же оркестрика судовой эконом отправлял службу. Богатые пассажиры стояли на шканцах, бедные – внизу под ними, и все согласно выводили торжественные слова гимна. Майор Далтон пел с особым чувством, отбивая темп рукой. Полмана веселила горячность шотландца, а лорд Уильям с женой, несмотря на приказ капитана, так и не соизволили покинуть свою каюту. Затем эконом принимался невыразительным голосом читать молитву, слова которой тревожили тех пассажиров, которые в них вслушивались:

– Боже славный и многомилостивый, обитающий на небеси, но зрящий все на земли. Призри на нас, молящихся Тебе, и услыши нас, взывающих из глубины скорбей и чрева преисподней, разверстого пред нами. Спаси нас, да не погибнем.

Впрочем, пока путешествие на «Каллиопе» проходило на удивление спокойно. На мили вокруг простирался пустой океан: ни клочка суши, ни проблеска вражеских парусов. В полдень офицеры торжественно смотрели на солнце сквозь секстанты и спешили в каюту Кромвеля, чтобы заняться вычислениями. Только в середине третьей недели небо заволочло тучами. Говорили, что капитан заявил, будто бы «Каллиопу» ждут беспокойные деньки. Сам Кромвель мерил шагами палубу с выражением мрачного удовольствия на лице. Ветер понемногу усиливался, заставляя пассажиров хвататься за шляпы. Те, кто страдал морской болезнью, ощутили все прелести этой хвори. С утра моросило, а вечером хлынул такой ливень, что в серой дымке скрылись очертания ближайшего корабля конвоя.

Полман снова пригласил Шарпа на ужин. Мундир Шарпа аккуратно заштопали, и ему оставалось спуститься к себе, чтобы переодеться в наименее грязную из рубашек. Внизу стояла вода и пахло блевотиной. Плакали дети, тьявкали привязанный пес. Всякий раз, как судно накренялось в сторону, вода проникала сквозь закрытые орудийные порты, а когда корабль нырял вниз, водяные потоки затопляли клюзы.

Когда Шарп карабкался наверх, вода водопадом стекала по ступенькам. Пошатываясь, он миновал шканцы, где шесть матросов сражались со штурвалом, распахнул дверь, ведущую в кормовую рубку, и, миновав короткий коридор, постучался в дверь обеденной залы. За столом сидели сам капитан, майор Далтон, Полман, Матильда и его светлость с супругой. Остальные пассажиры мучились морской болезнью, поэтому ужин им подали в каюты.

– Вас снова пригласил барон? – поинтересовался Кромвель.

– Не хотите ли вы сказать, что мистер Шарп не может быть моим гостем? – возмутился Полман.

– Он ест за ваш счет, барон, не за мой! – рявкнул капитан и махнул рукой Шарпу, указывая ему место за столом. – Присаживайтесь, мистер Шарп. – Капитан сложил громадные ручищи для молитвы, корабль качнуло, пол пугающе накренился, и ножи заскользили по столу. – Господи, благослови эту пищу, – начал Кромвель, – благодарим Тебя, что позаботился о нашем пропитании, аминь.

– Аминь, – промолвила леди Грейс сдержанно.

Муж ее светлости был бледен и с силой вцепился в край стола, словно пытался таким способом умерить качку. Саму леди Грейс, казалось, совершенно не беспокоила дурная погода. Сегодня ее светлость надела алое платье с низким вырезом. Тонкую шею охватывало жемчужное ожерелье, темные волосы были подняты вверх и склоты жемчужной шпилькой.

Сетка, натянутая по краю стола, не давала возможности ложкам, бокалам, тарелкам и графинам соскользнуть на пол, но тем не менее качка превращала ужин в весьма рискованное предприятие. На первое стюард подал густой суп.

– Свежая рыба! – проревел Кромвель. – Поймана сегодня утром. Не имею понятия, как она называется, но на моем судне никто еще не умирал от отравления. От другого бывало, не скрою, но не от ядовитой рыбы. – Капитан с жадностью набросился на месиво, в котором плавали рыбы кости, одной рукой придерживая тарелку, чтобы не расплескать ее содержимое. – Матросы падали с мачт, сгорали от лихорадки, а один пассажир, страдая от безответной любви, покончил жизнь самоубийством. Однако от рыбного супа еще никто не отдал богу душу.

– От безответной любви? – живо откликнулся Полман.

– И такое бывает, барон, – с готовностью отвечал капитан. – Широко известный феномен – морские путешествия пробуждают самые низменные инстинкты. Прошу простить меня, миледи, – поспешно добавил Кромвель, но леди Грейс, казалось, его не слушала.

Лорд Уильям проглотил ложку супа и отвернулся. Леди Грейс осилила несколько ложек и тоже отодвинула тарелку. Майор ел с аппетитом, Полман и Матильда – жадно, а Шарп – с осторожностью. Ему не хотелось опозориться перед леди Грейс своими дурными манерами. Рыбные кости он аккуратно вынимал изо рта, в то время как Полман просто выплевывал их на стол, заставляя ее светлость вздрагивать.

– Превосходный бифштекс с рисом, – объявил капитан, словно предлагал изысканное лакомство. – Не расскажете ли нам, барон, как вам удалось разбогатеть в Индии? Вы занимались торговлей, верно?

– Да, капитан, именно так.

Леди Грейс подняла глаза, нахмурилась и снова приняла безучастный вид. Графин с вином дребезжал в металлической подставке. Весь корабль скрипел, стонал и вздрагивал.

– В Англии, – продолжил Кромвель многозначительно, – аристократы не занимаются торговлей. Они считают это ниже своего достоинства.

– У английских лордов есть земли, моя же семья потеряла свои владения лет сто назад, а если у вас нет земель, приходится зарабатывать на жизнь самому.

– И как же, просветите нас? – настаивал капитан. Его длинные, намокшие от дождя волосы неряшливо свисали с плеч.

– Да так, что-то покупал, что-то продавал, – невозмутимо отвечал Полман.

– Не скромничайте, барон, похоже, вам удалось схватить удачу за хвост, – заметил капитан. Казалось, он пытается занять гостей пустым разговором, чтобы отвлечь от качки. – А теперь, значит, везете свое богатство домой? И где же ваш дом? В Баварии? В Пруссии? Или, может быть, в Гессене?

– В Ганновере, – отвечал Полман. – Однако я подумываю приобрести дом в Лондоне. Надеюсь, лорд Уильям не откажется дать мне совет?

Полман через стол улыбнулся его светлости, но вместо ответа лорд Уильям внезапно прижал салфетку к губам и выскочил из каюты. Водяные брызги упали на стекло потолочного окна и на стол.

– Мой муж – плохой моряк, – мягко промолвила леди Грейс.

– А вы, миледи? – спросил Полман.

– Мне всегда нравилось море, – отвечала она сухо.

Кромвель рассмеялся:

– Говорят, миледи, что те, кто находит радость в морских путешествиях, сочтут прогулку в ад детским развлечением.

Леди Грейс пожала плечами. Поддержать беседу решил майор Далтон:

– А вы когда-нибудь страдали морской болезнью, Шарп?

– Нет, сэр, мне повезло.

– Мне тоже, – сказал майор. – Кстати, моя матушка верила, что подобная хворь лечится добрым бифштексом.

– Глупости! – прорычал Кромвель. – При морской болезни помогают только ром и масло.

– Ром и масло? – Полман сморщился.

– Сначала нужно влить больному в глотку пинту рома, затем пинту масла. Подойдет любое, даже ламповое, потому что больной все равно извергнет его обратно, зато на следующий день будет здоров как бык. – Кромвель недобрый взглядом уставился на леди Грейс. – Прислать вам рома и масла, миледи?

Ее светлость даже не озаботилась ответить. Она молча рассматривала стену, на которой был изображен английский сельский пейзаж с церквушкой, который покачивался вместе с кораблем.

– Сколько продлится шторм, капитан? – спросила Матильда с акцентом.

– Шторм? – возмутился Кромвель. – Вы называете это штормом? Это, мадам, всего лишь дождик и легкий ветерок! А вот настоящий шторм, мадам, действительно ужасен! Вы не представляете, в какой шторм мы можем попасть за мысом Доброй Надежды!

Никто не решился отвесть смородиновый десерт, и Полман предложил сыграть в вист в его каюте.

– У меня есть неплохой бренди, капитан, – сказал германец, – а если майор присоединится, мы составим партию. Шарп не играет. – Затем барон улыбнулся леди Грейс. – А вы, миледи?

– Нет, – отвечала леди Грейс с таким видом, словно барон приглашал ее заняться чем-то предосудительным. Затем она встала, умудряясь двигаться изящно даже на качающемся корабле.

Мужчины поднялись с мест и расступились, давая ее светлости дорогу.

– Оставайтесь и допейте ваше вино, Шарп, – промолвил на прощание Полман, покидая каюту вместе с прочими игроками.

Шарп остался в одиночестве. Он допил вино, затем налил еще бокал. Опустилась тьма, и фрегат Компании, чтобы не потерять корабли конвоя, принялся каждые десять минут палить из пушки. Шарп решил дождаться третьего выстрела, а затем спуститься вниз и попытаться уснуть среди вони и сырости.

Внезапно дверь отворилась и в залу вошла леди Грейс. На плечи она накинула шарф, прикрыв молочно-белую шею. Ее светлость бросила на Шарпа недружелюбный взгляд и не ответила на его неловкий поклон. Шарп решил, что леди Грейс что-то забыла и тотчас же удалится, но, к его удивлению, женщина уселась в капитанское кресло и нахмурилась:

– Садитесь, мистер Шарп.

– Вина, миледи?

– Садитесь, – упрямо повторила она.

Шарп расположился на противоположном конце стола. Пустой медный канделябр на потолке ловил отсветы ламп на стенах каюты. Дрожащее пламя подчеркивало высокие скулы леди Грейс.

– Хорошо ли вы знаете барона фон Дорнберга? – резко спросила она.

Шарп удивленно заморгал:

– Не слишком, миледи.

– Вы познакомились в Индии?

– Да, мэм.

– Где? – продолжала настаивать леди Грейс. – При каких обстоятельствах?

Шарп нахмурился. Он обещал не выдавать Полмана и теперь попал в щекотливое положение.

– Я служил в разведке, мэм, поэтому часто переходил на сторону врага... я имею в виду, за линию фронта. Там я и повстречал Пол... барона. – Шарп запнулся. – Всего я виделся с ним четыре или пять раз.

– Какого врага?

– Маратхов, мэм.

Она пристально смотрела на Шарпа, словно взвешивая правдивость его слов.

– Кажется, барон весьма привязан к вам, мистер Шарп.

Стакан Шарпа поехал по столу и, перевалившись через сетку, упал на пол и разбился. Вино забрызгало ковер. Шарп с трудом удержался, чтобы не чертыхнуться.

– В нашу последнюю встречу, мэм, я оказал ему одну услугу.

– Барон воевал на стороне маратхов? – перебила его леди Грейс.

– Да, мэм, – осторожно ответил Шарп, надеясь скрыть то обстоятельство, что Полман командовал неприятельской армией. – После того как сражение закончилось, барону пришлось спасаться бегством, а я мог схватить его. Однако, решив, что он не опасен, я позволил ему скрыться. Уверен, именно поэтому барон считает себя моим должником.

– Спасибо, что ответили на мои вопросы. – Кажется, ее светлость собирается встать.

– Куда вы, мэм? – Шарп надеялся удержать ее.

Она неохотно откинулась на спинку стула. Некоторое время леди Грейс рассматривала Шарпа, очевидно размышляя, о чем еще его можно спросить, затем нахмурилась:

– Вы слышали сегодняшний разговор капитана с бароном?

– Да, мэм.

– Вам не показалось, что они едва знакомы?

– Так и есть, – согласился Шарп, – капитан сам признался мне.

– И тем не менее почти каждую ночь, мистер Шарп, они встречаются, словно старые приятели! Приходят сюда после полуночи, садятся за стол и что-то обсуждают. Иногда с ними бывает слуга барона. – Леди Грейс запнулась. – Когда я не могу уснуть, то в тихие ночи выхожу прогуляться на палубу. Я слышала их разговоры через потолочное окно. Не подумайте, я не подслушивала, – надменно промолвила она, – просто уловила знакомые голоса.

– Вы хотите сказать, что они притворяются незнакомыми?

– Именно так.

– Странно, мэм.

Ее светлость пожала плечами.

– Возможно, они просто играют в нарды, – холодно заметила она.

И снова Шарпу показалось, что леди Грейс собирается уходить. Он поспешно выпалил:

– Барон сказал мне, что собирается обосноваться во Франции, мэм.

– Разве не в Лондоне?

– Во Франции или в Ганновере, мэм.

– Раз уж вы знакомы так поверхностно, стоит ли удивляться, что он вам не доверяет? – с издевкой промолвила леди Грейс и встала.

Шарп оттолкнул стул и кинулся вперед, чтобы открыть для нее дверь. В благодарность ее светлость кивнула, но тут большая волна качнула «Каллиопу», и леди Грейс пошатнулась. Шарп неосознанно протянул руку, чтобы поддержать ее, рука легла на талию, и лицо женщины оказалось в дюйме от лица Шарпа. Он чувствовал нестерпимое желание поцеловать ее и откуда-то знал, что она не станет противиться. Палуба выровнялась, но леди Грейс не отстранилась. Под мягкой тканью платья Шарп ощущал ее тонкую талию. Разум его затуманился. Ее глаза, такие громадные и серьезные, смотрели прямо на него. И снова Шарп прочел в них грусть. Внезапно дверь распахнулась и стюард чертыхнулся, пытаясь войти внутрь с подносом в руках. Леди Грейс вырвалась из объятий Шарпа и, не промолвив более ни слова, выбежала вон.

– Льет как из ведра, – сказал стюард. – Чертовы рыбы скоро будут плескаться прямо на палубе.

– Чертовы рыбы, – повторил Шарп, – чертовы, чертовы рыбы! – Он поднял графин со стола, приложил к губам и одним глотком осушил его.

Дождь лил всю ночь. В полночь капитан распорядился убрать паруса. Пассажиры, которые осмелились на рассвете вылезти на палубу, обнаружили, что «Каллиопа» качается на бурных волнах под низкими, морозящими дождем тучами. Шинели у Шарпа не было, и, чтобы не намочить мундир и рубашку, он разделся до пояса. Поклонившись невидимому капитану на шканцах, Шарп припустил на бак, где его ждало варево из овсянки. На камбузе он повстречал седовласого матроса, который командовал орудийным расчетом. Старый морской волк поприветствовал Шарпа беззубой ухмылкой:

– Мы потеряли конвой, сэр.

– Потеряли?

– Пустились во все тяжкие! – засмеялся матрос. – И уж точно не случайно, вы уж мне поверьте.

– О чем ты толкуешь, Джем? – спросил старика матрос помоложе.

– А ты слушай, что говорю! – прикрикнул Джем и сплюнул коричневую слюну. – Капитан был за штурвалом с полуночи, сэр, вот он и развернул корабль к югу. Погнал нас на мачты среди ночи. Нынче мы идем на юг, а раньше шли на юго-запад.

– Так ветер сменился, – заметил молодой матрос.

– Ветер здесь ни при чем! – презрительно бросил Джем. – И уж точно не в это время года! Ветер дует тут точнехонько с севера на восток. Девять дней из десяти, сэр. От самого Бомбея вы можете не прикасаться к штурвалу. Распускаете все паруса, и ветер сам толкает вас в сторону Мадагаскарского пролива, словно шар в лузу.

– Тогда почему мы повернули на юг?

– Да корабль у нас больно шустрый, вот Пекьюлиа и бесится, что мы плетемся в хвосте конвоя. Уж вы мне поверьте, сэр, он заставит нас вздернуть на мачты последнюю рубашку, лишь бы поймать ветер. И уж тогда мы полетим словно чайки! – Старик подмигнул Шарпу. – Корабль, который первым приходит в порт, получает за груз самую выгодную цену.

Кок плеснул овсянку в котелок Шарпа, и Джем открыл дверь, чтобы выпустить его наружу. В дверях Шарп едва не столкнулся с пожилым слугой Полмана, который так вольготно чувствовал себя в каюте хозяина, когда Шарп в первый раз навестил старинного приятеля.

– Pardonnez-moi, – извинился слуга.

Шарп посмотрел на него:

– Вы француз?

– Швейцарец, сэр, – почтительно отвечал слуга и отступил в сторону. Шарп продолжал смотреть на него, размышляя о том, как мало этот господин похож на слугу. Глаза у него были, как у лорда Уильяма, – умные и пронзительные. – Доброе утро, сэр. – Странный слуга поклонился, и Шарп проществовал мимо него на палубу с дымящимся варевом в котелке.

В это время на шканцах показался капитан Кромвель и, как и предсказывал Джем, велел поднять все паруса. Капитан проорал команду матросам и, поднеся ко рту рупор, окликнул лейтенанта Тафнелла, который направлялся на корму:

– Распустить кливера! Живо! Мистер Шарп, вы весьма обяжете меня, если оденетесь. Тут вам не замызганная угольная баржа, а торговое судно Ост-Индской компании!

Шарп спустился вниз и позавтракал, затем оделся и снова вернулся на палубу. Кромвель стоял на корме и тревожно глядывался в горизонт на севере, вероятно опасаясь появления фрегата Компании, который велит «Каллиопа» вернуться в конвой. Но ни Кромвель, ни матрос на марсе не заметили вдали ни единого паруса. Кажется, капитану действительно удалось оторваться, и теперь «Каллиопа» демонстрировала всю скорость, на какую была способна. Паруса поймали влажный ветер, и судно стремительно несло к югу, вспенивая волны.

К обеду ветер стих, наверху появились просветы, а вечером небо и вовсе очистилось, и море из серого стало сине-зеленым. Пассажиры заметно приободрились, словно, оторвавшись от конвоя, получили долгожданную свободу. Повсюду звучал смех, а когда лейтенант Тафнелл велел почистить зловонную палубу, раздались аплодисменты. Некоторые пассажиры с нижней палубы присоединились к матросам, которые затеяли танцы на баке. Оранжево-красное светило садилось прямо в море.

Перед ужином Полман предложил Шарпу сигару:

– Мне не удастся сегодня пригласить вас на ужин, Шарп. Джошуа Фазакерли жертвует свое вино, и нам придется весь вечер выслушивать его нудные речи. – Полман замолчал, выпустив дым в направлении грот-паруса. – Знаете, почему мне нравилось у маратхов? У них нет адвокатов.

– Как и законов, – добавил Шарп.

Полман криво усмехнулся:

– Верно. Продажное общество – это по мне, Ричард! В таком обществе у нашего брата всегда есть шанс сорвать куш.

– Зачем тогда возвращаться в Европу?

– В Европе то же самое, – отвечал Полман. – Французы на всех перекрестках кричат о законе и здравом смысле, но за всеми этими разговорами – только страсть к наживе, а эту страсть я разделяю.

– И где же вы решили обосноваться? – спросил Шарп. – В Лондоне, Ганновере или во Франции?

– Может быть, в Италии. Или в Испании. Хотя вряд ли. Не выношу попов. Возможно, отправлюсь в Америку. Вот где раздолье для нашего брата!

– И все-таки как насчет Франции?

– Возможно. С французами я пока не ссорился.

– Поссоритесь, если «Ревенан» найдет нас.

– «Ревенан»? – с невинным видом переспросил Полман.

– Французский военный линкор, – отвечал Шарп.

Полман рассмеялся:

– Ну, это вряд ли. Все равно что искать, как это вы говорите, иголку в стоге сена? Впрочем, я знаю верный способ найти эту самую иголку. Завалиться с девкой на сеновал – иголка тут же вопьется ей в зад! Вы когда-нибудь занимались любовью в стоге сена?

– Не довелось.

– Ну и правильно, удовольствие того не стоит. Похоже на те кровати, на которых спят индийские факиры. А если все же придется, залезайте сверху.

Шарп смотрел на темнеющий океан. Волны больше не пенились барашками, вокруг простиралась безмятежная водная гладь.

– Вы давно знаете Кромвеля? – наконец решился Шарп.

Ему не нравилось обнаруживать перед Полманом свои подозрения, но еще больше хотелось, чтобы ганноверец развеял их.

Полман удивленно, но отнюдь не враждебно уставился на Шарпа.

– Недавно, – твердо ответил он. – В Бомбее до отплытия встречался с ним пару раз, чтобы выхлопотать себе пристойную каюту. Вот и все. Почему вы спросили?

– Хочу понять, зачем он оторвался от конвоя.

Полман беззаботно рассмеялся:

– Вряд ли я знаю капитана настолько хорошо, но мистер Тафнелл сказал, что мы подплывем к Мадагаскару с востока, а конвой – с запада. Он клянется, что это позволит нам опередить конвой на целых две недели! Разумеется, стоимость груза при этом изрядно возрастет, а капитан весьма в этом заинтересован. – Полман затянулся. – Вы не одобряете решения Кромвеля?

– Плыть в конвое безопаснее, – тихо промолвил Шарп.

– Нас защитит скорость. Тафнелл уверяет, что мы сможем делать по меньшей мере девять миль в день! – Германец выбросил остатки сигары за борт. – Пойду переоденусь для ужина.

Что-то здесь нечисто, размышлял Шарп. Если леди Грейс говорит правду, значит Полман и Кромвель знают друг друга гораздо ближе, чем утверждают. Зачем тогда ганноверцу клясться, что едва знаком с капитаном? Шарп был склонен поверить ее светлости, хотя за всю жизнь не встречал людей, которые так мало походили друг на друга, как Полман и Кромвель.

Спустя два дня матрос с верхушки мачты заметил на западе далекий берег. Пассажиры высыпали на палубу, хотя, чтобы увидеть побережье, им пришлось бы забраться на мачту. Над невидимой землей висела тонкая полоска облаков.

– Восточная оконечность Мадагаскара, – объявил лейтенант Тафнелл, и весь день пассажиры пялились на облака, слово те предвещали какие-то перемены.

На следующий день облака исчезли из виду, хотя Тафнелл объяснил Шарпу, что они все еще движутся параллельно берегу, скрытому за горизонтом.

– В следующий раз корабль подойдет к побережью только в Африке, – сказал Тафнелл, – там быстрое течение, которое отнесет нас к Кейптауну.

Тафнелл и Шарп стояли на шканцах. Вот уже три ночи подряд в предутренние часы Шарп безуспешно подкарауливал леди Грейс. Чтобы подняться на шканцы, требовалось разрешение, но вахтенному офицеру нравилась его компания и не было никакого дела до того, отчего Шарпу не спится ночами. Две ночи леди Грейс не появлялась, но на третью Шарп услышал скрип двери и шорох мягких туфель. Шарп подождал, пока лейтенант отойдет к рулевому, и устремился на бак.

Тонкий, словно клинок, полумесяц отражался в воде, и Шарп мог хорошо разглядеть леди Грейс. Закутавшись в темный плащ, ее светлость стояла под кормовым фонарем. Служанки не было, и тогда Шарп встал рядом с женщиной, положил руки на перила и молча вгляделся в посеребренный полумесяцем след, оставляемый за кормой. Над ними в высоте на бизань-мачте белел огромный трисель.

Они молчали. Когда Шарп встал рядом, леди Грейс взглянула на него, но не шелохнулась.

– Полман, – промолвил Шарп тихо, заметив, что потолочные окна обеденной залы открыты, и не желая, чтобы кто-нибудь подслушал их разговор, – клянется, что знать не знает капитана Кромвеля.

– Полман? – нахмурилась ее светлость.

– Барон фон Дорнберг никакой не барон, миледи, – с легкостью нарушил Шарп слово, данное Полману. Но теперь, когда он стоял так близко к леди Грейс и вдыхал аромат ее духов, это не имело значения. – Его имя Энтони Полман. Когда-то он дезертировал из ганноверского полка на службе у Ост-Индской компании и стал неплохим наемником. Именно он командовал неприятельской армией при Ассайе.

– Командовал? – удивилась ее светлость.

– Да, мэм. Полман командовал маратхами.

Она снова посмотрела на море.

– Почему вы не выдали его?

– Он мне всегда нравился, – пожал плечами Шарп. – Когда-то Полман хотел сделать меня офицером в армии маратхов, и признаюсь, я это запомнил. Обещал, что с ним я разбогатею.

Леди Грейс улыбнулась:

– Вы хотите разбогатеть, мистер Шарп?

– Лучше быть богатым, чем бедным, миледи.

– Верно. А почему вы рассказали мне о Полмане сейчас?

– Он солгал мне, мэм.

– Солгал?

– Заявил, что почти не знает капитана, а от вас я узнал, что это не так.

Она повернулась к Шарпу:

– Возможно, это я вам солгала?

– А вы солгали?

– Нет. – Леди Грейс бросила взгляд на окна обеденной залы и отошла к дальнему краю шканцев, где к планширу была привязана маленькая сигнальная пушка. После секундного раздумья Шарп последовал за ней. – Мне все это не нравится, – тихо промолвила женщина.

– Что именно, мэм?

– То, что мы изменили курс. Ради чего?

Шарп пожал плечами:

– Полман говорит, мы пытаемся обогнать конвой, чтобы повыгоднее пристроить груз в Лондоне.

– Никто не плавает восточнее Мадагаскара! – воскликнула леди Грейс. – Мы потеряли течение Игольного мыса. К тому же, идя этим курсом, мы окажемся гораздо ближе к Иль-де-Франс.

– К Маврикию?

Ее светлость кивнула. Маврикий был вражеской базой в Индийском океане – островная крепость с большой гаванью, защищенной коварным коралловым рифом и каменными фортами.

– Я сказала об этом лорду Уильяму, – с горечью добавила она, – но он только посмеялся надо мной. Что я в этом понимаю? А Кромвель, по его словам, знает свое дело и сам во всем разберется. – Леди Грейс замолчала, и внезапно Шарп с удивлением осознал, что она плачет. Еще несколько мгновений назад леди Грейс была такой надменной и вот, надо же, заливается слезами. – Ненавижу Индию, – промолвила она немного погодя.

– Почему, миледи?

– Здесь все умирают, – резко ответила она. – Две мои собаки умерли... и еще сын.

– Господи, я и не знал!

Леди Грейс не ответила.

– Да и я сама чуть не умерла от лихорадки. – Она всхлипнула. – Иногда я жалею, что выжила.

– Сколько лет было вашему сыну?

– Три месяца, – тихо промолвила она. – Он был моим первенцем, таким крошечным и славным, с такими маленькими пальчиками, и уже мог улыбаться. Только научился улыбаться и вот сгнил в этой земле! Все здесь умирает и гниет! Все чернеет и разлагается! – Рыдания усилились, плечи женщины сотрясались.

Шарп развернул ее и прижал к груди. Леди Грейс припала к его плечу.

Спустя несколько секунд она успокоилась.

– Простите, – прошептала леди Грейс и отстранилась, но руки Шарпа все еще лежали на ее плечах.

– Ничего, – сказал он.

Голова женщины склонилась, и Шарп почувствовал запах ее волос. Затем леди Грейс подняла голову и взглянула ему в глаза:

– Вам когда-нибудь хотелось умереть, мистер Шарп?

Он улыбнулся:

– Не думаю, что для мира это стало бы большой утратой, миледи.

Леди Грейс нахмурилась и вдруг рассмеялась. Ее лицо, впервые с тех пор, как Шарп увидел его, озарилось светом. Господи, как она прекрасна, подумал Шарп и, не сдержавшись, наклонился и поцеловал ее. Леди Грейс оттолкнула его, и Шарп приготовился пробормотать бессвязные извинения, но женщина всего лишь высвободила руки и обхватила Шарпа за шею. Она впиалась в его губы с такой страстью, что Шарп ощутил во рту привкус ее крови. Отстранившись, леди Грейс вздохнула и прижалась к нему щекой.

– Господи, – прошептала она нежно, – мне хотелось сделать это с первой минуты нашей встречи!

Шарп тщетно пытался скрыть изумление:

– А я считал, что вы меня даже не замечаете, миледи!

– Ты болван, Ричард Шарп.

– А вы, миледи?

Она снова притянула его голову к себе:

– А я еще глупее тебя. Теперь я это точно знаю. Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь, миледи, насколько мне известно.

Она улыбнулась, и Шарп подумал, что никогда еще не видел леди Грейс такой счастливой. Затем она потянулась к нему и нежно поцеловала в губы.

– Меня зовут Грейс, – мягко поправила она, – и что значит «насколько мне известно»?

– Я не знал ни матери, ни отца.

– Кто же вырастил тебя?

– Никто, мэм... прости, Грейс. – Шарп покраснел. Он легко мог представить, как целует ее и даже как ласкает ее тело, но вымолвить ее имя – на это надо было решиться. – Несколько лет я жил в приюте, затем меня отдали в рабочий дом, а потом пришлось самому за собой присматривать.

– Мне тоже двадцать восемь, – сказала она, – и еще никогда в жизни я не была счастлива. Какая же я глупая! – Шарп с недоверием смотрел на нее. Грейс рассмеялась. – Это правда, Ричард.

Раздались голоса, блеснул свет – матросы открыли компас в нактоузе. Ричард и Грейс отскочили друг от друга и уставились за борт. Свет погас. Несколько мгновений леди Грейс молчала, и Шарп решил, что она сожалеет о случившемся, но женщина только мягко промолвила:

– Ты похож на сорняк, Ричард, ты прорастешь везде. Буйный сорняк, способный победить любые колючки. А я – словно роза в саду, избалованная и изнеженная, способная расти только там, где решит садовник. – Грейс вздрогнула. – Я не ищу твоей жалости, Ричард. Ты не должен жалеть тех, кто знатнее и богаче тебя. Просто хочу, чтобы ты понял, почему я с тобой.

– И почему же?

– Потому, что я одинока и несчастна, – коротко ответила она, – и еще потому, что ты мне нравишься. – Грейс нежно провела подушечкой пальца по шраму на щеке Шарпа. – Ты даже не осознаешь, как чертовски привлекателен, Ричард! Впрочем, на лондонской улице твое лицо наверняка испугало бы меня.

– Испорченный и очень опасный, – сказал Шарп, – да, я такой.

– Я здесь еще и потому, – продолжила она, – что это так сладко – забыть о правилах и приличиях! Капитан Кромвель назовет наши чувства измененными инстинктами, и боюсь, что в конце концов все это плохо кончится, но сейчас мне все равно! – Грейс нахмурилась. – Иногда ты выглядишь таким суровым и безжалостным. Ты безжалостен, Ричард?

– Нет, – отвечал Шарп. – Только к врагам короля. И к моим врагам, если они не слабее меня. Я солдат, а не головорез.

Грейс снова коснулась шрама на его щеке:

– Ричард Шарп, мой храбрый солдат.

– Не такой уж храбрый. Когда-то я до смерти тебя боялся.

– Меня? – Грейс не на шутку удивилась. – А я-то считала, что ты меня презираешь. Ты всегда смотрел на меня так мрачно!

– Я и не утверждал, что никогда не презирал тебя, – с шутливой серьезностью промолвил Шарп, – но с первой минуты я хотел быть с тобой.

Грейс рассмеялась:

– В ясные ночи мы можем встречаться здесь. Я прихожу сюда, когда не могу заснуть. Уильям спит в кормовой каюте, а я – на диване в гостиной.

– Ты не спишь с ним? – осторожно спросил Шарп.

– Мы ложимся в одну постель, – призналась она, – но каждую ночь он принимает лауданум. Говорит, что у него бессонница. Уильям не знает меры, поэтому спит до утра беспробудным сном, а когда он засыпает, я ухожу в гостиную. – Женщина вздрогнула. – Лекарство делает его еще раздражительнее.

– У меня тоже есть каюта, – промолвил Шарп.

Грейс без улыбки смотрела на него, и Шарп решил, что она оскорблена.

– Твоя собственная каюта?

Он кивнул:

– Семь футов на шесть. Стены из сырого дерева и влажных тряпок.

– Там висит твой одинокий гамак? – улыбнулась она.

– К черту гамак, – отвечал Шарп. – У меня настоящая койка с сырым матрасом.

Грейс вздохнула:

– Всего полгода назад один человек предлагал мне дворец со стенами из резной слоновой кости, сад с фонтанами и павильон с золотым ложем. Он был принцем и, должна признать, вел себя весьма учтиво.

– А ты? – ревниво спросил Шарп. – Ты была с ним так же учтива?

– Я заморозила его своей холодностью.

– Ты поступила правильно.

– А с утра мне придется снова стать холодной как лед.

– Да, миледи.

Она улыбнулась тому, что он так легко принял правила игры.

– Впрочем, утро наступит только через три часа.

– Через четыре.

– И мне не терпится осмотреть корабль. До сих пор я видела только кормовую рубку, обеденную залу и бак.

Шарп взял ее за руку:

– Там непроглядная темень.

– Вот и славно, – со значением промолвила она, затем отняла руку. – Сначала ты, а я за тобой.

Шарп дождался ее под шканцами и провел вниз, где они позабыли о кознях Полмана и Кромвеля, да и обо всем на свете.

Эта парочка, Полман и Кромвель, наверняка что-то затевает, вспомнил Шарп на рассвете, лежа на опустевшей койке и все еще не веря своему счастью. Он закрыл глаза и взмолился, чтобы это плавание длилось вечно.

Глава четвертая

На рассвете третьего дня, впервые после того, как «Каллиопа» оторвалась от конвоя, на горизонте показалось парусное судно. Небо над невидимым Мадагаскаром еще темнело, когда матрос на мачте заметил, как первые солнечные лучи отразились от дальнего паруса. Кромвель, которого разбудил лейтенант Тафнелл, выглядел взволнованным. Капитан облачился во фланелевый халат, а длинные волосы стянул узлом на затылке. Кромвель рассматривал горизонт через старинную подзорную трубу.

– Это не туземцы, – услышал Шарп его слова, – судно христианское.

Кромвель приказал отвязать пушки на верхней палубе. Пока капитан одевался, из хранилища боеприпасов подняли порох. Вооружившись подзорной трубой, Тафнелл сам забрался на мачту. Лейтенант долго всматривался в горизонт и наконец прокричал, что видит китобойное судно. Кромвель вздохнул с облегчением, но порох велел оставить на палубе – на случай, если шхуна окажется пиратской.

До того как парусник показался вдали, прошел целый час. Пассажиры толпились на палубе. Появление неизвестного судна разнообразило монотонность плавания, и Шарп вместе с остальными жадно вглядывался в горизонт. Впрочем, перед прочими обитателями «Каллиопы» у него было весомое преимущество – подзорная труба. Этот драгоценный прибор с выгравированной датой битвы при Ассайе, изготовленный лондонским мастером Мэтью Бергом, Шарп получил в дар от сэра Артура Уэлсли. Подзорную трубу украшали благодарственные слова. Вручая трубу Шарпу, сэр Артур держался с обычной холодностью.

– Чтобы вы не подумали, будто я забыл о той услуге, которую вы мне оказали, – неловко промолвил генерал.

– Я рад, что был там, сэр, – отвечал Шарп столь же неуклюже.

Сэр Артур мучительно раздумывал, что бы сказать еще:

– Помните, мистер Шарп, что для офицера глаза важнее сабли.

– Буду помнить, сэр, – отвечал Шарп, заметив про себя, что, если бы не его сабля, генерал не стоял бы сейчас перед ним. Впрочем, совет и впрямь был неплох.

Шарп был весьма разочарован генеральским подарком. Ему казалось, что в благодарность за спасение своей жизни сэр Артур мог бы расщедриться и на добрый клинок.

Так прапорщик стал неблагодарным владельцем превосходного прибора, которому позавидовали бы многие богачи, и теперь ему выпал случай опробовать подзорную трубу. Незнакомая шхуна показалась его непривычному глазу крошечной, гораздо меньше «Каллиопы». Это был не военный корабль, скорее торговое судно.

– В названии что-то про Иону! – прокричал Тафнелл.

Шарп сдвинул трубу влево и увидел обвисший флаг, напоминавший полосатое знамя Ост-Индской компании. Тут порыв ветра раздул полотнище, и стали видны звезды. Флаг оказался американским.

На палубу вышел майор Далтон и встал рядом с Шарпом, который учтиво предложил шотландцу подзорную трубу.

– Везет порох и ядра на Маврикий, – заметил майор, взглядевшись в шхуну.

– Как вы узнали, сэр?

– Все они этим промышляют. Ни один французский корабль не осмеливается показаться в этих водах, вот американцы и снабжают Маврикий оружием. И им еще хватает наглости называть себя нейтральной страной! Заботятся только о том, как бы набить кошелек. Великолепная труба, Шарп!

– Это подарок, майор.

– Весьма щедрый, должен заметить. – Далтон вернул трубу и нахмурился. – Паршиво выглядите, Шарп.

– Плохо спал, майор.

– Надеюсь, вы не больны. У леди Грейс тоже осунувшийся вид. Только бы не лихорадка! Когда я был ребенком, в Лейт пришла бригантина, на борту которой в живых остались лишь трое матросов! Бедняги, они так и не смогли пристать к берегу. Бросили якорь и отдали богу души прямо на рейде.

Американцы, не опасаясь корабля Ост-Индской компании, подплыли ближе. На воду спустили две шлюпки. Американское судно составляло половину длины «Каллиопы», а на верхней палубе громоздились баркасы – в них команда охотилась на китов.

– Завезут груз на Маврикий, – заключил майор, – потом повернут в южные моря.

Американские матросы помахали пассажирам «Каллиопы», затем шхуна развернулась, и Шарп увидел на борту имя китобойного судна, написанное синей и золотой краской.

– «Гроб Ионы из Нантакета», – вслух прочел майор. – Что за имечко!

– Вроде Пекьюлиа Кромвеля?

– А ведь верно! – рассмеялся Далтон. – Не могу представить, чтобы наш капитан написал на борту свое имя! Кстати, Шарп, сегодня к ужину я жертвую маринованный язык.

– Вы очень щедры, сэр.

– Должен же я отблагодарить вас за помощь! – Майор Далтон имел в виду долгие беседы о войне с маратхами. – Поэтому сегодня вы будете моим гостем. Капитан согласился накрыть стол на шканцах! – с довольным видом воскликнул майор, словно на свежем воздухе обычный обед обещал стать настоящим пиршеством.

– Мне не хочется быть навязчивым, майор.

– Вовсе нет! Я жертвую еще и вино – поможете нам распить его. Только придется вам облачиться в мундир, Шарп. Возможно, ужин окажется не слишком роскошным, но Пекьюлиа настаивает, чтобы на шканцах все были одеты подобающим образом.

До ужина оставался час, и Шарп спустился к себе, чтобы почистить алый мундир. К своему удивлению, на его дорожном сундуке восседал Малахия Брейсуэйт. С каждым днем плавания секретарь становился все мрачнее. Вот и сейчас он недобро покосился на Шарпа.

– Заблудились, Брейсуэйт? – резко бросил Шарп.

– Я хотел поговорить с вами, Шарп. – Секретарь старательно прятал глаза.

– Вы могли найти меня на палубе, – сказал Шарп. Брейсуэйт молча смотрел, как Шарп разложил мундир на краю койки и принялся энергично орудовать щеткой. – Ну? – не выдержал Шарп.

Брейсуэйт нервно теребил нитку, свисавшую с рукава поношенного сюртука. Наконец он собрался с мужеством, открыл рот и снова закрыл его. Шарп продолжал чистить мундир. Наконец секретарь обрел голос.

– По ночам вы развлекаетесь здесь с женщиной! – выпалил он.

Шарп рассмеялся:

– И что с того? В Оксфорде вас не научили обращению с женщинами?

– Я знаю эту женщину, – прошипел Брейсуэйт.

Шарп положил щетку на бочонок с араком и обернулся к секретарю:

– Хотите что-то сказать, так не тяните, черт вас подери!

Секретарь покраснел и нервно забарабанил пальцами по крышке сундука:

– Я все знаю, Шарп.

– Черта с два! Ничего вы не знаете, Брейсуэйт.

– Если я исполню свой долг и расскажу обо всем его светлости, ваша армейская карьера будет разрушена! – выпалил Брейсуэйт со злобой, точившей его изнутри, словно червь.

На лице Шарпа ничего не отразилось, но в душе он содрогнулся. Брейсуэйту удалось застукать их! Леди Грейс была с Шарпом в его жалкой каморке две ночи подряд. Она приходила после того, как стемнеет, и уходила до рассвета. Шарп был уверен, что об их встречах никому не известно. Выходит, они ошибались. Брейсуэйт, сходящий с ума от ревности, видел и слышал их. Шарп снова взял в руки щетку.

– Это все, что вы имеете мне сказать?

– Я и ее жизнь разрушу, – прошипел секретарь и со злобой уставился на Шарпа, который отбросил щетку и резко обернулся к нему. – И еще мне известно, что вы отдали свои драгоценности капитану! – поспешно протараторил Брейсуэйт, подняв обе руки, словно защищаясь.

– Как вы узнали?

– Все знают. Мы на корабле, Шарп! Пошли толки.

Шарп заглянул в бегающие глазки секретаря.

– Продолжайте, – мягко промолвил он.

– Мое молчание можно купить, – поспешно добавил Брейсуэйт.

Шарп медлил, словно прикидывая, во что ему обойдется молчание секретаря.

– Я скажу вам, Брейсуэйт, как дорого ценю ваше молчание, хотя до сих пор не возьму в толк, о чем вы говорите. Оксфорд высушил ваши мозги, но допустим, всего на миг, что я понял вас.

Брейсуэйт осторожно кивнул.

– Как вы уже заметили, мы на корабле, Брейсуэйт, – Шарп уселся рядом с долговязым секретарем, – и здесь вам просто некуда от меня спрятаться. Поэтому, Брейсуэйт, если ты откроешь свою мерзкую пасть, я убью тебя!

– Не понимаю, что вы от меня...

– Все ты понимаешь, – перебил Шарп, – а потому заткнись и слушай. Доводилось ли вам, Брейсуэйт, слышать об индийских джетти? Они раздавливают головы своим жертвам, словно цыплятам. – Шарп положил руку на затылок Брейсуэйта и легонько сжал. – Сжимают и сжимают, пока жертва не испустит дух...

– Нет! – вскрикнул секретарь. Он схватил Шарпа за руку, но так и не смог оторвать ее от своего затылка.

– А когда глаза жертвы вылезут из орбит, раздастся треск...

– Нет! – От ужаса и нехватки воздуха Брейсуэйт захрипел.

– Впрочем, больше это похоже не на треск, – продолжал Шарп дружеским тоном, – а на скрип. Интересно, у меня получится? Мне не впервой убивать, Брейсуэйт. Я убивал врагов саблей, ножом и даже голыми руками. Я убил столько, что вам не приснится и в кошмаре. Однако мне еще не доводилось ломать никому шею. Почему бы не начать с вас? Если кто-нибудь осмелится навредить мне или известной мне даме, я сверну ему шею, Брейсуэйт. Для меня это так же легко, как откупорить бутылку вина. А вот вам будет больно, очень больно! – Шарп резко дернул рукой. – Ты и не представляешь, как будет больно, если я услышу от тебя хоть словечко! Твоя жизнь не стоит теперь и ломаного гроша, Брейсуэйт! – Шарп в последний раз сжал затылок секретаря и отпустил руку.

Малахия Брейсуэйт судорожно дышал. Он затравленно посмотрел на Шарпа, затем сделал попытку встать, но Шарп толкнул его обратно на сундук.

– Вы должны дать мне обещание, Брейсуэйт, – промолвил Шарп.

– Все, что хотите! – Секретарь утратил последние крохи мужества.

– Вы ничего никому не расскажете. А если обманете, я тут же узнаю об этом, и тогда, Брейсуэйт, я отыщу вас и сверну вашу костлявую цыплячью шейку!

– Я никому ничего не скажу!

– Вероятно, оттого, что ваши обвинения лживы?

– Да-да, лживы, – с жаром подтвердил Брейсуэйт.

– Вам все это приснилось, Брейсуэйт.

– Да-да, приснилось.

– Ступайте. И помните, я убийца, Брейсуэйт. Когда в своем хваленном Оксфорде вы учились на болвана, я учился убивать. И поверьте, эту науку я схватывал на лету.

Брейсуэйт бежал, а Шарп остался сидеть на сундуке. Вот черт, думал он, черт, черт, черт! Ему удалось запугать секретаря до полусмерти, но и сам Шарп был изрядно напуган. Кто еще знает о его тайне, кроме Брейсуэйта? Шарп не беспокоился о себе – его тревожила судьба леди Грейс. Репутация ее светлости висела на волоске.

– Ты играешь с огнем, чертов болван, – сказал Шарп сам себе, вздохнул и снова взялся за щетку.

Полман удивился, увидев Шарпа среди приглашенных на ужин. Ганноверец радостно приветствовал его и велел стюарду вынести на шканцы еще одно кресло. Трехногий стол был установлен перед штурвалом «Каллиопа» и накрыт белой скатертью.

– Я и сам собирался пригласить вас, – сказал Полман Шарпу, – но с этим американским китобоем все вылетело из головы.

Капитан отсутствовал, поэтому во главе стола уселся лорд Уильям. Его светлость радушно предложил барону место рядом с собой:

– Как вам известно, дорогой барон, я составляю записку о будущем британской политики в Индии, поэтому мне хотелось бы услышать ваши соображения о маратхах.

– Не уверен, что смогу помочь вашей светлости, ибо совсем мало знаю маратхов, однако я в полном вашем распоряжении.

Затем, к очевидному неудовольствию лорда Уильяма, слева от него уселась Матильда и пригласила Шарпа занять кресло рядом с собой.

– Я гость майора Далтона, миледи, – попытался объяснить Шарп, но шотландец закивал, настаивая, чтобы Шарп присоединился к баронессе.

– Приятно, когда вокруг такие представительные джентльмены! – воскликнула Матильда на своем эксцентричном английском, заслужив высокомерный взгляд его светлости.

Лорд Уильям кивнул жене, чтобы та села рядом с Полманом, как раз напротив Шарпа. Блестяще играя роль, леди Грейс недовольно посмотрела на мужа. Лорд Уильям пожал плечами – увы, он бессилен избавить жену от общества этого зарвавшегося выскочки. Каких-нибудь восемь часов назад Грейс лежала в объятиях Шарпа, но сейчас никто не усомнился бы, что ее светлость презирает простого прапорщика. Адвокат Фазакерли попросил разрешения занять место рядом с леди Грейс. Она ответила очаровательной улыбкой, обрадовавшись, что теперь ей не придется весь вечер выслушивать суждения простолюдина.

– Шестьдесят девять миль, – провозгласил лейтенант Тафнелл, присоединяясь к пассажирам, – мы надеялись, будет больше, но ветер подвел.

– Моя жена, – лорд Уильям встряхнул салфетку, – утверждает, что нам следовало обогнуть Мадагаскар с другой стороны. Это так, лейтенант? – Было очевидно, что его светлость уверен в обратном.

– Леди Грейс права, милорд, – отвечал Тафнелл, – южнее африканского побережья проходит очень сильное течение, но в Мадагаскарском проливе часто штормит. Поэтому капитан выбрал другой путь, хотя, повторяю, многое будет зависеть от ветра.

– Я же говорил вам, леди Грейс, – лорд Уильям посмотрел на жену, – капитан свое дело знает.

– А я думал, что мы хотим опередить конвой, – обратился к лейтенанту Шарп.

Первый помощник пожал плечами:

– Повторяю, если повезет с ветром. Прошу вас, господа. Майор, салат из капусты? Шарп? Это блюдо называется читни или четни? Наверное, правильное будет чатни – такая индийская приправа. Немного вина, барон? Этот замечательный язык и вино пожертвовал к общему столу майор Далтон.

Гости, наблюдая, как лейтенант нарезает блюдо и передает тарелки, бормотали похвалы щедрости шотландца. Неожиданно сильная волна качнула судно, и тарелка вырвалась из рук майора – тонкие ломти языка упали на полотняную скатерть.

– *Lapsus linguae*, – многозначительно заметил Фазакерли, вызвав слабые смешки за столом.

– Хорошо сказано! – воскликнул лорд Уильям.

– Ваша светлость очень добры. – Адвокат почтительно склонил голову.

Лорд Уильям откинулся за спинку кресла.

– А вы почему не смеетесь, мистер Шарп? – ядовито поинтересовался он. – Не любите каламбуры?

– Каламбуры, милорд? – переспросил Шарп, отлично понимая, что выглядит неучем и тупицей.

– *Lapsus linguae* означает оговорку, языковую оплошность.

– Спасибо, что просветили, – раздался резкий насмешливый голос с другого конца стола. – Ничего смешного не нахожу.

Голос принадлежал Эбенезеру Файрли – богатому торговцу, который вместе с женой возвращался из Индии на родину.

Лорд Уильям посмотрел на набоба – дородного джентльмена с прямым и резким взглядом.

– Не уверен, Файрли, – произнес его светлость, – что латынь необходима в коммерции, но знание латыни обязательно для джентльмена, равно как и французский для дипломата. Если мы хотим, чтобы новый век стал веком мира и прогресса, нам нужны образованные джентльмены и дипломаты. Цель цивилизации, – тут лорд Уильям бросил презрительный взгляд на Шарпа, – усмирение варварства.

– Вы хотите сказать, что нельзя быть джентльменом, не зная латыни? – возмущенно воскликнул Файрли.

Его жена вздохнула, не одобряя того, что муж решил ввязаться в спор с аристократом.

– Джентльмен должен стремиться к совершенству. А офицер, – лорд Уильям не смотрел на Шарпа, но все за столом понимали, кого он имеет в виду, – просто обязан быть джентльменом.

Файрли изумленно покачал головой:

– По-вашему, нужно отказывать в королевском патенте тем, кто не знает латыни?

– Офицеры должны быть образованными, – упрямо возразил лорд Уильям.

Шарп уже готов был сказать что-нибудь резкое, но тут чья-то нога опустилась на его правый ботинок. Он взглянул на леди Грейс, ибо это могла быть только она, но ее светлость на него не смотрела.

– Я согласна, дорогой, – ледяным тоном промолвила леди Грейс, – необразованные офицеры позорят армию. – Ее ножка скользнула к Шарповой лодыжке.

Лорд Уильям, не привыкший к поддержке жены, бросил на нее удивленный взгляд и благодарно улыбнулся.

– Если мы хотим, чтобы армия не превратилась в сборище черни, – провозгласил он, – ее должны возглавлять образованные люди.

Эбенезер Файрли поморщился:

– Когда Наполеон вторгнется в Британию, милорд, никто и не вспомнит, владеют ли офицеры латынью, греческим, английским или говорят на каком-нибудь варварском наречии! Лишь бы они знали свое дело!

Нога леди Грейс еще крепче прижалась к лодыжке Шарпа.

Лорд Уильям фыркнул.

– Наполеон никогда не вторгнется в Британию, Файрли, и об этом позаботится наш флот. Императору Франции, – презрительно процедил лорд Уильям, – недолго осталось щеголять короной. Рано или поздно он совершит ошибку, и во Франции к власти придет другое правительство. За последние несколько лет мы видели республику, директорию, консульство, а теперь вот империя! Империя чего? Сыра? Чеснока? Нет, Файрли, Бонапарт долго не продержится. Он авантюрист, головорез. Он так долго стоит у власти, потому что до сих пор одерживал победы, но везению любого авантюриста когда-нибудь приходит конец. Когда он проиграет, мы будем иметь дело с серьезными людьми в Париже. Людьми, с которыми мы и заключим мир. И ждать осталось недолго.

– Надеюсь, ваша светлость правы, – с сомнением промолвил Файрли, – но пока у нашего приятеля Бонапарта вполне хватит сил, чтобы пересечь Ла-Манш!

– Французы забыли, когда в последний раз их корабли выходили в море! – продолжал настаивать лорд Уильям.

– У меня брат служит в военном флоте, – тихо заметил Тафнелл. – Он утверждает, что при сильном восточном ветре кораблям блокадной эскадры придется искать укрытия и тогда французы смогут беспрепятственно покинуть порты.

– Однако, если за последние десять лет этого не случилось, – заметил лорд Уильям, – думаю, мы и дальше можем спать спокойно.

Нога леди Грейс продолжала поглаживать лодыжку Шарпа.

– Но если Наполеон не вторгнется в Британию, – спросил Полман, – кто остановит французов?

– Я ставлю на пруссаков. Пруссаков и австрийцев, – уверенно высказался его светлость.

– Почему не на британцев?

– К чему британцам лезть в европейскую крысиную нору? Мы должны сберечь нашу армию, – он взглянул на Шарпа, – такой, какая есть, чтобы было кому защитить нашу торговлю.

– Вы считаете, мы слабее французов? – спросил Шарп.

Ножка леди Грейс предостерегающе надавила ему на лодыжку.

Лорд Уильям пожал плечами.

– Французам хватит дня, чтобы расправиться с нами, – презрительно промолвил он. – Возможно, в Индии нам и удалось одержать несколько незначительных побед, Шарп, но Европа – совсем другое дело.

Ножка ее светлости еще сильнее надавила на лодыжку Шарпа.

– В Индии нам есть чем гордиться, – возразил майор Далтон, – и я бы не стал с пренебрежением относиться к маратхам!

– У них превосходная армия! – с воодушевлением воскликнул Полман и тут же поправился: – Так мне говорили.

– Дело не в самих войсках, – раздраженно заметил лорд Уильям, – а в тех, кто их возглавляет. Боже милосердный, сэр Артур Уэлсли побил маратхов! Он ведь весьма дальний родственник вам, дорогая? – Не дожидаясь ответа жены, его светлость продолжил: – Уэлсли никогда особо не блистал, даже в школе не хватал звезд с неба.

– Вы ходили в одну школу, милорд? – заинтересовался Шарп.

– В Итон, – коротко бросил лорд Уильям. – А мой младший брат и вовсе учился с ним в одном классе. Этот Уэлсли был не слишком силен в латыни и никогда не давал себе труда по-настоящему заняться своим образованием.

– Зато он научился резать врагам глотки, – промолвил Шарп.

– Вот именно! – с жаром вступил в спор майор Далтон. – Вы же были в Аграуме! Вы видели, как он управлялся с сипаями, Шарп? Враг осыпал их градом снарядов, кавалерия сгрудилась на фланге, а ваш кузен, мэ, недрогнувшей рукой гнал этих ребят обратно в строй!

– Мы с сэром Артуром состоим в весьма дальнем родстве, – улыбнулась леди Грейс шотландцу, – но я рада, что вы о нем такого высокого мнения.

– Не только я, но и Шарп! – воскликнул майор.

На лице леди Грейс отразилось недоумение – что ей до мнения простого прапорщика? Одновременно под столом она пнула Шарпа ногой в голень – и он едва удержался от улыбки. Лорд Уильям холодно посмотрел на Шарпа:

– Вам только потому нравится Уэлсли, Шарп, что он произвел вас в офицеры.

– Он также велел высечь меня, милорд.

За столом воцарилось молчание. Только леди Грейс, которая гладила своими тонкими пальцами шрамы на его спине, знала, что Шарп был подвергнут телесному наказанию. Остальные удивленно взирали на прапорщика, словно он оказался морским чудовищем, которого сети вытащили из морских глубин.

– Вас пороли? – изумленно промолвил майор Далтон.

– Две сотни плетей, – отвечал Шарп.

– Уверен, наказание было заслуженным, – довольно заметил лорд Уильям.

– Я так не думаю, милорд.

– Перестаньте, – нахмурился его светлость. – Все так говорят. Верно, Фазакерли? Вам приходилось встречать преступника, который признался бы в своей вине?

– Никогда, милорд.

– Наверное, боль была адской, – сочувственно покачал головой лейтенант Тафнелл.

– Дисциплина! – провозгласил лорд Уильям. – Без нее вы не выиграете ни единого сражения, а телесные наказания – основа дисциплины.

– А вот французы обходятся без плеток, – тихо промолвил Шарп и поднял глаза на путаницу материи и снастей над головой, – и тем не менее вы утверждаете, что они могут в два счета расправиться с нами, милорд.

– Все дело в количестве, Шарп. Офицер должен хотя бы уметь считать.

– Я умею считать до двух сотен, – с невинным видом заметил Шарп и тут же получил сильный пинок ногой под столом.

Трапезу завершали сухофрукты, затем мужчины выпили бренди, и Шарп отправился вздремнуть в гамак, который подвесил на рангоутные деревья, что тянулись вдоль верхней палубы. Ему снились сражения. Во сне Шарпа преследовал громадный индеец с копьем. Проснулся он в поту. Солнце уже село. Шарп знал, что не увидит Грейс до наступления темноты, когда весь корабль, кроме вахтенных, уснет, только Брейсуэйт будет выглядывать и подслушивать во тьме. Что же делать с этим секретарем? Шарп решил, что не станет тревожить Грейс рассказом о стычке с Брейсуэйтом.

Он перекусил на нижней палубе и, когда стемнело, поднялся наверх. Придется ждать, пока лорд Уильям доиграет в свой вист или в нарды, примет лауданум и провалится в сон. Шарп остановился между грот-мачтой и переборкой, которая поддерживала передний край шканцев. Здесь, опасаясь лишних глаз, он обычно прятался до прихода Грейс. Когда она появлялась, Шарп брал женщину за руку и вел в теплую вонь нижней палубы. Там на его узкой койке они припадали друг к другу, словно утопающие, – с жадностью, которая удивляла их самих. Даже

от мыслей о возлюбленной у Шарпа начинала кружиться голова. Он был ослеплен, одурманен, опьянен своей страстью.

Шарп ждал. Скрипели снасти. Мачта едва заметно кренилась под порывами ветра. Вахтенный офицер мерил шагами шканцы, рулевой поворачивал штурвал, скрипел штуртрос. В вышине над ним на ветру бился флаг, борта судна вспенивали волны, а Шарп все ждал. Он вглядывался в далекие звезды, и они напоминали ему огни далекого бивуака. Словно в небе на привал расположилась громадная армия.

Шарп закрыл глаза, желая, чтобы возлюбленная поскорее пришла и чтобы это путешествие никогда не кончалось. Он мечтал о том, чтобы они вечно любили друг друга под этими звездами на корабле, который плыл бы по бесконечному морю. Шарпу хотелось забыть о том, что, когда «Каллиопа» пристанет к берегу, они расстанутся. Она отправится в дом своего мужа в Линкольншире, а Шарп – в Кент, где присоединится к новому полку.

Дверь отворилась, и появилась Грейс, закутанная в широкий плащ.

– Иди за мной, – прошептала она.

Шарп хотел спросить, что случилось, но в голосе Грейс ему почудилась тревога, поэтому он позволил ей взять себя за руку и повести наверх. Стояла непроглядная тьма – после девяти на корабле запрещалось жечь огни.

– Я видела, – прошептала Грейс, – как Полман направился в обеденную залу.

Рискуя попасться на глаза вахтенному офицеру и рулевому, они поднялись на бак, и леди Грейс показала на потолочное окно, из которого в нарушение приказа капитана лился слабый свет.

Крадучись, словно шаловливые дети, Шарп и леди Грейс приблизились. Из окна слышались голоса. Леди Грейс нагнулась, затем отклонилась назад и прошептала на ухо Шарпу:

– Они здесь.

Шарп последовал ее примеру и, наклонившись над окном, увидел внизу три склоненные над картой головы. Две принадлежали Кромвелю и Полману. Неожиданно Полман выпрямился, и Шарп отпрянул назад. Сквозь открытое окно вился дымок сигар.

– *Morgen früh*, – произнес по-немецки голос, который принадлежал не германцу Полману, а таинственному незнакомцу.

Шарп снова наклонился вперед. Теперь он узнал говорившего. Это был слуга Полмана, утверждавший, что по национальности швейцарец.

– *Morgen früh*, – повторил Полман.

– Никогда нельзя быть уверенным до конца, барон, – произнес Кромвель.

– Вы все сделали правильно, друг мой, поэтому я уверен, завтра все пойдет как по маслу, – отвечал Полман.

Раздался звон бокалов. В окне показалась рука, Шарп и леди Грейс отпрянули назад. Окно затворили, и мгновением позже Шарп услышал, как Кромвель распекает рулевого на шканцах.

– Придется подождать наверху, – прошептала леди Грейс.

Они скользнули в узкий проход между сигнальной пушкой и гакабортом и припали друг к другу в долгом поцелуе. И только спустя некоторое время Шарп спросил, что означают те слова по-немецки.

– Завтра утром, – перевела Грейс.

– Первым их произнес слуга Полмана. Разве слуги пьют вместе с господами? К тому же я слышал, как он изъяснялся по-французски, а сам клянется, что швейцарец.

– Швейцарцы, любимый, – улыбнулась леди Грейс, – говорят по-немецки и по-французски.

– Правда? – удивился Шарп. – А я-то думал, что по-швейцарски. – Она рассмеялась. Шарп упирался спиной в планшир, а Грейс сидела у его ног. – Возможно, они имели в виду, что хотят повернуть на запад? Мы плывем на юг уже четыре дня.

– Куда нам спешить, – вздохнула она. – Ах, как бы мне хотелось, чтобы это плавание никогда не закончилось! – Грейс поцеловала Шарпа в нос. – Сегодня за ужином ты был отвратительно груб с Уильямом.

– Вот уж нет! Мне пришлось держать язык за зубами, – отвечал он, – зато теперь моя голень – один сплошной синяк. – Шарп прикоснулся к ее щеке, восхищаясь тонким очерком скулы. – Хоть он и твой муж, любовь моя, но порой мелет такую чушь! Обучать офицеров латыни! Какой прок от этой латыни?

Леди Грейс пожала плечами:

– Если враг захочет убить тебя, Ричард, кого ты призовешь в защитники? Образованного джентльмена, толкующего Овидия, или неотесанного головореза размером со шкаф?

Шарп сделал вид, что размышляет над ее словами:

– Если ты так рассуждаешь, то, пожалуй, выбери-ка я этого... приятеля Овидия.

Леди Грейс рассмеялась. И снова Шарп подумал, что эта женщина рождена для радости, а не для печали.

– Я скучала по тебе, – прошептала она.

– И я по тебе, – отвечал Шарп.

Она выпростала руки из-под складок широкого черного плаща. Под плащом оказалась лишь сорочка. И до утра они позабыли про Кромвеля, Полмана и его таинственного слугу. Только серебристый диск луны освещал «Каллиопу», плывущую на юг ли, на запад? В ту ночь любовникам не было до этого никакого дела.

Капитан Пекьюлиа Кромвель, взглядываясь в подзорную трубу, беспокойно мерил шагами шканцы. Волнение капитана передалось пассажирам. Они гадали, что тревожит Кромвеля, и сошлись на том, что капитан ждет бури. Однако Кромвель не отдавал никаких приказаний – никто не убирал паруса и не проверял крепления пушек.

Эбenezер Файрли – набоб, который так горячо спорил с лордом Уильямом за ужином, – в поисках Шарпа вышел на верхнюю палубу.

– Надеюсь, мистер Шарп, вчерашние слова этого болвана не сильно вас расстроили, – пророкотал торговец.

– Вы о лорде Уильяме? Вовсе нет.

– Только слабоумный может утверждать, – с жаром продолжил Файрли, – что нельзя прожить без латыни или греческого! Что проку в латыни? Из-за таких, как он, я стыжусь называться англичанином.

– Я не чувствую себя оскорбленным, мистер Файрли.

– А его жenuшка не лучше! Обращалась с вами, как с грязью! За все время путешествия она даже ни разу не заговорила с моей благоверной.

– Она очень красива, – тихо промолвил Шарп.

– Красива? – раздраженно переспросил Файрли. – Ну, если вам по душе ее надменное обхождение! – Торговец фыркнул. – А чем еще им заниматься, как не их хваленной латынью? Они не выращивают пшеницу, не строят фабрик, не роют каналов. Их угораздило родиться знатными, Шарп, вот и вся их заслуга! Поверьте, Шарп, я не радикал – кто угодно, только не я! Однако иногда я думаю, что перед зданием парламента не мешало бы установить гильотину. Я бы нашел ей применение, уверяю вас. – Файрли глазами показал в сторону Кромвеля. – Пекьюлиа сегодня не в духе.

– Люди говорят, приближается шторм.

– Спаси бог этот корабль, – вздохнул Файрли, – и три тысячи фунтов груза в его трюме, которые принадлежат мне. Не тревожьтесь, мистер Шарп. Я не зря выбрал «Каллиопу». Быстрое и устойчивое судно, да и Пекьюлиа, несмотря на вздорный нрав, свое дело знает. В коммерции имя значит многое. Неужели они били вас плетьюми, Шарп?

– Били, сэр.

– А потом вы стали офицером? – Файрли восхищенно замотал головой. – Когда-то мне привалило богатство, Шарп, редкое богатство. Но вам никогда не разбогатеть, если вы не разбираетесь в людях. Так что если захотите работать на меня, только скажите. Я возвращаюсь домой – пора дать отдых старым костям, но коммерцию не оставил, поэтому нуждаюсь в доверенных людях. Я занимаюсь торговлей в Индии, в Китае, да и в Европе – там, где чертовы французы позволяют мне это делать. Обещать могу две вещи – вы будете работать как вол и жить как принц.

– Работать на вас, сэр? – удивился Шарп.

– Вы ведь не знаете латыни? Это большое преимущество. Уверю вас, обучиться торговому ремеслу не сложнее, чем их хваленной латыни!

– Мне нравится быть солдатом.

– Это видно. Майор Далтон рассказал мне о вас. Но когда-нибудь, Шарп, тупица вроде лорда Уильяма Хейла от страха перед французами заключит с ними мир, и тогда армия вышвырнет вас, словно долгоносика из засохшей галеты. Держите. – Торговец протянул Шарпу кусочек картона. – Моя жена называет это а *carte de visite*. Найдете меня, если понадобится работа. – На карточке был написан адрес Файрли – Паллисер-холл. – Я вырос рядом с этим домом, – сказал Файрли, – мой отец голыми руками чистил там сточные канавы, а я выкинул его лордство из семейного гнезда. – Торговец улыбнулся, довольный собой. – Никакого шторма не будет. Пекьюлиа просто покусали блохи. Впрочем, так ему и надо.

– Так и надо?

– Мне не нравится, что мы потеряли конвой, Шарп, но здесь мое слово не имеет веса. Если вы купили собаку, Шарп, вам незачем лаять самому. – Торговец вытащил из кармана часы и щелкнул крышкой. – Скоро обед. Остатки языка, не иначе.

После полудня ничего не изменилось. На палубе появился Полман и отправился на поиски Кромвеля. Спустя несколько минут в сопровождении служанки на палубу вышла леди Грейс. Ветер крепчал, и «Каллиопу» снова качало на волнах. Страдающие морской болезнью пассажиры цеплялись за перила с подветренной стороны. К Шарпу приблизился лейтенант Тафнелл. Никакого шторма не будет, утверждал первый помощник, барометр в капитанской каюте показывает на «ясно».

– Попутный ветер, господа, – объявил лейтенант пассажирам на верхней палубе.

– Значит, сегодня мы повернем к западу? – спросил Шарп.

– Скорее всего, завтра, – отвечал Тафнелл, – и не к западу, а к юго-западу. Наша авантюра не принесла успеха, поэтому, похоже, придется идти Мадагаскарским проливом. Впрочем, «Каллиопа» – судно быстроходное, поэтому мы наверстаем свое в Атлантике.

– Впереди паруса! – раздался крик с мачты. – Паруса по левому борту!

Кромвель гаркнул в рупор:

– Какие паруса?

– Марсели, сэр, больше пока ничего не видать!

Тафнелл нахмурился:

– Марсели означают европейское судно. Или еще один американский китобой? – Лейтенант поднял глаза на Кромвеля. – Поднять паруса, сэр?

– Терпение, мистер Тафнелл, терпение.

– Зачем поднимать паруса? – спросил Шарп.

– Мы могли бы уплыть, не выясняя, чьи это марсели. Невелика беда, если это снова американцы, но с французами нам связываться не резон.

– А если «Ревенан»?

– Не произносите этого имени. – Тафнелл постучал по дереву перил. – Впрочем, если мы поднимем паруса прямо сейчас, то сможем оторваться от него. Кем бы он ни был, он идет против ветра.

Матрос с мачты снова подал голос:

– Французский корабль, сэр!

– Откуда ты знаешь? – рявкнул Кромвель.

– По крою паруса!

– Сэр? – снова воззвал к капитану Тафнелл.

– «Пуссель» тоже французский корабль, мистер Тафнелл, – огрызнулся Кромвель. – Скорее всего, это именно он. Мы должны подождать.

– Поднять порох на палубу, сэр? – спросил Тафнелл.

Кромвель задумался:

– Возможно, это всего лишь очередной китобой, мистер Тафнелл. Давайте не будем спешить.

Забыв об обеде, Шарп, прихватив подзорную трубу, устремился на нос судна. Самого корабля еще не было видно, но на горизонте уже показались паруса. Шарп одолжил подзорную трубу матросам, которые взобрались на мачту, и вскоре оттуда послышались их недовольные возгласы.

– Это не «Пуссель»! У него на переднем марселе грязное пятно! – крикнул один из матросов.

– Могли бы и почистить паруса, – согласился его товарищ. – Капитан Чейз не из тех, кто позволит поднять грязные.

– Если это не «Пуссель», – продолжил первый матрос, – значит «Ревенан». Пора уносить ноги! Чего мы ждем?

Тафнелл сам взобрался на грот-мачту с подзорной трубой.

– Французский военный корабль, сэр! – проорал он капитану. – Черные бугели на мачтах!

– У «Пуссели» тоже черные! – проорал в ответ Кромвель. – Флаг видите?

– Нет, сэр!

После недолгого размышления Кромвель отдал приказ рулевому, и «Каллиопа» неуклюже повернула к западу. Матросы бросились на реи.

– Он поворачивает вместе с нами, сэр! – раздался крик Тафнелла.

Теперь «Каллиопа» прибавила ходу, нос корабля нырял в волны, скрипели деревянные снасти. Пассажиры замерли. В подзорную трубу Шарп видел, как над горизонтом показался корпус корабля, разрисованный, словно брюшко осы, черными и желтыми полосами.

– Французские цвета, сэр! – снова прокричал Тафнелл.

– Чертов Пекьюлиа опоздал, – сплюнул матрос рядом с Шарпом. – Решил, что умеет ходить по водам.

Шарп повернулся и через палубу посмотрел на Пекьюлиа Кромвеля. *Morgen früh*, размышлял Шарп, *morgen früh*, вот только рандеву запоздало. Неужели Пекьюлиа действительно знал? Шарп взглянул на Полмана, который с бокалом в руке смотрел вдаль. Некогда Полман командовал французскими офицерами. Сохранил ли он былые связи после Ассайе? Нет, невозможно! Леди Грейс поймала взгляд Шарпа, затем значительно посмотрела на Кромвеля. Шарп знал, о чем она думает.

– Мы будем сражаться? – спросил кто-то из пассажиров.

Матрос рассмеялся:

– Сражаться с французским семидесятичетырехпушечным линкором? Их орудия не чета нашим восемнадцатифунтовым!

– Сможем мы уйти от него? – спросил Шарп.

– Если повезет, – отвечал матрос.

Кромвель отдавал приказы рулевому, то веля повернуть на румб к ветру, то на три румба против. Со стороны казалось, что капитан пытается использовать последнюю возможность оторваться от неизвестного преследователя, но матросы не скрывали досады.

– С каждым поворотом скорость только уменьшается! Уж лучше бы он оставил все как есть. – Матрос заглянул Шарпу в глаза. – На вашем месте я бы припрятал эту трубу, сэр, а то, не ровен час, какой-нибудь французиска захочет присвоить ее себе.

Шарп спустился вниз. Нужно забрать драгоценности у капитана, но прежде позаботиться об остальных вещах. Шарп завернул драгоценную трубу в рубашку и перемотал ее перевязью, затем натянул красный мундир, пристегнул португую и засунул пистолет в карман панталон. Пассажиры прятали ценные вещи, дети плакали, и тут Шарп услышал приглушенный расстоянием залп.

Он бросился на верхнюю палубу и обратился к капитану за разрешением ступить на шканцы. Кромвель кивнул и с изумлением уставился на саблю:

– Готовитесь к драке, мистер Шарп?

– Могу я получить обратно мои драгоценности, капитан? – спросил Шарп.

Кромвель нахмурился:

– Всеу свое время, Шарп, всеу свое время. Вы мешаете мне спасти корабль.

Шарп отступил к перилам. Французский корабль по-прежнему маячил в отдалении, но тут Шарп заметил облачко порохового дыма.

– Они стреляют, – майор Далтон со старинным палашом горцев на поясе встал рядом с Шарпом у перил, – но ядра до нас еще не долетают. Тафнелл утверждает, что они и не пытаются попасть, а хотят напугать.

С другой стороны к перилам подошел Эбenezер Файрли.

– Я же говорил, не нужно нам было отрываться от конвоя! – раздраженно фыркнул он.

– Что боевому кораблю конвой? – Майор Далтон рассматривал громадный бок французского фрегата, утыканный орудийными портами.

– Вот тут бы и пригодился фрегат Компании, – сказал Файрли. Он нервно забарабанил пальцами по перилам. – Однако как он быстр!

– «Каллиопа» ничуть не медленнее, – заметил майор Далтон.

– Он больше, – резко ответил торговец, – а большой корабль всегда быстрее маленького. – Файрли обернулся. – Капитан!

– Я занят, Файрли, занят. – Кромвель даже не посмотрел на торговца.

– Вы сможете от него оторваться?

– Если меня оставят в покое, попробую.

– А что с моими деньгами? – воскликнул лорд Уильям, который присоединился к жене на шканцах.

– Французы, – провозгласил Кромвель, – не воюют с частными лицами. Корабль и груз могут быть захвачены, но наши враги уважают частную собственность. Если позволит время, я отопру каюту, милорд. А сейчас, джентльмены, перестаньте орать и позвольте мне заняться своим делом!

Шарп посмотрел на леди Грейс, но она не сводила глаз с французского линкора. Файрли раздраженно барабанил пальцами по перилам.

– Чертовы французы сорвут неплохой куш, – с горечью заметил торговец. – Судно вместе с грузом стоит тысяч шестьдесят фунтов. Шестьдесят! А возможно, и больше.

Двадцать – французам, рассуждал Шарп, двадцать – Полману, столько же – Кромвелю. Капитану, который с таким жаром утверждал, что война проиграна. Он вспомнил слова Кромвеля о том, что благоразумные люди должны набивать карманы, пока французы не стали хозяевами мира. Двадцать тысяч фунтов – серьезная сумма, хватит, чтобы безбедно дожить до старости.

– Им ведь еще нужно захватить нас и доставить корабль вместе с грузом во Францию, – возразил Шарп.

Файрли покачал головой:

– Все не так сложно, мистер Шарп. Они доставят нас на Маврикий, и, уверяю вас, там найдутся желающие купить груз по дешевке. Сам корабль они вряд ли продадут. Скоро «Каллиопа» будут звать «Джордж Вашингтон» из какого-нибудь Бостона. – Торговец сплюнул за борт.

– А что будет с пассажирами? – спросил Шарп.

– Отправят нас по домам, – отвечал Файрли. – Про вас с майором сказать ничего не могу. Французы вполне могут засадить вас в тюрьму.

– Они не станут нас трогать, – возразил майор Далтон. – Будем гулять на свободе где-нибудь в Порт-Луисе. Говорят, неплохое местечко. А такому мужественному герою, как вы, Шарп, юные красотки просто не будут давать проходу.

«Ревенан» выпустил еще один залп. Шарп увидел над носом француза исполинское облако порохового дыма и спустя несколько секунд услышал дальний грохот. Фонтан водяных брызг поднялся в полумиле от «Каллиопы».

– Ближко, – буркнул майор.

– Какого черта мы не стреляем? – проворчал Файрли.

– Он слишком велик для нас, – печально промолвил шотландец.

Два корабля шли параллельными курсами, и пока «Каллиопа» обгоняла, но постоянные смены курса замедляли ее ход.

– Несколько точных попаданий в снасти могли бы остановить французов, – сказал Файрли.

– Что толку? Никто даже не озаботился выкатить пушки, – с горечью заметил майор.

– Так какого черта он медлит? – со злостью воскликнул Файрли. – Неужели мы так ничего и не предпримем?

«Ревенан» снова дал залп, снаряд пролетел над водой, словно камень, брошенный вдоль пруда, и упал в четверти мили от «Каллиопы».

– Становится горячо, – сказал Далтон. – Еще пара минут, и он начнет палить прямо по нам.

Леди Грейс пересекла палубу и встала между Далтоном и Шарпом.

– Майор, – громко спросила ее светлость, намеренно не замечая Шарпа, – как вы думаете, они захватят нас?

– Надеюсь, что нет, мэм, – ответил Далтон, снимая шляпу.

– Мы не станем обороняться? – снова спросила она.

– Мы не можем, – отвечал шотландец.

Шарп ощутил прикосновение ее пальцев к своему бедру. Он уронил руку, и тайком от остальных Грейс изо всех сил сжала ее.

– Как вы считаете, майор, французы будут обращаться с нами учтиво?

– Разумеется, миледи, – отвечал Далтон, – а если нет, то на борту есть джентльмены, которые смогут постоять за вас.

Леди Грейс понизила голос до едва слышного шепота и до боли сжала пальцы Шарпа.

– Ты защитишь меня, Ричард, – пробормотала она и вернулась к мужу.

Майор Далтон, желая успокоить ее светлость, последовал за ней, а Эбенезер Файрли ухмыльнулся:

– Вот оно, значит, как, а?

– О чем вы? – спросил Шарп, не глядя на торговца.

– Хороший слух – это у нас семейное. Да и зрение неплохое. Вы с ней...

– Мистер Файрли... – начал Шарп.

– Не глупи, парень. Я никому ничего не скажу. А ты хитер! Да и она не промах. Ну, дай вам бог. Выходит, ее светлость не такая горячка, как кажется? – Тут Кромвель отдал команду снова повернуть штурвал, и Файрли сердито прокричал капитану: – Кромвель! Зачем без толку крутить штурвал?

– Я был бы признателен вам, мистер Файрли, – спокойно промолвил капитан, – если бы вы спустились вниз. Это мои шканцы.

– А добрая часть груза в трюмах принадлежит мне!

– Если вы не уберетесь отсюда, Файрли, я попрошу боцмана проводить вас вниз!

– Ваша наглость переходит все границы! – прорычал Файрли, однако подчинился.

«Ревенан» дал еще один залп, и на сей раз снаряд приземлился в нескольких ярдах от кормового подзора «Каллиопы», обрызгав позолоченную корму. Увидев фонтан брызг над гака-бортом и, вероятно, оценив опасность, Кромвель скомандовал:

– Опускайте флаг, мистер Тафнелл.

– Но, сэр...

– Опускайте флаг! – проревел Кромвель и гаркнул рулевому: – Держи против ветра! – Трепещущий флаг опустился вниз, и «Каллиопа» развернулась к ветру носом. Громадные паруса забили о мачты и реи, словно крылья. – Свернуть паруса! – проорал Кромвель. – Живо!

Брошенный штурвал крутился взад и вперед, водяные брызги бились о борт. Кромвель сердито посмотрел на пассажиров.

– Я приношу свои извинения, – проворчал он тоном, в котором не было раскаяния.

– Отдайте мои деньги, – потребовал лорд Уильям.

– Они хранятся в безопасном месте! – резко оборвал его капитан. – А мне есть чем заняться до того, как сюда заявятся французы. – И Кромвель гордо удалился со шканцев.

«Ревенану» потребовалось несколько минут, чтобы сблизиться с «Каллиопой». Французы спустили на воду шлюпку. У перил французского линкора, прицениваясь к богатому улову, сгрудились матросы. Все моряки мечтали захватить кусок пожирнее, а судно Ост-Индской компании с набитыми трюмами было завидной добычей. И все-таки Шарп сомневался, что без помощи извне французам удалось бы так легко заполучить «Каллиопу». Корабль просто достался им даром. Шарп не мог доказать этого, но был уверен, что прав. Чтобы подтвердить свои подозрения, он повернулся к Полману, который, поймав его взгляд, покаянно пожал плечами.

Ублюдок, подумал Шарп, подлый ублюдок. Впрочем, сейчас Шарп не должен думать о мести. У него найдутся дела поважнее. Он должен быть рядом с Грейс и не спускать глаз с Брейсуэйта, и главное, он снова должен выжить. Свершилось предательство, и Шарп не уснет спокойно, пока не отомстит.

Глава пятая

Шарп кинулся в каюту Кромвеля. Дверь стояла нараспашку, но капитана внутри не было. Шарп попытался поднять крышку сундука, но тот оказался заперт. Тогда Шарп вернулся на шканцы, но Кромвеля не оказалось и там, а первая из длинных французских шлюпок уже швартовалась к борту «Каллиопы».

Шарп вернулся в капитанскую каюту, где обнаружил лорда Уильяма, который в нерешительности мялся у сундука. Превозмогая себя, лорд Уильям обратился к Шарпу:

– Вы видели Кромвеля?

– Нет, – коротко бросил Шарп и направился к сундуку.

Массивный замок выдавал индийскую работу. Обычно такие замки открывались без труда, если только за туземным фасадом не скрывалось хитроумное европейское устройство. Шарп порылся в кармане, вытащил изогнутую проволоку и вставил в щель.

– Что это? – спросил лорд Уильям.

– Отмычка, – ответил Шарп. – Всегда ношу ее с собой. Когда-то с помощью отмычки я зарабатывал себе на жизнь.

Лорд Уильям фыркнул.

– Хвастать тут нечем, Шарп. – Ответа его светлость не дождался. – Может быть, стоит спросить капитана? – не выдержал лорд Уильям.

– У него мои драгоценности, – сказал Шарп, не переставая ковырять отмычкой в замке. – А чертовы лягушатники скоро будут на борту. Ну же, шевелись, неуклюжий ублюдок! – Последняя фраза относилась к замку, а не к его светлости.

– Там должен быть кошелек с наличными, Шарп, – сказал лорд Уильям. – Довольно большой, чтобы хранить в каюте, поэтому я и отдал его Кромвелю... – Лорд Уильям запнулся, решив, что и так сказал слишком много. Замок тихо клацнул. Шарп, придерживая острием карманного ножа первый рычаг, трудился над вторым. – Говорите, отдали драгоценности Кромвелю? – Казалось, лорд Уильям не может поверить, откуда у Шарпа взялись драгоценности.

– Отдал, – отвечал Шарп, – безмозглый я идиот! – Лязгнул второй рычаг, и Шарп откинул тяжелую крышку.

В нос ударила тяжелая вонь давно не стиранной одежды. Шарп сморщился и отшвырнул в сторону грязный плащ, рубашки и исподнее. Кромвель приберегал белье для прачечной на берегу. Наконец Шарп добрался до дна. Ничего. Ни бриллиантов, ни рубинов, ни изумрудов. Ни намек на кошелек с наличными.

– Чертов ублюдок! – выругался Шарп и, не церемонясь, отпихнул лорда Уильяма и выскочил на палубу.

Он опоздал. Капитан уже приветствовал на борту французского капитана в сияющем синем с золотом мундире, красном жилете, синих панталонах и белых чулках. Француз снял треуголку.

– Вы сдаетесь? – спросил он у Кромвеля на хорошем английском.

– Разве у меня есть выбор? – фыркнул Кромвель, покосившись на «Ревенан» – четыре открытых оружейных порта угрожающе зияли в борту французского фрегата. – Ваше имя?

– Капитан Монморан. – Француз поклонился. – Луи Монморан, спешу засвидетельствовать вам свое почтение, мсье.

– Кромвель, – буркнул капитан.

Тот самый Луи Монморан, о котором восторженно отзывался Чейз, тем временем отдавал матросам приказ занять шкафут. Затем француз снова обернулся к Кромвелю.

– Вы даете слово, капитан, что ни вы, ни ваши офицеры не станут препятствовать моим людям? – Монморан дождался угрюмого кивка Кромвеля и с улыбкой продолжил: – В таком случае матросы должны собраться на корме, а вы, ваши офицеры и пассажиры – вернуться в каюты. – Закончив беседу с Кромвелем, француз поднялся на шканцы. – Прошу прощения за причиненные неудобства, дамы и господа, – учтиво промолвил он. – А вы, джентльмены, – капитан обратился к Шарпу и Далтону, облаченным в военные мундиры, – британские офицеры?

– Майор Далтон, – выступил шотландец вперед. – А это мой сослуживец, мистер Шарп. Далтон хотел отдать капитану свой палаш, но Монморан покачал головой:

– Даете слово подчиняться моим приказам, майор?

– Даю, – отвечал Далтон.

– Тогда можете оставить оружие при себе. – Галантный Монморан широко улыбнулся, а трое французских матросов не спускали Далтона с прицела мушкетов.

Шотландец отступил назад.

– Держитесь меня, Шарп, – прошептал он.

Заметив леди Грейс, капитан отвесил низкий церемонный поклон.

– Прошу прощения, мэм, что пришлось вас побеспокоить. – Ее светлость не ответила, но ее муж с живостью обратился к Монморану по-французски. Капитана явно позабавили слова лорда Уильяма. – Никто не пострадает, – возвысил голос Монморан, – если вы будете вести себя разумно и выполнять мои приказания. А теперь, дамы и господа, прошу вас вернуться в каюты.

– Капитан! – воскликнул Шарп. Монморан обернулся. – Мне нужен Кромвель! – Шарп кинулся к шканцам.

Кромвель напрягся, но французский матрос преградил Шарпу дорогу.

– В каюту, мсье, – настойчиво повторил Монморан.

– Кромвель! – Шарп попытался оттолкнуть француза, но в грудь ему уперся еще один штык.

На шканцах появились Полман, Матильда и слуга-швейцарец, который снял скромный серый сюртук и повесил на пояс шпагу, как полагается джентльмену. Бывший слуга приветствовал капитана «Ревенана» на хорошем французском, и Монморан отвесил ему низкий поклон. Больше Шарп ничего не увидел, потому что французские матросы оттеснили пассажиров вниз. Шарп неохотно последовал за Далтоном. Каюта майора оказалась в два раза больше Шарповой каюточки, а стенами служили не куски полотна, а деревянные переборки. Каюта была меблирована кроватью, бюро, сундуком и креслом. Далтон жестом пригласил Шарпа присесть на кровать, повесил палаш на дверь, затем откупорил бутылку.

– Французский бренди, – грустно заметил шотландец, – отметить победу французов. – Он налил два стакана. – Вам тут будет удобнее, чем в трюме, Шарп.

– Вы очень добры, сэр.

– Да и сказать по правде, – продолжил майор, – я рад скоротать время в компании. Боюсь, несколько часов нам придется поскучать.

– Скорее всего.

– Они даже не стали запирать нас! – Шотландец протянул Шарпу стакан, затем посмотрел в иллюминатор. – А лодки все прибывают. Что за рожи! Не знаю, что думаете по этому поводу вы, Шарп, но мне показалось, Кромвель не слишком стремился улизнуть от французов. Разумеется, я не матрос, но Тафнелл уверяет, что капитан мог поднять дополнительные паруса. Кажется, он упоминал небоскребы и лисели.

– Пекьюлиа и не пытался, сэр, – угрюмо вздохнул Шарп.

Он уже не сомневался, что свидание с «Ревенаном» вышло не случайным, что Кромвель оставил конвой намеренно и французский линкор дожидался «Каллиопу» посреди океана. Слабые потуги Кромвеля спасти корабль должны были замаскировать то, что «Каллиопу» давно уже продали французам со всеми потрохами.

– Сложно судить, мы ведь не моряки, – пожал плечами шотландец и нахмурился, услышав шаги над головой. Французы орудовали в каюте Полмана. Что-то тяжелое со скрежетом тащили по полу. – Грабят корабль, – вздохнул майор. – Бог знает когда они освободят нас, а я так надеялся вернуться домой к осени!

– Должно быть, в Эдинбурге в эту пору холодно, – заметил Шарп.

Далтон улыбнулся:

– Я уже успел забыть, что такое холод. А вы откуда родом, Шарп?

Шарп пожал плечами:

– Я жил в Лондоне и Йоркшире, сэр, но у меня никогда не было настоящего дома. Армия стала мне домом.

– Не такой уж плохой дом, Шарп. Можно сказать, вам повезло.

От бренди у Шарпа закружилась голова, и он отказался от второго стакана. Зловещий молчаливый корабль качался на волнах. Шарп протиснулся в иллюминатор и увидел, что французы переправляют на «Ревенан» рангоутные деревья «Каллиопы». Их товарищи катили по палубе бочки с вином, водой и провиантом. Французский военный корабль был в два раза длиннее «Каллиопы» и гораздо выше. Даже закрытые орудийные порты выглядели устрашающе. Ниже ватерлинии блестела медь – наверняка днище недавно очищали от водорослей и ракушек.

В узком коридоре послышались шаги, затем раздался стук.

– Войдите! – крикнул майор, решив, что это кто-то из пассажиров, но за дверью оказался капитан Луи Монморан.

Высокий француз пригнулся под низкой притолокой. За ним следовал еще один верзила в военном мундире. Каюта словно уменьшилась в размерах.

– Вы старший английский офицер на борту? – спросил капитан у Далтона.

– Шотландский, с вашего позволения, – поправил майор.

– *Pardonnez-moi*. – Казалось, ответ шотландца позабавил Монморана. – Позвольте представить вам лейтенанта Берси. – Капитан жестом показал на громадного детину, который маячил в дверях. – Лейтенант отведет корабль на Маврикий.

На испещренном оспинами и шрамами грубом лице Берси трудно было что-нибудь прочесть. Правую щеку француза украшал пороховой ожог, сальные патлы свисали на воротник, а мундир был заляпан чем-то весьма напоминавшим пятна засохшей крови. Ладони лейтенанта были черны от просмоленных снастей, а на перевязи по бокам болтались абордажная сабля и длинноствольный пистолет. Монморан что-то сказал Берси по-французски, затем обратился к Далтону:

– Я предупредил его, майор, что по всем вопросам, связанным с пассажирами, лейтенант должен советоваться с вами.

– *Merci, capitaine*, – поблагодарил Далтон и взглянул на Берси. – *Parlez-vous anglais?*

Несколько мгновений Берси тупо смотрел на шотландца.

– *Non*, – буркнул он наконец.

– Но я надеюсь, вы говорите по-французски? – спросил Монморан Далтона.

– Вполне сносно, – подтвердил майор.

– Вот и прекрасно. Если не будете перечить лейтенанту Берси, мсье, никому из пассажиров не причинят вреда. Вы можете находиться где угодно, кроме палубы. У каждого люка я поставлю вооруженного матроса, которому велено стрелять, если его приказа ослушаются. – Монморан улыбнулся. – До Маврикия три-четыре дня плавания. Возможно, больше, если ветер не улучшится. В заключение, мсье, позвольте мне еще раз выразить сожаление за причиненные неудобства. *C'est la guerre*².

Когда Монморан и Берси ушли, Далтон покачал головой:

– Плохи наши дела, Шарп.

Шум наверху прекратился, и Шарп поднял глаза к потолку:

– Не провести ли нам рекогносцировку, сэр?

– Надеюсь, вы не на палубу собрались? Боже милостивый, Шарп, они ведь могут пристрелить нас. Какое варварство!

² Что вы хотите, война (фр.).

Шарп не ответил. Он вышел в коридор и поднялся по узким ступеням, ведущим в кормовую рубку. Далтон следовал за ним. Дверь в обеденную залу была распахнута, и посреди пустой комнаты Шарп обнаружил безутешного лейтенанта Тафнелла. Кресла, занавески из вошеного ситца и люстра исчезли. Тяжелый стол был прибит к полу, – очевидно, в спешке французы просто не захотели с ним возиться.

– Мебель принадлежала капитану, – вздохнул Тафнелл.

– Что еще украли? – спросил Далтон.

– Лично у меня ничего, – отвечал Тафнелл, – но французы забрали тросы и рангоутные деревья да еще провиант. Груз не тронули. Вот увидите, они продадут его на Маврикии.

Шарп вернулся в коридор. Дверь в каюту Полмана была не заперта. Внутри, в подтверждение догадок Шарпа, оказалось пусто. Исчезли два обтянутых шелком дивана, арфа Матильды и низкий столик. Остались только тяжеленная кровать и буфет. Шарп отворил створки, но внутри не оказалось ничего ценного, кроме груды пустых бутылок. Исчезли даже простыни, одеяла и подушки.

– Чтоб он сдох! – выругался Шарп.

– Кто? – спросил Далтон, входя в каюту.

– Барон фон Дорнберг, сэр, – отвечал Шарп.

Он решил и дальше скрывать истинное имя ганноверца. Далтон может спросить, почему Шарп молчал раньше, и тогда ему будет нелегко оправдаться. Впрочем, вряд ли разоблачение Полмана спасло бы корабль – капитан Кромвель был виновен не меньше мнимого барона.

Втроем они отправились в каюту Кромвеля. Ни грязного капитанского исподнего, ни книг, ни драгоценных навигационных приборов. Большой сундук тоже исчез.

– Да чтоб они оба сдохли, грязные ублюдки! – снова выругался Шарп, даже не потрудившись проверить каюту так называемого слуги. – Они продали корабль, сэр, – сказал он Далтону.

– Что они сделали? – ужаснулся Тафнелл.

– Продали корабль. Барон и Кромвель, эти чертовы ублюдки! – Он пихнул ногой ножку стола. – У меня нет доказательств, но мы не случайно потеряли конвой и не случайно встретили «Ревенан»! – Шарп устало поскреб щеку. – Кромвель считает, что война проиграна, вот и решил продаться победителям.

– Нет, это невозможно! – воскликнул Тафнелл.

– Я тоже не верю, – сказал майор, хотя в глазах шотландца Шарп прочел сомнение. – Ладно, барон – иностранец, но Кромвель?

– Не сомневаюсь, сама идея принадлежала барону, сэр. Вероятно, в Бомбее он долго опрашивал капитанов, пока не обрел сообщника в Кромвеле. Они вместе украли драгоценности пассажиров, продали корабль и были таковы! Иначе Пол... барон остался бы с остальными пассажирами! Что ему делать на «Ревенане»? – Шарп едва не назвал Полмана его настоящим именем, но вовремя спохватился.

Далтон присел на пустой стол.

– Кромвель взял у меня на хранение часы, – вздохнул шотландец. – Когда-то они принадлежали моему отцу. Часы показывали неправильное время, но я дорожил ими как памятью.

– Мне жаль, сэр.

– И ничего нельзя сделать, – уныло протянул майор. – Нас обвели вокруг пальца!

– Не могу поверить! – Тафнелл выглядел растерянным. – Кромвель всегда так гордился тем, что он англичанин!

– Значит, деньги он любит больше, чем Англию, – едко заметил Шарп.

– Вы же сами мне говорили, что при желании капитан мог уйти от «Ревенана», – добавил Далтон.

– Пожалуй, вы правы, сэр, – удрученно вздохнул лейтенант.

Затем они отправились в каюту Эбенезера Файрли. Выслушав рассказ Шарпа, торговец хмыкнул, но ничуть не удивился:

– Есть люди, которые родную мать готовы продать ради наживы! А Пекьюлиа всегда отличался алчностью. Присаживайтесь, у меня есть бренди, вино, ром, арак. Нельзя допустить, чтобы все это досталось французским ублюдкам!

– Надеюсь, Кромвель не забрал на хранение ваши драгоценности? – сочувственно поинтересовался майор.

– Я похож на болвана? – фыркнул торговец. – Хотя он пытался. Даже уверял меня, что я обязан сдать драгоценности согласно правилам Компании, но не на того напал!

– Да уж, – задумчиво протянул Далтон, думая об отцовских часах.

Шарп промолчал.

Жена торговца, полная, материнской складки дама, выразила надежду, что французы не забудут об ужине.

– Только не надейся на что-нибудь особенное, матушка, – заметил Файрли, – наверняка нас ждет месиво из овсянки, верно, Шарп?

– Скорее всего, сэр.

– И как только будут обходиться их светлости? – Файрли мотнул головой в сторону каюты лорда Уильяма, затем хитро улыбнулся Шарпу. – Как думаете, оценит леди Грейс вкус овсянки?

– Сомневаюсь, сэр, – честно ответил Шарп.

Незадолго до полуночи французы вывезли с «Каллиопы» все, что посчитали ценным. Они забрали порох, тросы, рангоутные деревья, провиант, воду и шлюпки, но груз оставили в трюмах. Когда последняя шлюпка вернулась на «Ревенан», французы опустили марсели, паруса на фок-мачте поймали ветер, и французский линкор стал поворачивать к западу. Остатки на «Каллиопе» матросы столпились на шканцах и махали товарищам.

– Поплывет к мысу Доброй Надежды охотиться за китайскими торговыми судами, – мрачно заметил Тафнелл.

Теперь французский трехцветный флаг развевался на мачте «Каллиопы» прямо над штандартом Ост-Индской компании. Поначалу корабль двигался медленно – маленькой французской команде потребовалось более получаса, чтобы поднять все паруса, но вскоре «Каллиопа», овеваемая легким попутным ветром, уверенно заскользила на восток.

Двум матросам с «Каллиопы» доверили разнести пассажирам еду. Файрли пригласил майора, Тафнелла и Шарпа поужинать в своей каюте. На ужин подали месиво из овсянки с кусочками солонины и сушеной рыбы, однако Файрли заявил, что это лучшее пиршество за все время плавания. Заметив недовольство жены, он добавил:

– В молодости мы едали и похуже, матушка.

– Когда мы поженились, я сама готовила тебе еду! – возмутилась она.

– Думаешь, я забыл? – И Файрли с довольным видом зачерпнул полную ложку овсянки.

Стемнело, но никто не запрещал пассажирам зажигать фонари. Файрли выставил в кормовое окно все лампы, которые смог найти:

– Если где-нибудь поблизости есть британское судно, они нас заметят.

– Я могу развесить фонари в окнах баронской каюты, – предложил Шарп.

– Здорово придумано! – воскликнул Файрли.

– Думаю, вы можете там и остаться, – сказал Далтон, – у меня есть еще одно одеяло.

– Мы дадим вам и одеяло, и простыни, – сказал Файрли. Его жена открыла дорожный сундук, а торговец принес два фонаря из коридора. – Есть трутница?

– Да, сэр.

– По крайней мере, поживете пару дней в человеческих условиях. Бог знает что ждет нас на Маврикии. Французские вши и блохи. Как-то мне довелось переночевать в Кале, и уверяю

вас, грязнее комнаты я не видел в жизни! Помнишь, матушка? Ты еще неделю после этого мучилась запором.

– Генри! – укоризненно воскликнула миссис Файрли.

Захватив постельные принадлежности, Шарп поднялся в баронскую каюту. Там он зажег фонари, выставил их в окно, выходящее на корму, и приготовил себе постель. Скрипели штуртросы. Шарп с силой надавил на разбухшую от сырости оконную раму и отворил окно. Тонкий серп луны серебрил края облаков, но нигде не было видно и следа другого судна. На корме смеялись французы. Шарп снял мундир, отстегнул саблю. Он был слишком напряжен, чтобы заснуть, поэтому просто лежал на кровати, уставившись в крашенный потолок, и думал о Грейс, от которой его отделяла тонкая переборка. Как дать ей знать, что эту ночь они могли бы провести вместе в роскоши баронской каюты?

За стеной послышался шум. Шарп соскользнул с кровати и припал ухом к переборке. Мужские голоса спорили по-французски. Голос лорда Уильяма звучал раздраженно. Наверняка его светлость жалуется на отвратительный ужин. Шарп улыбнулся. Он вернулся на кровать, и тут лорд Уильям по-собачьи взвизгнул. Шарп вскочил на ноги. Наступило молчание. Шарп снова припал к переборке, и снова незнакомый голос настойчиво повторял по-французски какое-то слово. Голос лорда Уильяма прервался, его светлость издал какое-то странное хрюканье – словно получил удар ногой в живот.

Шарп услышал, как отворилась дверь во вторую комнату. Раздался щелчок замка. Снова кто-то заговорил по-французски, теперь уже в соседней с Шарпом комнате. Леди Грейс что-то ответила и вдруг вскрикнула.

Шарп вздрогнул. Он ждал, что лорд Уильям вмешается, но за переборкой все стихло. И тут Грейс вскрикнула во второй раз. Не помедлив ни мгновения, Шарп изо всех сил надавил на переборку. Он мог выскочить в коридор, но это заняло бы больше времени. Тонкая деревянная переборка разлетелась на куски, и Шарп вломился в соседнюю каюту, как в бою вламывался в гущу неприятелей.

Лейтенант Берси навалился на леди Грейс. Одной рукой француз разрывал платье на груди женщины, другой зажимал ей рот. Услыхав шум, Берси обернулся, но опоздал. Шарп левой рукой вцепился в сальные патлы француза и, запрокинув врагу голову, ударил его ребром правой ладони по горлу. Силач Берси стряхнул врага, вцепившегося в спину, и обернулся. Кто-то отчаянно колотил в дверь, но француз успел запереть ее.

Пояс со шпагой Берси снял, но при нем оставалась сабля, которой француз принялся размахивать перед носом Шарпа. Леди Грейс скорчилась в углу, прикрывая грудь остатками платья. По всей кровати валялись жемчужины. Наверняка Берси явился, чтобы ограбить лорда Уильяма, но прелести его жены оказались заманчивее.

Шарп бросился обратно в баронскую каюту, выхватил кавалерийскую саблю из ножен, и как раз вовремя. Француз ворвался в пролом. Берси парировал выпад Шарпа и устремился вперед.

Шарп целил лейтенанту в живот, но громадный француз с легкостью отвел удар и рукояткой абордажной сабли стукнул Шарпа по голове. В глазах прапорщика потемнело. Шарп зашатался и упал навзничь. Он едва успел откатиться вправо, как в дюйме от него в палубу вонзилось лезвие. Шарп отчаянным движением взмахнул саблей. Француз отпрянул. Шарп, шатаясь, поднялся на ноги, и тут раздался треск ломаемой двери. Берси ухмыльнулся. Француз был так высок, что ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть потолочную балку. С рукоятки сабли капала кровь. Кровавая струйка текла по лицу Шарпа. Он помотал головой – перед глазами все поплыло. Враг не уступал ему в скорости и свирепости. Берси пригнулся и бросился вперед. Шарп парировал удар. Француз зарычал и принялся размахивать саблей, словно серпом. Шарп отпрянул к стене. Француз уже предвкушал победу, но тут Шарп неожиданно ткнул соперника саблей, словно копьем. Изогнутое острие вошло противнику в горло.

Чтобы избежать ответного удара, Шарп дернулся влево. На мгновение ему показалось, что его сабля не причинила противнику серьезного вреда, слишком мягко войдя в тело француза, но Берси покачнулся, и кровь хлынула из раны. Правая рука, сжимавшая абордажную саблю, упала. Острие воткнулось в палубу. Француз поднес левую руку к горлу, откуда хлестала темная кровь, и изумленно уставился на Шарпа. Затем рухнул на колени и издал горлом булькающий звук. В тот же миг через пролом в каюту ворвался французский матрос и молча уставился на своего командира, который все еще не сводил помутневшего взгляда с Шарпа. Наконец Берси повалился вперед как подкошенный, и кровь заструилась по деревянной палубе, исчезая в щелях.

Матрос поднял мушкет. Внезапно раздался властный голос – майор Далтон велел французу опустить оружие, затем оттолкнул его и посмотрел на Берси, который все еще дергался на палубе в луже собственной крови.

– Ваша работа? – Майор присел на корточки, приподнял голову лейтенанта и тут же опустил.

Кровь из раны на горле француза заструилась еще сильнее.

– А что мне оставалось? – возмущенно откликнулся Шарп. Подолом мундира он вытер острие сабли, оттолкнул матроса и бросился в пролом. Грейс все так же сидела в углу кровати, прижимая лоскутья платья к груди. – Успокойтесь, миледи, – промолвил Шарп, – все кончено.

Она молча смотрела на него. Майор что-то сказал матросу по-французски – вероятно, велел доложить о случившемся на шканцы. Сквозь пролом возник лорд Уильям и бросил взгляд на тело Берси и окровавленное лицо Шарпа.

– Что за... – начал он и запнулся.

На щеке его светлости красовалась ссадина, явно оставленная Берси. Леди Грейс судорожно вздохнула и зашлась плачем.

Шарп бросил саблю на кровать Полмана, отступил за спину лорда Уильяма и повторил:

– Все кончено, миледи, он мертв.

– Мертв?

– Мертв.

Вышитый шелковый халат, очевидно принадлежавший лорду Уильяму, висел на спинке кровати. Шарп сдернул его и бросил ее светлости. Женщина накинула халат на плечи и зарыдала еще сильнее.

– Простите, – всхлипывала она, – простите меня.

– Вам не за что просить прощения, миледи, – сказал Шарп.

– Оставьте нас, Шарп, – холодно промолвил лорд Уильям. Его светлость немного трясло, а ссадина на щеке кровоточила.

Леди Грейс обернулась к мужу.

– Вы ничего не сделали! – выпалила она. – Вы ничего не сделали!

– Успокойтесь, Грейс! Этот человек ударил меня! – попытался защититься его светлость. – Я хотел остановить его, а он меня ударил!

– Вы ничего не сделали! – повторила леди Грейс.

Лорд Уильям позвал служанку.

– Успокойте ее, ради бога, – велел он девушке, затем кивком велел Шарпу убираться.

Сквозь пролом Шарп вернулся в свою каюту и обнаружил там почти всех пассажиров, не сводивших глаз с мертвого француза. Эбенезер Файрли изумленно покачал головой:

– Уж если вы беретесь за дело, юноша, можно не сомневаться, вы его сделаете на славу! Кажется, из него вытекла вся кровь и, похоже, залила нашу кровать.

– Простите, – сказал Шарп.

– На своем веку мне довелось повидать немало крови, юноша. Говорят, что самые страшные вещи на свете случаются в море.

– Вы должны уйти! – В проломе показался лорд Уильям. – Уходите немедленно! – раздраженно повторил он.

– Это не ваша спальня, – прорычал Файрли, – и, если бы вы оказались мужчиной, все сложилось бы иначе!

Лорд Уильям задохнулся от возмущения, но тут в проломе возникла растрепанная леди Грейс. Муж попытался впихнуть ее обратно, но она отвела его руку и потрясенно уставилась на труп, затем подняла глаза на Шарпа.

– Благодарю вас, мистер Шарп, – промолвила ее светлость.

– Был счастлив служить вам, миледи, – ответил Шарп и отвернулся, чтобы встретить входивших в каюту лицом к лицу.

– Новый капитан, *officier marinier*³. Вероятно, это звание соответствует нашему унтер-офицеру, – представил француза майор Далтон.

Долгая морская служба оставила след на смуглом лице немолодого лысеющего моряка. Он не носил формы и, очевидно, был всего лишь старшим над матросами. Француз на удивление спокойно воспринял смерть своего капитана. Очевидно, матрос уже рассказал ему об обстоятельствах, при которых был убит Берси. Новый капитан не задал никаких вопросов, лишь неуклюже и смущенно поклонился леди Грейс и пробормотал извинения.

Ее светлость дрожащим голосом приняла их:

– *Merci, monsieur.*

Новый капитан заговорил с Далтоном, который перевел его слова Шарпу:

– Он сожалеет о поведении Берси. Называет его животным. Монморан сделал Берси офицером лишь месяц назад, но Берси было неведомо понятие о чести.

– Так я прощен? – Казалось, Шарпа это позабавило.

– Вы защищали даму, Шарп. – Шотландец нахмурился, не одобряя его веселости. – У вас не было выбора.

Француз распорядился, чтобы разбитую переборку завесили чем-нибудь, а тело лейтенанта унесли. Он также настоял, чтобы все лампы в каютах потушили.

Шарп поставил лампы в пустой буфет.

– Я останусь здесь, – объявил он, – на случай, если еще какой-нибудь французишка почувствует себя одиноко.

Лорд Уильям открыл было рот, чтобы возразить, но по здравом размышлении почел за лучшее промолчать. Тело Берси унесли, а дыру в стене завесили старым куском парусины. Затем Шарп уснул на кровати Полмана, а корабль нес его к будущей темнице.

Следующие два дня пассажиры изнывали от скуки. Лейтенант Тафнелл рассчитал, что с учетом слабого ветра «Каллиопе» удастся добраться до Маврикия дней за шесть. Пассажирам хотелось верить, что это увеличивает их шансы на спасение, – какой-нибудь английский военный корабль вполне мог заметить большое торговое судно Компании, медленно дрейфующее по волнам. Пассажирам запрещалось выходить на палубу, и жара в каютах стояла невыносимая. Майор Далтон одолжил Шарпу роман под названием «Тристрам Шенди»⁴, но Шарпу не читалось. Он праздно лежал в кровати и пялился в потолок. Адвокат попытался обучить его игре в нарды, но азарт был совершенно чужд Шарпу, поэтому Фазакерли удалился в поисках более сговорчивой жертвы. Лейтенант Тафнелл учил Шарпа вязать узлы – они часами предавались этому занятию между обедом и ужином. На ужин подавали все ту же овсянку с сушеным горохом. Миссис Файрли вышивала платок, ее муж раздраженно мерил шагами тесную каюту. Майор Далтон трудился над воспоминаниями о битве при Ассайе, и ему постоянно

³ Старший боцман (*фр.*).

⁴ «Тристрам Шенди» – роман Лоренса Стерна (1713–1768).

требовались советы Шарпа. Корабль медленно плыл через океан, и за два дня Шарп ни разу не встретил Грейс.

Она пришла на вторую ночь. Шарп спал, и Грейс закрыла ему рот рукой, чтобы Шарп не вскрикнул со сна.

– Служанка уснула, – прошептала Грейс, и в тишине Шарп услышал сквозь полотняный полог посапывание лорда Уильяма.

Они долго молча лежали рядом.

– Он сказал, что хочет мои драгоценности, – наконец прошептала Грейс. – Только и всего. Мои драгоценности. Затем сказал, что перережет Уильяму глотку, если я не отдам их ему.

– Все позади, – попытался успокоить ее Шарп.

Внезапно она резко мотнула головой:

– Он сказал, что ненавидит аристократов и что мы все заслуживаем гильотины. Обещал убить нас обоих, говорил, что это Уильям напал на него, а я скоро умру от лихорадки.

– Сейчас он сам кормит рыб, – сказал Шарп.

Прошлым утром он слышал, как тело лейтенанта Берси со всплеском отправилось в вечность.

– Скажи, ты не испытываешь ненависти к аристократам? – спросила Грейс после долгой паузы.

– Из аристократов я знаю только тебя, твоего мужа и сэра Артура. Он тоже аристократ?

Грейс кивнула:

– Его отец граф Морнингтон.

– Что ж, двое из троих мне нравятся. Не так уж мало.

– Тебе действительно нравится Артур?

Шарп нахмурился:

– Мне всегда хотелось заслужить его уважение.

– А как ты относишься к Уильяму?

– А ты?

Грейс помедлила.

– Отец заставил меня выйти за него. Он богат, очень богат, а моя семья бедна. Уильям был очень хорошей партией. Когда-то он даже нравился мне. Но не теперь.

– Он ненавидит меня, – сказал Шарп.

– Просто он тебя боится.

Шарп улыбнулся:

– Он знатный лорд, а кто я?

– Но сейчас со мной ты, а не он. – Грейс прикоснулась губами к его щеке. – Если он застанет меня с тобой, я погибла! Мое имя будет навеки опозорено, передо мной закроются двери всех приличных домов.

Шарп подумал о Брейсуэйте. Секретарь, словно крыса, затаился где-то на нижней палубе.

– Ты боишься, что муж убьет тебя? – спросил Шарп.

– Наверное, Уильям смог бы. – Грейс задумалась. – Хотя, скорее всего, он объявит меня сумасшедшей. Это не так уж сложно. Подкупит докторов, которые назовут меня истеричной лунатичкой и до конца жизни запрут в доме скорби. Там меня будут с ложечки кормить ядовитыми снадобьями, поэтому совсем скоро моя горестная жизнь прервется.

Шарп повернулся к Грейс – в темноте он мог видеть только очертания ее скул.

– Он действительно способен на убийство?

– Уильям на все способен, – вздохнула она. – Мое единственное спасение в том, чтобы вести себя как подобает жене лорда и смотреть сквозь пальцы на его содержанок. Муж одержим мыслью о наследнике! Он был счастлив, когда родился наш сын, а после смерти малютки возненавидел меня. Впрочем, он не оставляет попыток обзавестись новым наследником. – Грейс

запнулась. – Чтобы выжить, я должна подарить ему сына и вести себя как ангел. Но когда я увидела тебя, то позабыла обо всем на свете!

- Я не дам тебя в обиду, – пообещал Шарп.
- Подумай, вскоре нам предстоит расстаться!
- Нет, – Шарп не хотел смириться с этой мыслью, – не говори так!
- Ш-ш-ш, – прошептала Грейс и закрыла ему рот поцелуем.

На рассвете она ушла. За окном все так же простирался безбрежный Индийский океан. Ветер крепчал, корабль качало и подкидывало на волнах. Шахматные фигурки, которые майор Далтон расставил на столе, имитируя расположение войск при Ассайе, так и норовили съехать вбок.

- Вы должны рассказать мне, что случилось, когда сэр Артур лишился лошади.
- Думаю, вам следует самому расспросить его, майор.
- Но ведь вы наверняка помните об этом не хуже сэра Артура?
- Помню, – согласился Шарп, – но сомневаюсь, что сэру Артуру по душе эта история.

Возможно, вам стоит ограничиться упоминанием о том, что на сэра Артура напали неприятели, но помощь подоспела вовремя.

- Все так и было?
- Можно сказать и так, – пожал плечами Шарп.

По правде говоря, он помнил не многое. Как спрыгнул с лошади и принялся размахивать саблей. Едва пришедший в себя после падения, сэр Артур замер за лафетом пушки. Шарп смутно помнил, как убивал врагов, но больше всего в память врезался индеец с тулваром, которому на роду было написано убить его, но сокрушительный удар принял на себя рубин султана Типу. Шарп спрятал камень в кожаном мешочке на косице, куда обычно насыпали песок. От удара рубин выскочил, и, когда все было кончено, сэр Артур подобрал камень и вернул его Шарпу. Генерал был слишком потрясен, чтобы осознать, что держит в руках драгоценность. Наверняка решил, что это простой камешек необычной расцветки, который Шарп неизвестно для чего хранит при себе. Теперь рубин попал в загребущие лапы Кромвеля, будь он проклят!

- Как звали коня сэра Артура? – спросил Далтон.
- Диомед, – ответил Шарп. – Генерал был очень привязан к нему. – Шарп помнил, как сухую землю оросил кровавый фонтан, хлынувший из груди Диомеда, куда вонзилась вражеская пика.

Далтон до самого вечера приставал к Шарпу с расспросами:

- Теперь мне будет чем заняться на досуге, если я когда-нибудь доберусь до Эдинбурга.
- Вы не женаты, сэр?

– Был. Моя дорогая жена умерла. – Майор покачал головой, затем задумчиво посмотрел в окно. – У нас не было детей, – тихо промолвил он и нахмурился, когда со шканцев послышался топот ног.

Французы выкрикивали команды. Внезапно «Каллиопа» накренилась влево. Спускаемые паруса захлопали, словно ружейные выстрелы. Спустя несколько мгновений судно выровнялось, но теперь они шли на север.

- Похоже, что-то испугало французов, – заметил майор.

Никто из пассажиров не знал, почему корабль сменил курс. Из окон кают по-прежнему не было видно чужих парусов, но, возможно, французы с мачты заметили далекий марсель на юге. После смены курса судно болтало сильнее, нос корабля с шумом врезался в волны. Пассажирам велели не зажигать огней, а нарушителей запрета обещали бросить в вонючий трюм к крысам.

- Значит, они заметили другой корабль, – решил майор.
- Главное, чтобы тот корабль заметил нас, – ответил Шарп.
- Как бы то ни было, – мрачно проговорил шотландец, – нам остается только ждать.

Шарп взмолился, чтобы неизвестным судном оказался «Пуссель» – корабль капитана Чейза, построенный французами и не уступающий в скорости «Ревенану».

– Я кое-что придумал, – сказал Шарп.

– Что именно?

– Мне нужно поговорить с Тафнеллом.

Вместе с шотландцем они отправились в каюту лейтенанта. После короткой беседы все трое спустились к Файрли.

Торговец уже нахлобучил на голову ночной колпак с кисточкой, но внимательно выслушал Шарпа и ухмыльнулся:

– Прекрасная мысль, юноша! Придется встать с постели, матушка. Мы тут задумали одну проделку.

Заговорщикам доставало инструментов. У Шарпа был карманный нож, у Тафнелла – короткий кинжал, майор достал длинный шотландский тесак, и мужчины подняли ковер и атаковали половицы.

Старый дуб толщиной в два дюйма поддавался с трудом. Мужчины по очереди кромсали, скребли и резали твердую древесину. Время от времени мистер Файрли подтачивал лезвия с помощью кухонного ножа.

Они проковыряли две дыры на расстоянии фута одна от другой, и лишь после полуночи им удалось отодрать половицу. Работали в темноте. Когда половицу подняли, Файрли зажег фонарь, прикрыв его плащом, и Шарп заглянул вниз. Сначала он не увидел ничего, только где-то рядом скрежетал штуртрос. Файрли пришлось уронить в отверстие фонарь, и только тогда в футах от себя Шарп заметил толстую пеньковую веревку. Каждые несколько секунд туго натянутый трос смещался примерно на дюйм, издавая скрипучий звук.

Трос крепился к румпелю, который поворачивал громадный руль «Каллиопы». От румпеля трос тянулся по бортам судна, проходя через неподвижные блоки и возвращаясь к центру корабля, где еще два блока соединяли его со штурвалом. У «Каллиопы» было два штурвала, один против другого. Чтобы управляться со штурвалами в бурном море, зачастую требовалось не меньше дюжины матросов. Штурвалы соединялись с массивным деревянным барабаном, на который туго наматывали штуртрос. Поворот штурвала натягивал штуртрос, который передавал движение румпелю. Перерезать штуртрос – и «Каллиопа» на время потеряет управление.

– Когда? – спросил Файрли.

– Дождемся рассвета, – предложим Далтон.

– Чтобы перерезать его, потребуется время, – заметил Шарп. Толщиной веревка была около трех дюймов.

Чтобы в каюту не забрались крысы, Файрли накрыл веревку ковром.

– Сколько времени им понадобится, чтобы заменить трос? – спросил торговец Тафнелла.

– Опытной команде хватит часа.

– Похоже, они неплохие матросы, – заметил торговец. – Так и быть, дождемся утра.

Ночью Шарп напрасно ждал Грейс. Возможно, она заглядывала в каюту Полмана, когда они трудились над половицей, или лорду Уильяму не спалось. Шарп завернулся в одеяло и проспал до утра. Его разбудил стук в дверь. Матрос принес завтрак.

– По правому борту корабль, сэр, – тихо сказал он. – Отсюда вы его не увидите, но он там. Один из наших.

– Военный?

– Наверняка.

– Далеко?

– В семи-восьми милях. Далековато, да еще ему нужно сменить галс, чтобы приблизиться. – Матрос продолжил шепотом: – Лягушатники опустили свой флаг, поэтому сейчас

мы плывем под флагом Компании, хотя вряд ли это их спасет, если тот корабль действительно военный. Флаг никого не остановит, когда речь пойдет о призовых деньгах.

Новость в мгновение ока распространилась по кораблю. Пассажиры воспрянули духом, а французы заметно приуныли. Матросы сбивались с ног, чтобы ускорить ход судна, но для пассажиров, которые не видели того, что творилось на палубе, утро тянулось мучительно долго. Лейтенант Тафнелл предполагал, что суда идут на сближение, но ветер благоприятствовал «Каллиопе». Заговорщики боялись, что, поспешив перерезать штуртрос, дадут французам достаточно времени для устранения неисправности.

В полдень пассажиры поняли, что останутся без обеда. Шарп решил, что пришло время действовать.

– Мы все равно не узнаем, когда наступит самый благоприятный момент, – убеждал он товарищей, – а так хотя бы заставим ублюдков повертеться!

Никто не стал возражать. Файрли поднял ковер, Шарп просунул саблю в отверстие и принялся пилить трос. Веревка постоянно перемещалась, Шарп ворчал и потел, пытаясь приспособиться.

– Может быть, я попробую? – предложил Тафнелл.

– Я справлюсь, – отвечал Шарп.

Самого троса он не видел, но чувствовал, что лезвие глубоко вошло в пеньку: сабля двигалась в его руках, следуя движениям веревки. Правая рука от запястья до плеча горела от напряжения, но он упрямо продолжал пилить, и наконец веревка поддалась. Раздался скрежет руля. Шарп вытащил саблю из отверстия и без сил свалился на пол.

С палубы донеслись крики, топот босых ног и долгожданное хлопанье ставших бесполезными парусов.

– Закройте дыру, – скомандовал Файрли, – быстро! Лягушатники не должны ничего заметить!

Судно двигалось резкими толчками – от попыток французов выровнять ход «Каллиопы» было мало толку. Вскоре рулевой «Каллиопы» обнаружил, что штурвал не слушается. Шарп с товарищами услышали топот ног по лестницам – французы спускались вниз, чтобы обследовать штуртрос.

Раздался стук, и, не дожидаясь ответа, в дверях возник лорд Уильям.

– Кто-нибудь знает, что происходит? – поинтересовался он.

– Мы перерезали штуртрос, – ответил Файрли, – так что ваша светлость может и дальше спать спокойно. – (От резкого ответа лорд Уильям опешил, но не успел ничего сказать, как раздался орудейный залп.) – Думаю, все кончено! – радостно воскликнул Файрли. – На палубу! Посмотрим, что мы натворили. – Он помог Шарпу подняться на ноги.

Никто из команды не стал им препятствовать. Больше не пытаясь обмануть преследователей, французы опустили флаг Компании.

К «Каллиопе» медленно приближался огромный военный корабль с крутыми желто-черными бортами. Позолоченная фигура на носу изображала женщину с исступленным выражением на лице, с мечом и в серебряных доспехах, до половины обнажавших пышную розовую грудь.

– «Пуссель»! – радостно воскликнул Шарп. На помощь англичанам пришла Жанна д'Арк. Так во второй раз за пять дней «Каллиопа» поменяла хозяев.

Глава шестая

Первым британским моряком, ступившим на борт «Каллиопы», стал Джоэль Чейз собственной персоной. Под аплодисменты радостных соотечественников капитан ловко перелез через борт. Старший боцман, бывший за главного у французов, за неимением меча предло-

жил капитану шип марлина. Чейз усмехнулся, взял шип и галантно вернул его французу, который безропотно повел своих товарищей в трюм. Затем капитан снял шляпу и принялся пожимать руки пассажирам, столпившимся на верхней палубе, пытаясь одновременно ответить на дюжину вопросов. Брейсуэйт держался в стороне, мрачно поглядывая на Шарпа, который стоял на шканцах. Прошедшие дни секретарь провел на нижней палубе, мучаясь ревностью от мыслей о том, чем занимаются Шарп и леди Грейс на корме.

– Повезло капитану, – заметил Эбенезер Файрли. Он стоял рядом с Шарпом и смотрел вниз на толпу пассажиров, окружившую капитана. – На призовых денежках он заработает состояние, впрочем за них еще придется побороться.

– Побороться?

– Думаете, судейские не захотят оттяпать свою долю? – хмуро усмехнулся торговец. – Адвокаты Ост-Индской компании наверняка станут доказывать, что пленение «Каллиопы» французами нельзя считать захватом, а поверенный капитана станет утверждать обратное. Дело затянется на годы, и выиграют от него только адвокаты! – Файрли презрительно фыркнул. – Мне бы тоже следовало нанять парочку поверенных, чтобы доказать свои права на большую часть груза, но я не стану. Пусть уж лучше дело выиграет наш славный капитан – все лучше, чем денежки достанутся адвокатишкам! – Торговец сощурился. – Знаете, юноша, у меня есть идея, которая может способствовать процветанию Британии. Я предлагаю разрешить каждому законопослушному гражданину, имеющему собственность, убивать в год по одному адвокату. Впрочем, вряд ли она увлечет законников. В британском парламенте заседают одни болваны!

Капитан поднялся на шканцы, и первым, кого он там встретил, оказался Шарп.

– Дружище Шарп! – просветлев, воскликнул капитан. – Теперь мы квиты! Вы спасли меня, я вас! – Чейз горячо пожал Шарпу руку. Шарп представил капитану Эбенезера Файрли. Заметив лорда Уильяма, Чейз нахмурился и пробормотал: – О боже, я и забыл, что он здесь! Как ваше здоровье, милорд?

Лорд Уильям не удостоил Чейза ответом, желая побеседовать с капитаном наедине, но капитан предпочел сперва выслушать лейтенанта Тафнелла. Матросы «Каллиопы» занялись починкой штуртроса, а моряки с «Пуссели», возглавляемые старым знакомцем Шарпа боцманом Хоппером, подняли на мачте британский флаг.

Лорд Уильям терял терпение, однако Чейз не спешил. Рассказ Тафнелла весьма заинтересовал капитана. По-прежнему игнорируя его светлость, Чейз обратился к пассажирам на шканцах:

– Расскажите мне о человеке, который называл себя слугой барона фон Дорнберга.

Майор Далтон удивленно заметил, что слуга фон Дорнберга не вызвал у него никаких подозрений, разве что был немного молчалив, но кто обращает внимание на слуг?

– Из таких, как он, слова лишнего не вытянешь, – закончил майор.

– Однажды он обратился ко мне по-французски, – добавил Шарп.

– Вот как? – живо откликнулся Чейз.

– Всего один раз, – пожал плечами Шарп, – впрочем сам он утверждал, что швейцарец. И вообще, я не уверен, что он слуга.

– А кто же?

– Покидая корабль, этот так называемый слуга нацепил шпагу. Немногие слуги носят шпаги.

– Может быть, ганноверцы носят? – вступил в разговор Файрли. – Иностранцы, что с них взять.

– А что вы можете сказать о самом бароне? – спросил Чейз.

– Шут гороховый, – буркнул Файрли.

– Барон выглядел вполне приличным человеком, – возразил майор, – к тому же был весьма щедр.

Шарп мог бы ответить на вопрос Чейза гораздо подробнее, но он по-прежнему не хотел признаваться, что столько времени покрывал обман ганноверца.

– Странная штука, сэр, – наконец решился Шарп. – До того как барон покинул судно, я об этом не задумывался, а сейчас мне кажется, что он поразительно похож на моего старинного знакомого Энтони Полмана.

– Да что вы, Шарп? – удивился майор.

– Та же фигура, хотя раньше я видел Полмана только через подзорную трубу, – пришлось соврать Шарпу.

– И кто же этот Энтони Полман? – перебил Чейз.

– Ганноверец, который командовал армией маратхов при Ассайе.

– Шарп, – внезапно посерьезнел капитан, – вы уверены?

– Очень похож. – Шарп даже покраснел.

– Ну и попал же я в переплет! – воскликнул Чейз с сильным девонширским акцентом. Лорд Уильям снова попытался привлечь внимание капитана, но Чейз замахал руками, и его светлость, оскорбленный в лучших чувствах, отошел в сторону. – Хорошо хоть мы знаем, – продолжил Чейз, – что и фон Дорнберг, и его мнимый слуга плывут на «Ревенане». Хоппер!

– Сэр? – откликнулся боцман с палубы.

– Пусть все матросы вернуться на «Пуссель», останьтесь только вы и команда баркаса. Мистер Хоррокс! Сюда, прошу вас!

Четвертый лейтенант Хоррокс командовал призовой командой, состоящей из трех матросов. Чтобы управлять судном, Тафнелл не нуждался в дополнительных руках, но матросы с «Пуссели» должны были подтвердить права Чейза на корабль Ост-Индской компании. «Каллиопа» предстояло отправиться в Кейптаун. Там французов надлежало оставить на попечение британского гарнизона, а «Каллиопа» могла продолжить путь к родным берегам, где ее, потирая руки в предвкушении барышей, ждали адвокаты. Чейз велел Хорроксу подчиняться Тафнеллу во всех вопросах управления кораблем, а также приказал лейтенанту отобрать двадцать лучших матросов с «Каллиопы» и преправить их на «Пуссель».

– Мне самому все это не слишком нравится, но ничего не остается, – вздохнул Чейз. – У нас не хватает рук. Возможно, бедняги не слишком обрадуются, хотя кто знает? Может быть, найдутся даже добровольцы. – Голос Чейза звучал не слишком уверенно. – Ну а вы, Шарп? Поплывете с нами?

– Я, сэр?

– В качестве пассажира, – поспешно заметил Чейз. – Со мной вы доберетесь до Англии гораздо быстрее, чем на этой посудине. Решено, вы плывете со мной! Задира! – окликнул капитан одного из матросов. – Доставишь багаж мистера Шарпа на «Пуссель». И поживее! Он покажет, куда идти.

Шарп пытался протестовать:

– Мне не хочется быть обузой!

– Нет времени спорить, Шарп, – весело возразил Чейз. – Отказа я не приму!

В конце концов капитан нашел время для лорда Уильяма, который к тому времени совершенно раскалился от гнева. Чейз отошел к его светлости, а чернокожий гигант по прозвищу Задира, оказавшийся еще одним старым знакомцем Шарпа со времен драки с телохранителями Панжита, вскарабкался на шканцы.

– Куда идем, сэр? – осклабился он.

– Багаж подождет, – ответил Шарп.

Как мог он оставить Грейс на «Каллиопе»? Нужно срочно придумать предлог, чтобы отказаться от приглашения капитана. Шарпу не хотелось обижать Чейза, но он и помыслить не мог о том, чтобы расстаться с любимой!

Беседуя с лордом Уильямом, капитан расхаживал по шканцам. Наконец Чейз кивнул, покорно пожал плечами и вернулся к Шарпу.

– Черт подери этого лорда Уильяма! – раздраженно воскликнул он. – Ты еще здесь, Задира? Бегом за багажом мистера Шарпа! Никаких тяжестей: ни роялей, ни кроватей с поломом!

– Я попросил Задиру подождать, – сказал Шарп.

Чейз нахмурился:

– Хотите со мной поспорить, Шарп? У меня и без вас хватает трудностей. Его светлость утверждает, что ему необходимо добраться до Англии как можно скорее, и, как назло, мы плывем через Атлантику!

– Через Атлантику? – удивился Шарп.

– Ну разумеется! Я же обещал, что со мной вы в два счета доберетесь до дома! Могу поклясться, что и «Ревенан» направляется именно в Атлантику! Чтобы доказать это, я готов рискнуть собственной репутацией. Лорд Уильям утверждает, что везет важное донесение правительству. Отказать ему я не смог, хотя, видит бог, очень хотел. Чертов лорд Уильям! Закрой уши, Задира! Придется теперь тащить его на борт вместе с его чертовой женушкой, чертовыми слугами и чертовым секретарем! Будь я проклят!

– Задира! – скомандовал Шарп. – Нижняя палуба, левый борт. Живо!

Шарп готов был плясать от радости. Грейс плывет вместе с ним на «Пуссели»!

Прощаясь с Эбенезером Файрли и майором Далтоном, Шарп пытался скрыть радость. Торговец и шотландский майор уверили Шарпа, что двери их домов всегда открыты для него. Миссис Файрли прижала Шарпа к пышному бюсту и всучила пару бутылок с бренди и ромом:

– Они согреют вас в трудную минуту, мой мальчик, да и Эбенезеру меньше достанется.

Длинная шлюпка «Пуссели» должна была доставить на борт судна матросов с «Каллиопы». Выбор пал на самых юных, им предстояло заменить заболевших во время долгого плавания матросов «Пуссели». Юнцы были недовольны – на новом месте им полагалось жалованье гораздо меньше, чем на «Каллиопе».

– Ничего, мы их развеселим, – беспечно заметил Чейз. – Парочка славных побед, и они забудут свои печали!

Лорд Уильям настаивал, чтобы его мебель перевезли на «Пуссель», но Чейз заявил, что его светлости придется выбирать – обойтись без своей драгоценной мебели или остаться на борту «Каллиопы». Лорду Уильяму пришлось уступить. Их светлости покинули «Каллиопу» без слов прощания. Леди Грейс казалась совершенно подавленной. Она тихо плакала и из последних сил старалась казаться равнодушной, но под конец не удержалась и бросила на Шарпа отчаянный взгляд. Брейсуэйт вскарабкался в шлюпку вслед за ее светлостью и со злобным торжеством оглянулся на соперника. Леди Грейс вцепилась в планшир побелевшими от напряжения пальцами, и тут порыв ветра чуть не сорвал с ее головы шляпку. Ее светлость схватилась за шляпку, подняла глаза и увидела, что Шарп спускается вниз по веревочной лестнице. Облегчение и радость проступили на прекрасном лице. Малахия Брейсуэйт чуть не задохнулся от злости. Секретарь хотел что-то сказать, но не осмелился – рот его открывался и закрывался, словно у выброшенной на берег рыбы.

– Подвиньтесь, Брейсуэйт, – буркнул Шарп, – я плыву с вами.

– Прощайте, Шарп! Непременно напишите мне! – крикнул майор Далтон.

– Удачи, юноша! – прогудел Файрли.

Шарп последним забрался в шлюпку и уселся на корме.

– Все на месте! – проревел Хоппер, и гребцы окунули в воду красно-белые весла.

Над водой плыла вонь громадной посуды. «Пуссель» пахла немытыми телами, нечистотами, солью, табаком, дегтем и гнилью. Набитый людьми, порохом и снарядами линейный корабль гордо вздымался над водой сплошной стеной оружейных портов.

– Счастливого пути! – раздался прощальный возглас Далтона.

Шарп снова был на пути домой, но прежде ему придется стать охотником, и, главное, он должен отомстить.

– Не терплю женщин на борту! – бушевал капитан. – Женщины и кролики – нет ничего хуже! – Чейз суеверно постучал по деревянной столешнице. – Нельзя сказать, что на борту их нет. Считается, что я знать не знаю о шести портсмутских шлюхах, которых команда укрывает внизу, да еще один канонир где-то прячет жену, однако совсем другое дело – ее светлость со служанкой. Будут разгуливать по шканцам и разжигать грязные фантазии моих матросов!

Шарп промолчал. Со вкусом обставленный салон располагался на «Пуссели» от борта до борта. В широком кормовом окне далеко на горизонте еще виднелась «Каллиопа». Цветастые занавески на окне повторяли цвет обивки диванных подушек. Пол покрывал ковер с черно-белым шахматным узором. Салон был меблирован двумя столами, буфетом, глубоким кожаным креслом, диваном и книжным шкафом. Атмосферу домашнего уюта изрядно портили две восемнадцатидюймовые пушки, дула которых упирались в красные оружейные порты. За салоном по правому борту располагалась капитанская каюта, по левому – столовая, в которой могли с комфортом разместиться до дюжины гостей.

– Зря его чертова светлость надеется, что я уступлю ему свою каюту! Будь я проклят, если пойду у него на поводу! – кипятился Чейз. – Поживет в каюте первого лейтенанта, а его женушка может отправляться в каюту второго лейтенанта. Кто их разберет, почему они не спят вместе! Черт, я не должен был говорить вам об этом.

– Я ничего не слышал, – опустил глаза Шарп.

– А чертов секретаришка пусть убирается в каюту Хоррокса! Первому лейтенанту придется пожить в штурманской каюте. Штурман умер три дня назад. Никто не знает отчего. Наверное, устал от жизни или жизнь устала от него. Одному господу известно, когда мы найдем ему замену. А потом и тот, кого мы подыщем, уйдет в мир иной, и так до последнего корабельного кота, все когда-нибудь отправятся за борт! Господи, как же я ненавижу, когда под ногами болтаются пассажиры, особенно женщины! А вы будете жить в моей каюте.

– В вашей каюте? – изумился Шарп.

– Вот ее дверь, – показал Чейз. – Черт подери, Шарп, вы же видите – мне и здесь вполне хватит места! – Капитан жестом обвел роскошный салон с элегантной мебелью, портретами в рамах и занавесками на окнах. – Мой вестовой принесет сюда койку, а вы будете спать через дверь от меня.

– Я не желаю стеснять вас, – попытался возразить Шарп.

– И слушать ничего не хочу! Моя каюта – убогая тесная дыра, в самый раз для простого прапорщика. Кроме того, Шарп, я люблю поговорить, но, будучи капитаном этой посуды, не могу запросто спуститься в офицерскую кают-компанию, а мои офицеры нечасто меня приглашают. Видит бог, я их прекрасно понимаю! Им тоже нужно от меня отдохнуть. Поэтому большую часть времени мне приходится проводить в одиночестве. Вот вы и составите мне компанию. Играете в шахматы? Я научу вас. Надеюсь, вы не откажетесь разделять со мной ужин? Вот и славно! – Чейз скинул китель и растянулся в кресле. – Вы действительно уверены, что барон может оказаться вашим приятелем Полманом?

– Он и есть Полман, – просто ответил Шарп.

Чейз поднял бровь:

– Вы так уверены?

– Я сразу узнал Полмана, сэр, – признался Шарп, – но не стал рассказывать о нем никому на «Каллиопа». Решил, что это ничего не изменит.

Чейз покачал головой, скорее удивленно, чем осуждающе:

– Пожалуй, вы были правы. Пекьюлиа вполне мог подстроить ваше убийство, и даже его офицеры не догадались бы ни о чем. – Капитан поискал на столе нужную бумагу. – Военно-морские силы его величества разыскивают некоего господина по имени Мишель Валлар. Этот Валлар тот еще злодей! По нашим сведениям, он должен находиться на пути в Европу. Ловок, каналья, – путешествовать под видом слуги! Кому какое дело до слуг?

– А почему его ищут, сэр?

– Валлар затеял переговоры с лидерами маратхов, которые боятся, что Британия захватит остатки их территории. Ему удалось заключить договор с неким... Холкаром. – Чейз сверился с бумагой. – И теперь Валлар везет договор в Париж. Холкар согласился вести с нами мирные переговоры, но в то же самое время мсье Валлар, вероятно не без помощи вашего друга Полмана, договорился снабжать Холкара французскими советами, мушкетами и пушками! Вот копия договора. – Чейз показал бумагу Шарпу.

Договор был составлен по-французски, но Шарп успел заметить, как кто-то старательно подписал между строчками английские слова.

Холкар был самым талантливым из маратхских военачальников, которому удалось ускользнуть от армии сэра Артура Уэлсли. И вот теперь, под прикрытием мирных переговоров с британцами, этот Холкар собирал громадную армию, которую французы снабжали оружием. В договоре даже перечислялись местные правители, которые могли поднять восстание на территории, захваченной британцами, в случае если армия Холкара выступит с севера.

– Хитрецы эти Валлар и Полман, – заметил Чейз. – Использовать британский корабль, чтобы добраться до Европы! Выбрали самый быстрый путь. Подкупили вашего друга Кромвеля и назначили французам свидание у Маврикия.

– Как к нам попал этот договор? – спросил Шарп.

– Наверное, выкрали шпионы, – пожал плечами Чейз. – Все прояснилось уже после вашего отплытия из Бомбея. На случай, если Валлар задумает возвращаться по суше, адмирал направил сторожевой корабль в Красное море, а вслед конвоем был послан «Покьюпейн». Мне тоже поручили смотреть в оба. Мы непременно должны поймать чертова Валлара, особенно теперь, когда уверены, ну, или почти уверены в том, что он плывет на «Ревенане»! Все равно нам по дороге, Шарп. Посмотрим, на что способна «Пуссель». Плохо то, что «Ревенан» ничуть не уступает нам в скорости, к тому же получил неделю форы.

– И что тогда?

– Разнесем его в пух и прах! – радостно воскликнул Чейз. – А после отправим мсье Валлара и герра Полмана на корм рыбам!

– Не забудьте про Кромвеля, – мстительно добавил Шарп.

– Я бы предпочел вздернуть его на нок-рее, – сказал Чейз. – Ничто так не поднимает дух команды, как капитан, повешенный на доброй бриджпортской пеньке!

Шарп посмотрел в окно – паруса «Каллиопы» едва виднелись на горизонте. Он чувствовал себя бочонком, выброшенным в бурную реку, – поток нес его, и он не знал, что принесет завтрашний день. Но главное – Шарп был любим и счастлив. От мыслей о Грейс на душе потеплело. Его любовь была чистым безумием, но Шарп ничего не мог с собой поделать.

– А вот и мистер Гарольд Коллиа! – воскликнул Чейз, впуская в салон маленького мичмана – старшего на баркасе, который доставил Шарпа на борт «Каллиопы» в Бомбейской гавани.

Теперь Гарри Коллиа должен был показать гостю «Пуссель».

Мальчишка страшно гордился своим кораблем. «Пуссель» была гораздо больше «Каллиопы». Юный Гарри Коллиа одним духом выпалил Шарпу цифры:

– Сто семьдесят восемь футов длиной, сэ, само собой, не считая бушприта. Сорок восемь в ширину и сто семьдесят пять до верхушки грот-мачты, берегите голову, сэ. Построен французами из двух тысяч дубовых стволов, весит около двух тысяч тонн – осторожно, голову, сэ, – семьдесят четыре пушки, сэ, не считая каронад, а у нас их целых шесть, и все тридцатидвухфунтовые. Шестьсот семнадцать человек команды, не считая королевских морских пехотинцев.

– А сколько пехотинцев?

– Шестьдесят шесть, сэ. Сюда, сэ, берегите голову, сэ.

Затем Гарри Коллиа привел Шарпа на кварталдек, где в закрытых портах стояли восемь длинноствольных орудий.

– Восемнадцатифунтовые, сэ, – пропищал юный мичман, – наши крошки, сэ. По шесть с каждой стороны, включая четыре на корме. – Мальчишка скользнул вниз по крутой лестнице, ведущей на палубу. – Это открытая палуба, сэ. Тридцать две пушки, все двадцатичетырехфунтовые.

В центре верхняя палуба была открыта всем ветрам, а спереди и сзади высились полубак и шканцы. Юный Гарри безмолвно скользил между громадными орудийными стволами, нырял под гамаки, в которых спали свободные от вахты матросы, и наконец, обогнув якорный кабестан, юркнул в стигийскую тьму нижней палубы. Там стояли самые большие пушки, стрелявшие тридцатидвухфунтовыми ядрами.

– Тридцать штук, сэ, – гордо промолвил юный мичман, – берегите голову, сэ, по пятнадцать справа и слева. Нам повезло, что у нас их так много! Говорят, в наше время этих пушек не хватает, и некоторые капитаны устанавливают на нижней палубе восемнадцатифунтовые, но только не капитан Чейз, он такого не потерпит! Я же говорил вам, берегите голову, сэ!

Шарп потер синяк на лбу и постарался прикинуть, каков вес всех этих орудий, но юный Гарри и тут его опередил.

– Девятьсот семьдесят два фунта металла по каждому борту, сэ, а у нас их два, как видите, – услужливо подсказал он. – А еще у нас шесть каронад, которые стреляют тридцатидвухфунтовыми снарядами и бочонками с мушкетными пулями. Не завидую я французам! Осторожно, сэ!

В уме Шарп подсчитал, что единственный бортовой залп «Пуссели» должен нанести врагу больший урон, чем вся артиллерия в битве при Ассайе. Этот военный линкор являлся настоящим плавучим бастионом, безжалостным и неумолимым убийцей, а ведь «Пуссель» была далеко не самым большим кораблем королевских военно-морских сил! Шарп знал, что на флоте есть корабли с более чем сотней орудий, и снова юный Коллиа, привыкший к суровым экзаменам, которые юным мичманам устраивают строгие лейтенанты, предугадал вопрос.

– На флоте восемь судов первого класса, сэ, которые несут более ста орудий, – осторожно, балка, сэ, – четырнадцать судов второго класса – у них под девяносто пушек – и сто тридцать – третьего.

– Так, значит, «Пуссель» – всего лишь судно третьего класса? – изумился Шарп.

– Вниз, сэ, берегите голову, сэ, – прошептал юный Гарри и исчез на лестнице, ведущей в корабельные глубины. Шарп осторожно последовал за ним. Они оказались в темном, влажном и плохо освещенном помещении с низким потолком, где отвратительно пахло. – Нижняя палуба, сэ. Берегите голову, сэ. Ее еще называют кубриком, сэ. Переборка, сэ. Вот мы и опустились ниже ватерлинии. За складом боеприпасов – каморка корабельного хирурга. Никто на корабле не желает попасть к нему под нож. Сюда, сэ. Берегите голову, сэ.

Гарри Коллиа показал Шарпу бухты, в которые были свернуты якорные канаты, оружейную, охраняемую морскими пехотинцами в алых мундирах, хранилище спиртного, берлогу хирурга, выкрашенную красной краской, чтобы кровь на стенах не так бросалась в глаза, лазарет и крошечную конуру мичмана. Затем юный Коллиа повел Шарпа к громадному складу

провианта – бесчисленным рядом бочек и бочонков. Трюмная вода плескалась под ногами, скрежетали и чавкали помпы.

– У нас их шесть, сэр, и для них всегда найдется работенка, – пояснил юный мичман. – Как бы прочно вы ни построили корабль, вода все равно проникает внутрь.

Гарри замахнулся ногой на крысу, промазал и полез наверх. Он показал Шарпу камбуз, представил главному старшине корабельной полиции, коку, боцманам, помощникам канониров, плотнику и в довершение всего пригласил подняться на грот-мачту.

– Спасибо, не сегодня, – отвечал Шарп.

Тогда юный мичман повел его в кают-компанию, где познакомил с офицерами. Затем они вернулись на шканцы, миновали громадный двойной штурвал и оказались прямо перед дверью в каюту Чейза. Каюта, как и обещал капитан, оказалась маленькой, но стены были обшиты полированным деревом, на полу лежал ковер, а сквозь иллюминатор струился дневной свет. Сундук Шарпа уже стоял у стены. Юный Гарри помог ему разложить подвесную койку.

– Если вас убьют, сэр, – серьезно заметил Гарри Коллиа, – койка станет вашим гробом.

– Что ж, армия не предложит мне и такого, – пожал плечами Шарп, застилая койку одеялом. – А где каюта первого лейтенанта?

– Там, сэр. – Юный мичман показал на переднюю переборку.

– А каюта второго лейтенанта? – Шарпу хотелось знать, как далеко будет от него леди Грейс.

– На открытой палубе, сэр. На корме, рядом с кают-компанией, – объяснил Коллиа. – Вот крюк, на который будете вешать фонарь, сэр, а за этой дверью – капитанская галерея и галюон.

– Капитанская галерея? – переспросил Шарп.

– Уборная, сэр. Прямо в море. Очень гигиенично. Капитан велел, чтобы я все вам объяснил, а еще вам будет прислуживать его вестовой.

– Вы любите своего капитана? – спросил Шарп, отметив про себя, как тепло говорит о Чейзе юный мичман.

– Все любят капитана Чейза, сэр, – отвечал Коллиа. – Нам с ним повезло, сэр. Позвольте напомнить, что ужин подают в конце первой полувахты. Четыре удара корабельного колокола, сэр, учитывая, что полувахта длится два часа.

– А что у нас сейчас?

– Только что пробили два, сэр.

– И сколько осталось до четырех?

На детском лице Коллиа застыло изумление – юный мичман недоумевал, как можно не знать таких очевидных вещей?

– Разумеется час, сэр.

– Да-да, верно, – ответил Шарп.

Вечером капитан Чейз пригласил шестерых гостей разделить с ним ужин. Разумеется, ему пришлось позвать лорда Уильяма с женой. Капитан признался Шарпу, что первый лейтенант Хаскелл – жуткий сноб, который расстилался перед его светлостью всю дорогу от Калькутты до Бомбея.

– Снова взялся за свое, – неодобрительно заметил Чейз. Первый лейтенант не сводил с лорда Уильяма преданных глаз. – А вот Ллуэллин Ллуэллин, – просветлел капитан, подводя Шарпа к краснолицему вояке в алом мундире. – Этот человек ничего не делает наполовину. Капитан морской пехоты. Именно он со своими головорезами скинет лягушатников за борт, если они осмелятся ступить на палубу «Пуссели». Ну и имечко, Ллуэллин Ллуэллин!

– Я происхожу из рода древних королей, – гордо отвечал капитан Ллуэллин, – в отличие от Чейзов, которые всегда были беглыми слугами.

– Зато мы прогнали чертовых валлийцев, – широко улыбнулся Чейз. Шарп понял, что закадычным приятелям доставляет особое удовольствие постоянно подтрунивать друг над другом. – Мой верный друг Ричард Шарп, Ллуэллин.

Командир пехотинцев энергично потряс Шарпу руку и выразил надежду, что прапорщик присоединится к его ребятам на стрельбах.

– Глядишь, и научите их чему-нибудь?

– Сомневаюсь, капитан.

– Мне может потребоваться ваша помощь, – с воодушевлением продолжил Ллуэллин. – У меня есть лейтенант, но юнцу только шестнадцать. Даже не бреется! Не уверен, способен ли он сам подтереть себе задницу. Я рад, что на борту появился еще один опытный солдат, Шарп. Это придаст больше весу всей посудине!

Чейз рассмеялся и подвел Шарпа к последнему гостю – корабельному хирургу Пикерингу. Брейсуэйт, который беседовал с Пикерингом, бросил на Шарпа неприязненный взгляд. Пикеринг – толстяк с лицом, представлявшим собой сплошное переплетение лопнувших кровеносных сосудов, – пожал Шарпу руку.

– Надеюсь, прапорщик, нам не придется встретиться с вами на моем хирургическом столе, ибо лучшее, что я смогу сделать для вас, – это располосовать сверху донизу и молиться за вашу душу. Впрочем, молюсь я очень тихо, если это послужит утешением моим пациентам. А с прошлого раза она несказанно похорошела! – Хирург покосился на леди Грейс. Ее светлость была в бледно-голубом платье с вышитым подолом и низким вырезом. На шее и в темных волосах сверкали бриллианты. – Я редко видел ее светлость в прошлое плавание, – заметил Пикеринг, – но нельзя не отметить, что с тех пор она стала гораздо живее. Впрочем, ее присутствие на борту в любом случае нежелательно.

– Почему нежелательно? – спросил Шарп.

– Чертовски плохая примета – женщина на судне. – Пикеринг потянулся и суеверно коснулся деревянной балки. – Хотя должен признать, она весьма украшает здешнее общество. Сегодня матросам будет о чем почесать свои грязные языки. Что делать, Господь посылает нам испытания, а нам приходится с ними бороться. Капитан рассказывал нам, что вы настоящий герой, Шарп!

– Он такое говорил? – смутился Шарп.

Брейсуэйт отошел, не желая принимать участия в разговоре.

– Чейз уверял нас, что вы из тех, кто первым бросается в атаку, и прочее в том же духе, – ответил Пикеринг. – Что до меня, дорогой друг, то, едва заслышав выстрелы, я тут же уношу ноги к себе в берлогу. Знаете, как дожить до старости, Шарп? Не подставляйтесь под пули. Прислушайтесь к совету старого доктора!

После пиши на «Каллиопе» ужин, который предложил гостям капитан Чейз, показался Шарпу настоящим пиршеством. На закуску подали копченую рыбу с лимоном и настоящим хлебом, затем гости перешли к отбивной – наверняка из козлятины, решил про себя Шарп, но мясо в винном соусе оказалось превосходным. Завершал ужин десерт из апельсинов в сиропе с бренди. Лорд Уильям и леди Грейс сидели по обе стороны от капитана. Рядом с ее светлостью расположился первый лейтенант, который настойчиво подливал соседке вина. Красное вино оказалось кислым, а белое, которое первый лейтенант называл «Мисс Тейлор», – безвкусным. Шарп гадал, что за странное название для вина, пока не прочел на этикетке: «Мистела»⁵.

Он сидел в конце стола рядом с капитаном Ллуэллином, который расспрашивал его о военной кампании в Индии. Узнав, что Шарп собирается присоединиться к 95-му стрелковому полку, валлиец заметил:

– Винтовки на флоте бесполезны.

⁵ *Мистела* – сорт испанского сладкого вина.

– Почему?

– На море точность не имеет значения. Качка все равно сбивает прицел. Наша задача – изрешетить палубу противника и молиться, чтобы хоть несколько выстрелов попали во врагов. Кстати, у нас есть несколько семиствольных ружей, Шарп. Стреляют одновременно семью полудюймовыми патронами. Не хотите попробовать?

– С удовольствием.

– Вам понравится! – загорелся Ллуэллин. – Если мы решим применить их в бою, врагу не поздоровится!

Последнее замечание капитана морской пехоты привлекло внимание Чейза.

– Нельсон запрещает стрелять из мушкетов на палубе, Ллуэллин. Он считает, что от случайной искры могут загореться паруса.

– Нельсон ошибается! – с жаром возразил Ллуэллин. – ваш адмирал просто ничего в этом не смыслит!

– Вы знаете Нельсона? – спросила Чейза леди Грейс.

– Недолгое время я служил под его началом, миледи, – с готовностью отвечал Чейз. – Тогда я командовал фрегатом, но, увы, мне не довелось видеть его светлость в настоящем бою.

– Молю Бога, чтобы никому из нас не довелось увидеть настоящий бой, – с кислой миной заметил лорд Уильям.

– Аминь, – промолвил Брейсуэйт.

Весь ужин секретарь молчал, не сводя глаз с леди Грейс и вздрагивая, когда к разговору подключался Шарп.

– А я молю Создателя, чтобы это случилось как можно скорее! – с жаром возразил Чейз. – Мы должны остановить вашего германского приятеля и его так называемого слугу!

– Вы считаете, мы сможем догнать «Ревенан»? – спросила леди Грейс.

– Надеюсь, что сможем, миледи, но придется постараться. Монморан – хороший моряк, а «Ревенан» – судно быстроходное. Одна надежда на то, что его днище грязнее нашего.

– Мне оно показалось чистым, – заметил Шарп.

– Чистым? – встревожился Чейз.

– Медь сияла, сэр, нигде ни пятнышка зелени.

– Ловок, каналья! – воскликнул Чейз, имея в виду Монморана. – Наверняка он тоже очистил дно. Что ж, это усложняет задачу. А я поспорил с мистером Хаскеллом, что мы догоним «Ревенан» ко дню моего рождения.

– Ко дню вашего рождения? – переспросила леди Грейс.

– К двадцать первому октября, мэм. По моим расчетам, к этому времени мы должны оказаться где-нибудь у берегов Португалии.

– Вряд ли французы будут ждать нас там, – заметил первый лейтенант. – Я не думаю, что «Ревенан» плывет напрямик во Францию. Скорее всего, они зайдут в Кадис, и, по моим расчетам, мы встретим их у африканского побережья во вторую неделю октября.

– Ставлю десять гиней, – загорелся Чейз, – хоть я и поклялся забыть про азартные игры, однако, если мы догоним «Ревенан», я с радостью заплачу. Не беспокойтесь, миледи, во время сражения вы укроетесь в трюме ниже ватерлинии.

Леди Грейс улыбнулась:

– И пропущу все самое интересное, капитан?

Замечание ее светлости вызвало смех за столом. Шарп никогда не видел леди Грейс такой оживленной. Пламя свечей дробилось в бриллиантах на шее, в ушах и на пальцах красавицы, но глаза ее светлости сияли еще ярче. Леди Грейс заразила своим весельем весь стол, за исключением собственного мужа. Его светлость хмурился, вероятно опасаясь, что жена выпила лишнего. На миг Шарп успел даже приревновать Грейс к красавцу и душе общества капитану

Чейзу, но тут же был вознагражден ее мимолетным влюбленным взглядом. Малахия Брейсуэйт хмуро опустил глаза в тарелку.

– Я никогда не понимал, – решил сменить тему разговора лорд Уильям, – почему наши моряки считают, будто лучший способ поразить врага – это расстрелять корпус вражеского судна с близкого расстояния. Разве не проще разрушить выстрелами из пушек снасти противника, стреляя издали?

– Французская тактика, милорд, – ответил Чейз. – Они используют разрезные, цепные и круглые ядра, чтобы разрушить мачты противника. Но даже если они добиваются успеха и наш корабль становится неуправляемым, словно бревно, мы не собираемся отдавать его без борьбы!

– Но если их мачты и паруса не повреждены, что мешает им захватить наш корабль?

– Вы же не думаете, милорд, что, пока французы разрушают наши мачты, британские канониры сидят без дела? – Чтобы смягчить свой выпад, Чейз улыбнулся. – Линейный корабль, милорд, – это плавучая артиллерийская батарея. Уничтожьте паруса – корабль все равно останется батареей, но, если вы уничтожите пушки, разобьете палубу и отправите на тот свет канониров, корабль перестанет существовать! Французы пытаются издали подрезать нам крылья, а мы подходим ближе и поражаем их в самое сердце! – Чейз обернулся к леди Грейс. – Должно быть, вашу светлость утомили разговоры о сражениях.

– За последние несколько недель я успела привыкнуть к ним, – отвечала леди Грейс. – На «Каллиопе» плыл один шотландский майор, который все время пытался разговорить мистера Шарпа. – Ее светлость посмотрела прямо Шарпу в глаза. – Вы ведь так и не рассказали нам, мистер Шарп, о том, как спасли жизнь моему кузену.

– С тех пор как один дальний родственник моей жены наделал шуму в Индии, – перебил жену лорд Уильям, – она не перестает расспрашивать о нем каждого встречного. Странно, что такому неотесанному малому, как Уэлсли, вообще доверили командовать армией!

– Вы спасли жизнь Уэлсли, Шарп? – игнорируя саркастическое замечание лорда Уильяма, воскликнул Чейз.

– Я просто спас его от возможного пленения, сэр.

– Там вы заработали свой шрам? – спросил Ллуэллин.

– Это было при Гавилгуре, сэр. – Шарп мучительно подыскивал предмет, чтобы сменить предмет разговора, но ничего не приходило в голову.

– И как же это случилось? – продолжал настаивать Чейз.

– Под ним убили лошадь, сэр, – покраснев, ответил Шарп.

– Но он же был не один? – спросил лорд Уильям.

– Один, сэр... э... то есть вместе со мной.

– Какая беспечность, – заметил его светлость.

– А сколько было врагов? – спросил Чейз.

– Довольно много, сэр.

– И вы всех их убили?

Шарп кивнул:

– У меня не было выбора, сэр.

– Не подставляйтесь под пули, – пробубнил корабельный хирург. – Послушайтесь моего совета! Не подставляйтесь под пули.

Лорд Уильям похвалил десерт, и капитан похвастался своим коком и вестовым. Завязался разговор о слугах, а в самом конце ужина Шарпа, как самого младшего из офицеров, попросили произнести монархический тост.

– За короля Георга, – произнес Шарп, – храни его Господь.

– И будь прокляты его враги, – добавил Чейз, поднимая бокал, – в особенности мсье Валлар.

Леди Грейс отодвинула стул. Капитан Чейз попытался уговорить ее светлость остаться, но она была непреклонна. Мужчины встали.

– Если не возражаете, капитан, я немного прогуляюсь по вашей палубе, – сказала леди Грейс.

– Как пожелаете, миледи.

Принесли бренди и сигары, однако мужчины не стали засиживаться надолго. Лорд Уильям предложил партию в вист, но Чейз, некогда проигравший его светлости крупную сумму, отказался, сославшись на то, что бросил играть. Лейтенант Хаскелл пригласил мужчин переместиться в кают-компанию, и гости покинули столовую.

Чейз пожелал им доброй ночи и позвал Шарпа в кормовой салон:

– Выпьем бренди, Шарп.

– Мне не хочется быть навязчивым, сэр.

– Обещаю, что вышвырну вас, как только устану от вашего общества. – Чейз протянул Шарпу стакан, и они отправились в уютный салон. – Бог мой, этот Уильям Хейл просто невыносим! – восклицал капитан. – А вот его жена меня поразила! Никогда не видел ее такой оживленной! В прошлый раз она сохла и увядала прямо на глазах.

– Может быть, дело в вине? – предположил Шарп.

– Может быть, и в вине, но до меня тут дошли кое-какие слухи.

– Слухи? – напряженно переспросил Шарп.

– О том, что вы спасли не только ее дальнего кузена, но и саму леди Грейс. А также о том, что некий французский лейтенант недавно отправился к праотцам.

Шарп кивнул, но ничего не сказал.

Чейз улыбнулся.

– В любом случае переживания пошли ей на пользу. Как вам этот секретарь? Весь вечер просидел, нахохлившись, словно сыч. А еще говорят, закончил Оксфорд! – К радости Шарпа, капитан больше не стал расспрашивать его о леди Грейс, а предложил прапорщику поступить под командование Ллуэллина и стать почетным морским пехотинцем. – Если мы догоним лягушатников, – сказал Чейз, – то попытаемся захватить их корабль. Как бы славно ни поработали наши пушки, нам все равно придется взять «Ревенан» на абордаж. И вот тогда нам понадобятся опытные вояки вроде вас, Шарп. Могу я рассчитывать на вашу помощь? Ну и славно! Скажу Ллуэллину, что отныне вы принадлежите ему со всеми потрохами. Он – лучший товарищ на свете, хоть и морской пехотинец, да еще и валлиец в придачу. Не думаю, что он станет сильно загружать вас. А сейчас я должен выйти на палубу и проверить, не ходим ли мы кругами. Вы со мной, Шарп?

– Да, сэр.

Так Шарп стал почетным морским пехотинцем.

Капитан Чейз велел распустить все паруса, которые могли выдержать мачты, и даже усилил снасти дополнительными стальными тросами – перлинями. Лисели, стаксели – целое облако парусины тянуло корабль к западу. Чейз посмеивался, говоря, что затеял большую стирку. Матросы разделяли воодушевление капитана. Вся команда горела желанием доказать, что «Пуссель» – самое быстроходное судно на свете.

Ночью море внезапно заштормило. Шарпа разбудил топот над головой. Койку так раскачивало, что ему с трудом удалось спрыгнуть на пол. Шарп накинул плащ, который одолжил ему Чейз, и вышел на шканцы. Облака закрывали луну, слышны были только крики на мачтах. Шарпа удивляло, как матросы могут работать в полной тьме в сотнях футов над палубой, как не боятся карабкаться по тонким линиям, слыша только вой ветра в ушах. Работа матросов требовала не меньшей храбрости, чем солдатский труд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.